

СВЯЩЕННИК ВАЛЕРИЙ ДУХАНИН

КТО МЫ?

КТО НАШ БЛИЖНИЙ?

Валерий Духанин

Кто мы?

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53943674
Духанин Валерий, свящ. – Кто мы? [сборник статей]: Фонд
социокультурных проектов «Традиция»; Москва; 2019
ISBN 978-5-6041696-8-1*

Аннотация

Беседы священника Валерия Духанина посвящены основным вопросам, которыми задается каждый христианин. Как бороться с пагубными страстями и взрастить посеянные Богом в душе каждого человека семена добра? Как строить добропорядочные, основанные на любви отношения с ближними? Что есть истинная православная вера? Опираясь на многолетнюю пастырскую практику, отец Валерий делится своими взглядами на главные стороны жизни православного христианина.

Содержание

Кто мы?	6
Чем опасны наши греховные страсти	7
Жизнь в тысячу рублей, или к чему приводит осуждение	15
«Пережевывая их, мы изъедаем сами себя».	27
Как перетерпеть обиды	
Бывают ли обиды безобидными	35
«В гневе начал царь чудесить...».	46
Вспыльчивость и ее преодоление	
Противление злу силой	58
Означает ли смирение слабость	67
Не будьте равнодушными	75
Милосердие как путь к радости	83
Грех и раскаяние	96
Покаяние и радость	103
Сколько бы ты хотел жить?	110
Кто наш ближний?	120
О том, как мы судим о людях	121
Как вразумлять другого человека	133
Любовь или ненависть?	145
Кто наш враг?	152
Кто наш ближний?	158
Возлюбить врага своего	166

Что значит: «люби ближнего своего»	172
О друге, дружбе и общности	183
О жертве, жертвенности и ее пределах	192
Когда ждать благодарности	209
Простить и испросить прощения	218
Когда можно делать добро	229
Кто наш Бог?	237
В поисках смысла жизни	238
Первый вопрос после выхода из наркоза, или как я пришел к Богу	254
Вера и неверие: тайна обращения человека к Богу	263
Кто такие святые	277
Обман себя страшнее проказы: история наших дней	287
Бог рядом: живые истории божественного промысла	295
Бог рядом: живые истории божественного промысла	306
Рай: жажда изгнанника	318
Мог ли Христос не родиться?	328
О вере «неверующего» Фомы	335

Священник
Валерий Духанин
Кто мы?
Сборник статей

© Фонд «Традиция», 2019

Кто мы?

Чем опасны наши греховные страсти

Из истории Рима известно, что Тарпея, дочь начальника крепости на Капитолийском холме, согласилась впустить неприятельских солдат, соблазнившись их золотыми брасле-

тами. Она их выпустила с условием, что солдаты подарят ей все украшения, которые носят на левой руке. Воины исполнили обещание: их предводитель Гатиус первый вручил ей свой щит и браслеты, а солдаты стали бросать в нее свои драгоценные украшения и щиты, пока она не упала мертвой под их тяжестью. Так небольшое желание стало причиной гибели.

С каждой греховной страстью происходит практически то же самое. Человек соблазняется мнимым благом, один раз выражает согласие, и далее эта страсть обрушивается на душу бесконечной ношей, поработывая и убивая ее.

Один наш современник, Егор, учился в Ярославском художественном училище. Всё было хорошо, но в один момент он сделал «открытие», что, оказывается, алкоголь как бы слегка подстегивает творческие способности, помогает раскрыться талантам, при этом уходит природная скованность. И вот это открытие привело к тому, что творить и как-либо проявлять себя без алкоголя Егор уже не мог, в трезвом состоянии становился жалким, скучным и потеряннным; выпивая же, превращался в мастера и героя. Он пил для поддержания своего духа. Но через какое-то время Егор стал чувствовать, что душа его принадлежит какому-то злому хозяину, а в ней самой царит пустота. В один из праздников в общежитии Егор выпивал со своей знакомой. Он даже не заметил, как в какой-то момент потерял контроль над реальностью, словно подчиняясь чужой воле, разбил балкон-

ное стекло и сделал несколько шагов по узкому карнизу. Ему до этого казалось, что алкогольное опьянение вдохновляет и окрыляет, приводит к творческим полетам, на этот раз оно действительно обернулось полетом, только не творческим, а с пятого этажа.

Любая греховная зависимость вообще есть разрушение, уничтожение того лучшего, что дано Богом каждому из нас. Страсть паразитирует на наших природных способностях, потребностях, дарованиях, обращает их во вред человеку. Потребность еды и питья оборачивается чревоугодием и пьянством, потребность любви – блудной похотью, потребность совершенства – гордостью и самоутверждением.

Что же такое страсть? Это греховная привязанность, болезненное влечение нашего естества к тому, что вредит и изнутри разрушает. *Страсть – это грех, вошедший в привычку.* Внутри появилась потребность какого-то греха, к нему неуклонно тянет, а сопротивление этой тяге сопровождается внутренней болью, зазывающим голосом: «Скорей удовлетвори меня, иначе не будешь доволен».

Страсть – это то, что изнутри тебя изъедает: зависть, ревность, осуждение... Она лишает внутреннего покоя, раздирает сердце, заставляет бурлить помыслы, помрачает ум, а волю сковывает стальными тисками. Человек действительно становится исполнителем чужой злой воли, делает то, чего не хотел бы делать в здравом состоянии души. Особенно это видно на примере страсти гнева: потеря головы ведет к яро-

сти и физическому уничтожению того, что находится рядом. Но не менее разрушительны другие страсти, например уныние, которое замыкает человека на себе, лишает внутренней жизни, обездвиживает, не дает проявить себя в деятельной любви к ближним.

Итак, любая страсть – это неадекватность. Человек ведет себя не соответствующе здравому поведению. Вспышка гнева, несдерживаемое блудное влечение, беспредельная гордость – всё это аномалии человеческого поведения, произрастающие из глубокого греховного расстройств, внутреннего сбоя души человека.

Страсть никогда не может сделать человека счастливым, и потому жалок тот, кто спешит удовлетворить каждое требование своего ненасытного зверя. Слово подгоняемый невидимым ездом, страстный человек безвольно торопится насытить безумное требование страсти, но после его насыщения все равно остается недовольным. Человек, лишенный Бога, всегда будет всем недоволен. Он хочет урвать, насытиться, получить, но никогда не чувствует удовлетворения.

Если оставить страсть как есть, то она будет требовать себе новой пищи, уничтожать в душе всё живое. Поэтому отношения с греховной страстью могут быть только отношениями войны. Какие-либо соглашения оборачиваются трагедией.

А что же упомянутый нами Егор? Слава Богу, он не умер, его подлечили, он вышел из больницы с травмированным по-

звоночником, с нестигаемой левой рукой и, к сожалению, с таким же нестигаемым желанием пить дальше. Теперь он пил не для художественных успехов, а для преодоления чувства собственной ущербности. Надорванная печень реагировала на каждую долю алкоголя жуткой болью. После очередной пьянки в нем вдруг произошел какой-то внутренний переворот. У него почему-то родилась мысль, что он погиб, погиб духовно, и что если ты попал в когти к диаволу, то он добьет тебя без всякой жалости. Видимо, остатки света и образа Божия, которые есть в душе каждого, даже самого падшего человека, дали о себе явственно знать. Придя в себя, Егор увидел рядом Библию, на которую раньше не обращал никакого внимания, машинально открыл ее, как оказалось, на страницах Евангелия и стал читать.

Пока читал, Егор неожиданно для самого себя заметил, что у него уходит страх. Евангелие вселяло в него какой-то внутренний мир и отраду. С этим так не хотелось расставаться, и потому Егор читал без перерыва Священные Книги три дня подряд, а ночью, когда спал, боялся выпустить Библию из рук. Потом он взмолился, точнее, эта молитва как-то сама вышла из его израненного сердца: «Боже, если Ты есть, спаси меня, избавь от пьянства. Если Ты мне не поможешь, я завтра снова пойду похмеляться. Пожалуйста, помоги мне». И вот такая молитва от сердца произвела чудо – внутри потух огонь, всегда ранее гнавший Егора к ларьку с алкоголем, он даже перестал курить, но самое главное – внутри вместо пустоты явилась радость жизни.

Мы часто недоумеваем, почему нам никак не удастся расстаться с какими-то своими грехами. Мы были бы рады не делать того, что делаем, но продолжаем, словно мы – безвольный механизм, выполняющий заложенную в него программу.

Страсти слишком глубоко вошли в нас, мы воспринимаем их как свои природные потребности, и потому преодолеть их своими силами не удастся. И хотя никто еще не умер, отказавшись от алкоголя или блудных отношений, мы грешим так, словно умрем, если не согрешим.

Но если бы в руки нам дали ядовитую змею, то разве согласились бы мы с ней играть? Важно понять, что любая гре-

ховная страсть – это змея, которая жалит душу и отравляет ее сатанинским ядом. И потому за принцип себе надо взять: лучше умру, но не согрешу.

Праведный Алексей Мечёв говорил: «Нужно, чтобы грех опротивел, чтобы всё это перегорело внутри, в сердце, когда начнешь вспоминать... И вот тогда-то уж грех нам будет противен и мы уже не вернемся к нему». Имея антипатию к страсти, мы будем сторониться ее. Имея любовь к Богу, мы будем устремляться к Нему.

Победить страсть полностью возможно только с Богом. Для упомянутого нами Егора не было иных вариантов, для него Бог был не теоретической истиной, а единственной Реальностью, Которая может помочь. Молитва Богу от сердца, с крепкой надеждой, с желанием спастись, способна вершить настоящее чудо. Решимость сердца и горячая молитва открывают врата души Богу, а Его благодать производит внутри переворот, очищает и освобождает, спасает и исцеляет.

Церковь учит нас владеть своими естественными потребностями, отказываться от еды и питья в определенное время года или суток (посты и евхаристическое воздержание). Это бесценный опыт владения собой, когда естество требует своего, но ты становишься выше его потребностей.

Если мы учимся отказывать себе в том, что естественно, – еде и питии, то можем научиться отказывать в том, что противоестественно, – страстях и греховных влечениях.

Ты не умрешь от того, что не соблудишь или не пройдешь

очередной уровень компьютерной игры. Напротив, только тогда ты и почувствуешь подлинную жизнь. Научившись побеждать свои пожелания в малом, возможно достичь победы и над долговременными своими страстями.

Конечно, в жизни каждого конкретного человека есть свои особенности, и значит, у каждого формируется свой опыт борьбы с грехом. Но Бог назвал Себя нашим Небесным Отцом независимо от наших личных особенностей. *Нет греха, который не был бы прощен за покаяние, и нет страсти, которая не искоренилась бы всеисцеляющей помощью Божией.* А преподобный Силуан Афонский писал: «Тем, кто борется с грехом, Господь дает не только прощение, но и благодать Святого Духа, Который радует душу и дает ей глубокий и сладкий мир».

Жизнь в тысячу рублей, или к чему приводит осуждение

Жизнь наполнена невероятными историями, которых не найти даже в вымышленных произведениях. Виталий, врач-онколог, рассказал вот такую.

Как-то в их больницу легла женщина с только что поставленным страшным диагнозом – опухоль головного моз-

га. Женщина пришла к Виталию со своим неутешительным снимком. Снимок и правда представил жуткую картину: весь мозг покрыт опухолью, — но это никак не вязалось с общим состоянием бодрой пациентки. Виталий понял, что здесь что-то не так, и решил сделать повторный снимок.

Оказалось, что никакой опухоли нет. Видимо, в медицинском центре или поликлинике, откуда пациентка поступила, произошел какой-то сбой аппаратуры. Женщина невероятно обрадовалась и поспешила в свою палату собирать вещи. Вот там-то и случилось искушение: ей показалось, что у нее пропали деньги. Дело в том, что в качестве закладки в книгу она использовала тысячерублевую купюру. Этой-то дорогой закладки теперь не оказалось. Женщина искушению поддалась: вызвала врачей и устроила скандал. На шум пришел и Виталий. Пациентка, забыв о нечаянной радости с несостоявшимся диагнозом, возмущалась всё больше и больше, обвиняя во всем персонал и врачей.

Виталий заметил, что лицо женщины краснеет: видимо, поднималось давление. Он решил сходить за лекарством, чтобы заранее ей как-то помочь, успокоить, снять эмоциональный накал. Как это ни прискорбно, но он не успел: у пациентки случился приступ, откачать ее не смогли. Это выглядит невероятным, но женщина умерла. Чуть позже уборщица нашла под кроватью тысячерублевую купюру, которая, как оказалось, выпала из книги и таким образом стала причиной скоропостижной смерти пациентки. Вот так осужде-

ние ближних, напрасное обвинение их обернулось непоправимой трагедией.

Не все мы видим губительные последствия осуждения, но последствия эти, несомненно, есть. Осуждение – болезнь нашего времени, это то, чем мы живем постоянно. Мы смотрим на всё сквозь очки осуждения, говорим с осуждением, думаем, осуждая других. Часто осуждение является единственной темой общения. Двое встречаются только для того, чтобы осудить третьего. Самые распространенные темы бытовых бесед – помусолить сведения о чьей-то жизни, посмеяться над чужими оплошностями, пожаловаться на начальство и т. д. И внешний вид другого человека, и его взгляд, и его тон – всё подвергается безапелляционному суду нашей мысли.

Осуждение – это определенный показатель, знак того, что у тебя происходит внутри. Осуждение рождается из недовольства, а оканчивается негодованием. *Осуждая других, мы возмущаем самих себя, лишаем собственную душу мира.* Если заглянуть внутрь души осуждающего, то можно увидеть, как там копошатся, беспокоят, свербят недовольные помыслы. Они как нарывы на теле, прикосновение к которым доставляет боль. Поэтому такому человеку везде всё не так: в семье, на работе, в государстве. Он ищет, кому пожаловаться, понять, а заодно наговорить всяких гадостей.

Осуждение и пересуды – это как нудное гудение мух, которые клубятся над зловонной ямой и жужжат себе что-то однообразное. Осуждающий и подобен мухе. Он всегда своей мыслью летает над чем-то скверным, дурным, нечистым – чужими ошибками и оплошностями, и он всегда зудит и гудит о том, что всё плохо, что всё не так.

Осуждать – значит видеть вокруг себя только темное. Но наши глаза созданы Богом так, чтобы реагировать на свет, и душа создана, чтобы видеть светлое, а мы сами настраиваем око своей души на мрак. В конечном итоге говорить о темном – значит самому быть темным. Поэтому люди, погрязшие в осуждении, как правило, унылы и мрачны.

Беседа с тем, кто привык осуждать, утомляет, она высасывает из собеседника силы, увлекает его за собой в недовольство и бесконечные пересуды, а после себя оставляет какую-то муть. Это подобно поднявшейся со дна озера тине. Поэтому о каждом осуждающем можно по праву сказать, что он мутит воду. После общения с ним остаются внутри только мрачные чувства.

Осуждение исходит всецело из мятежности. Мятежники всегда стремятся к революции, свергнуть тех, кто у власти, чтобы самим прийти к власти и судить тех, кто был раньше. Суд мятежников беспощаден. И подпавший страсти осуждения – мятежник. Он ниспровергает в своей душе всех и вся, в каждом найдет улики для своего приговора.

Изначальным здесь является болезненность души, а осуждение других – лишь способ ее выражения. В этом смысле угодить осуждающему невозможно, а сам он уподобляется злему псу, который лает и бросается на каждого встречного. Так рвется подверженная страсти осуждения душа, она лает и кидается на всех, кто бы он ни был, готовая раздирать и кусать.

В православной аскетической традиции есть понятие умного делания, когда весь внутренний мир, вся душа человека устремлены ко Христу, ум отсекает злые помыслы и воздвигает добрые, сердце рождает теплые чувства, воля устремлена к добру. Осуждение в каком-то смысле тоже делание, только не умное, а безумное. Весь внутренний мир, вся душа такого человека ищет, за что бы ухватиться, чтобы осудить человека, выразить недовольство и негодование.

Осуждение производит внутри осуждающего разбалансировку всех его душевных сил. Он теряет цельность, потому что внутренне кидается то на одного, то на другого, полагаясь на свои кривые, лживые мысли. После осуждения внутри нет ни покоя, ни чистоты. Там – полный разброд мрачных мыслей и чувств. В этом смысле осуждение – душевный недуг.

Осуждающий часто считает, что всего лишь констатирует факты, что он не боится говорить о несправедливостях, о том, что есть на самом деле. Но осуждающий не замечает, что зачастую специально ищет, а в чем бы уличить и об-

винить другого. Он подобен человеку, который несет домой разный мусор и хлам, наполняет им свое жилище и сидит в этом соре. Так и душа осуждающего уподобляется месту сбора всевозможного мусора.

На самом деле осуждение рождается не из наблюдения несправедливостей как таковых, а, повторим, из мятежности наших собственных мыслей, буйства внутренних чувств, которые кидаются из стороны в сторону, готовы наброситься на кого угодно, только бы найти этому повод.

Если человек не преодолевает в себе мятежности, то он будет осуждать и самых близких людей: родителей, мужа или жену, детей, будет жаловаться и негодовать. Жизнь такого человека – сплошная беда. Ведь он сам кругом видит одни беды и досадует.

Что же делать? Как преодолеть в себе осуждение?

Если говорить по существу, то человек никогда не освободится от страсти осуждения, пока не вкусит смирения. В этом смысле у каждого из нас есть своя мера осуждения ближних в меру гордости каждого из нас. Ведь *осуждение означает, что ты поставил себя выше других и считаешь себя способным оценивать их жизнь и поступки*, выносить вердикт, как выносит судья подсудимому приговор или врач ставит пациенту диагноз.

Душа, стяжавшая смирение, освобождается от осуждения. Смирение вносит в душу мир, уходит мятежность, и человек перестает осуждать, его внутри ничто не свербит, он

не останавливается взглядом на чужих недостатках.

Одна женщина, Наталья, рассказывала. У нее сильные боли в спине, так что она не может выстоять всю службу в храме. Как-то Наталья пришла на богослужение и попыталась сесть на лавочку. Но ей не позволила другая женщина: она сначала оттеснила ее, а потом специально поставила на это место свою сумку, чтобы никто уже не сел. Поняв, что сесть уже не получится, Наталья отошла в сторону и стала от сердца молиться об этой женщине. Она настолько смирилась и всецело погрузилась в молитву, что внутри нее не затаилось ни злобы, ни негодования. Неожиданно для нее самой после искренней молитвы об обидчице у Натальи перестала болеть спина. Так Господь дал ей утешение за то, что она смиренно встретила грубость, а после этого вместо осуждения от сердца молилась о той женщине. Она даже не просила за себя, не ожидала никакого облегчения боли. Но Господь утешил ее. И всякий раз, когда мы вместо осуждения будем искренне молиться о других людях, Господь подаст каждому какое-то свое благодатное утешение.

Молитва за другого человека – это уже действие добра, желание спасения ближнему. Молитва противоположна клейму осуждения, как противоположны тепло холоду, свет тьме, любовь ненависти.

Когда мы любим кого-то, то видим в нем достоинства, которых не замечают посторонние. Любящему не мешает радоваться встрече с любимым ничто из его несовершенств;

собственно, он и не замечает этого, несовершенств как будто и нет. Напротив, при антипатии к другому человеку всё в нем становится раздражающим несовершенством — и его тон, и его взгляд, и его манера поведения. Само его присутствие уже невыносимо, уже предмет для осуждения.

Любовь и смирение приходят не сразу. Что же делать конкретно сейчас?

Злая собака кусается, будучи спущена с привязи. Поэтому для начала ее надо посадить на цепь, пусть лает оттуда. Желаящему победить в себе осуждение нужно, прежде всего, обуздать свой язык, не спускать его с привязи, запретить себе говорить, едва к горлу подкатывает осуждение. Пусть мысленно ты еще осуждаешь, но для начала хотя бы молчи.

Можно даже попробовать такое упражнение. В течение недели не говори ни о ком ничего плохого. Просто в качестве эксперимента. От воскресного дня до воскресного, от исповеди до исповеди не произноси ни одного плохого слова в адрес ближнего. Если и говорить что-то о ком-то, то только хорошее. Так уже начнется работа над собой.

Иногда мы думаем, что не осуждаем, а всего лишь рассуждаем о действиях другого человека. Как одно отличается от другого?

Рассуждение переходит в осуждение по упомянутому простому принципу: когда мы начинаем говорить о людях плохое. Пусть это плохое вроде бы соответствует им, но, произнося темное, мы ставим на них клеймо. Постараемся го-

ворить хорошее, светлое, доброе, тогда осуждения точно не будет.

Поверьте, если мы перестанем говорить о людях дурное, то ничто не обрушится, не рухнут ни правопорядок, ни педагогика, ни внутрисемейные отношения. Напротив, станет больше чистоты и света. Пусть картина жизни покажется неполной. Но лучше она будет неполной из-за вытеснения тьмы, нежели из-за постоянного изгнания света.

Но исправить свое слово недостаточно, важно исправить мысль. То, что мы в человеке видим, зависит от того, как мы смотрим. Пчела везде найдет красивый цветок и сядет на него, чтобы собрать полезный нектар, а муха везде найдет грязь и сядет туда, чтобы собрать новых микробов.

Вот ты увидел пьяного человека и сразу подумал: «Бездельник, попрошайка! И как только свет носит такого?!» Но представь, что было время, когда на него с любовью смотрела родившая его мама, как она не чаяла в нем души и надеялась, что его жизнь сложится счастливо. Его пьянство – это болезнь, он мучается от этого, как и каждый из нас страдает от своих тайных недугов души. Его душа ждет помощи, и даже простая, от сердца, молитва о нем окажет пользу ему.

К преподобному Серафиму Вырицкому как-то молодая супружеская пара принесла большую сумму денег в качестве пожертвования. Святой Серафим их не принял, а благословил отдать первому встречному по дороге на станцию. Каково же было их удивление, когда первым встречным оказался

шатающийся от опьянения мужчина. Молодая супруга растерялась: как можно давать деньги такому? Но муж принял решение: «Поступим по словам батюшки». Когда они протянули деньги пьяному человеку, то оказалось, что тем самым они спасли его от самоубийства. Он работал в торговле, и у него образовалась недостача ровно на ту сумму, которую они вручили ему. Боясь тюрьмы, он впал в отчаяние и думал наложить на себя руки. Неожиданная милостыня спасла ему жизнь. Так святые прозревали беды людей и спасали их, а мы бываем готовы заранее осудить их и тем самым способствовать их гибели.

Если бы мы видели свои грехи, то разве стали бы смотреть на грехи другого? Когда у тебя болит зуб, будешь ли думать о том, что болит у другого? И когда мы видим свои недостатки, когда наша душа болит о собственных немощах, грехи других становятся неактуальны. Вот почему в древнем патерике приводятся знаменитые слова преподобного Пимена Великого. Некто спросил авву Пимена, как может человек достигнуть того, чтобы не говорить худо о ближнем? Старец ответил: «Если человек, смотря на себя, находит в себе недостатки, то в брате своем видит совершенства. А когда сам себе он кажется совершенным, тогда, сравнивая с собой брата, находит его худым».

Господь всё наше спасение свел к единственной фразе: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лк. 6: 37). Дай Бо-

же всем нам спастись и не быть осужденными.

«Пережевывая их, мы изъедаем сами себя». Как перетерпеть обиды

Если бы нам представилась возможность увидеть, в каком состоянии пребывают души людей, то наверняка мы увидели бы, что это состояние обиды. Все чувствуют себя

кем-то ущемленными, обделенными, оскорбленными, кем-то обиженными. Может быть, так оно и на самом деле есть. Но все дело в восприятии этого и в том отношении, какое мы сами выстраиваем к случающимся неприятным событиям.

Обида – это всегда крушение каких-то надежд. Мы надеялись, что нас поймут, помогут, простят, но этого не произошло. Мы полагали, что другой человек пойдет нам навстречу, но вместо этого он от нас холодно отвернулся или жестоко оттолкнул. Надежда порушена, и вместо нее явилась обида.

Как это ни прискорбно, но таящий в себе обиду причиняет страдания себе сам. Казалось бы, он мучается от вполне объективных притеснений со стороны других, на самом же деле его терзают собственные мысли и чувства. Как однажды точно подметил святитель Игнатий (Брянчанинов), человек больше всего страдает не от случающихся неприятностей, а от их переживания. Развивая эту мысль, добавим, что, переживая в себе обиды, мы изъедаем сами себя.

К одному старцу пришел ученик и спросил, как ему быть с обидами, которые появляются из-за несправедливого к нему отношения со стороны других людей. Старец предложил ему такой совет: «Каждый раз, как обидишься, клади за пазуху картошку». Ученик принял совет, и понемногу накопилось столько картофеля, что стало его тяготить, а потом эти овощи еще и начали гнить. Тогда ученик снова пришел к старцу: «Я больше не могу носить с собой эту зловонную тяжесть».

«Тебе неприятно? – спросил его старец. – Но как же ты позволяешь носить в своей душе обиды на других людей?» Действительно, обида – это то, что гниет внутри нас, мучает душу нестерпимой тяжестью и не дает нам покоя.

Есть еще один интересный феномен. Казалось бы, наши обиды отделяют нас от причинивших нам зло людей. На самом же деле, всякая обида продолжает нас связывать с той несправедливостью или ущербом, которые причинил нам обидчик. Потому что человек внутренне свободный уже не таит в своем сердце обид, – он свободен и мирен. Тогда как тот, кто подчинился обидам, внутренне скован, томим и мучим своими горестными воспоминаниями, впечатлениями и перенесенными несправедливостями. Как же такой человек будет счастлив?

Как ни странно, обиды часто провоцируются нашей мнительностью. Мы сами надумываем себе то, что начинает обижать нас в отношении наших близких. И даже малую оплошность ближнего мы способны раздуть до невероятных размеров.

Пожалуй, яркой иллюстрацией этого является известная ссора двух знаменитых писателей И. А. Гончарова и И. С. Тургенева. Как-то Гончаров подробно озвучил в присутствии Тургенева проект намечаемого романа «Обрыв». В один из дней, когда писатели собрались в доме Тургенева, тот пригласил их завтра к себе на обед для прослушивания его нового романа «Дворянское гнездо». На следующий день Гончаров не явился к обеду, но пришел позже. Когда же его спросили о причине непоявления, он ответил, что его не приглашали, на что Тургенев в недоумении возразил,

что приглашал. Как только начали читать роман, Гончаров стал замечать, что многие идеи и характеры героев «Дворянского гнезда» на странность похожи с озвученными им когда-то перед Тургеневым идеями и характерами из романа «Обрыв». Так вот почему его не пригласили, полагал Гончаров: Тургенев присвоил себе его концепцию романа.

Через какое-то время, после многократных взаимных объяснений (Тургенев настаивал, что не стремился специально воровать идеи, но они могли отложиться в его душе и быть потом воспроизведены самостоятельно, вне связи с концепцией Гончарова) между писателями разгорелась нешуточная ссора. Затем в новом романе Тургенева «Накануне» Гончаров опять усмотрел влияние проекта своего романа. Состоялся даже третейский суд, не в пользу Гончарова, после которого уже Тургенев поддался чрезмерной обиде – не стерпев, разорвал общение с Гончаровым. И не нашлось никого, кто бы вовремя примирил двух гениев. Вновь накапливаемая обида Гончарова поместила его в замкнутый круг: обида заставляла всякий раз усматривать в произведениях Тургенева влияние своих идей, а это усматривание, в свою очередь, отравляло его душу нестерпимой горечью. А ведь когда-то он сам признался, что многое тут следовало объяснить его мнительным характером.

Обида часто выражается в злопамятности, то есть в злой памяти, в том, что мы долго помним обиды и храним злое чувство по отношению к нашим обидчикам. По словам пре-

подобного Иоанна Лествичника, злопамятность есть «ржавчина души, червь ума». Ржавчина изъедает, а червь гложет. Как же при этом быть сердцу спокойным?

Поэтому лучшим правилом здесь может быть – не подпускать к своему сердцу обид вообще, перешагнуть через личную обиду и идти по жизни дальше, в чем-то став умнее, в чем-то осторожнее, а в чем-то снисходительнее к ближним.

Почему же мы обижаемся на других? Есть несколько очевидных причин, зная которые, можно заранее нейтрализовать свои обиды.

Во-первых, мы ожидаем, что другой человек должен нам непременно помочь, пойти навстречу, словно он обязан послужить именно нам и у него нет других забот, не позволяющих полноценно уделить нам внимание.

Во-вторых, мы как бы не допускаем, что другой человек может не сдержаться, вспылить, выйти из себя, подвести нас в определенных ситуациях, то есть мы не оставляем ему право на ошибку.

Третья причина наших обид заключается в том, что мы ждем всегда от других одинакового к нам отношения. Если наш ближний поступил не так, как мы заранее полагали, то мы говорим, что он не оправдал наших надежд, что поступок его оказался для нас неожиданным. Во взаимоотношениях с ближними важно помнить, что человек – существо переменчивое. И потому вроде бы хороший человек в какие-то моменты способен срываться, терять доброту и любовь (так

же как и плохой человек способен покаяться и исправиться).

Нетрудно заметить, что все указанные причины упираются в наш эгоизм и нежелание проникнуться положением ближнего. Эгоизм всегда требует, чтобы другие служили нашему «я», чтобы от них «я» всегда получало одну только пользу. Если же заранее понимать, что наши нужды не являются центром жизни других людей и что нам самим стоило бы созидать себя через участие в жизни ближних, а не безмерно поглощать их помощь, тогда никакого крушения неоправданных надежд не будет. Сменить вектор жизни с эгоцентризма на жертвенность – и не будет обид.

И еще. По большому счету, проблем с ближними не имеет тот, кто не обижается.

Если подытожить сказанное, то *чувство обиды – это в каком-то смысле очень точный критерий, ключевой показатель того, насколько мы реализуем в своей жизни Евангелие*. Если наши мысли возмущенно кипят от обид на кого-либо, если во время бесед с друзьями и близкими мы все время на кого-нибудь жалуемся, то значит, сердце наше слишком изнежено, мы ищем, чтобы другие всегда угождали нам, но при этом даже не подозреваем, что сами мы далеки от Христа, Который за всю Свою скорбную жизнь ни разу не высказал на кого-либо ни одной обиды.

Бывают ли обиды безобидными

В жизни византийского императора Юстиниана II (f 711) случилось самое страшное, что только может случиться с правителем, – заговор. Его свергли с трона. А чтобы Юсти-

ниан даже не думал претендовать на возвращение, ему отрезали нос. В те времена считалось, что императором может быть человек совершенный, то есть не имеющий какого-либо порока, в том числе и телесного. Чуть погодя Юстиниан II вполне опроверг этот тезис, вернувшись на трон. Впрочем, совершенным так и не стал, если иметь в виду совершенство в его подлинном смысле.

Низвергнутый и униженный, сосланный в далекий Херсонес, Юстиниан, лишившись носа, не утратил природной смекалки. В его сердце возгоралось пламя мести, а хворостом для пламени служила обида. Вступив в общение с правителем Хазарии, Юстиниан быстро набрал силы и обзавелся нужными связями. Когда из Константинополя к нему подослали убийц, Юстиниан, ловко опередив их, умертвил заговорщиков, а затем с горсткой сторонников отплыл в Болгарию на простом рыбацком судне.

В море разыгралась страшная буря. Надежды на спасение не было. Один из слуг, словно прозрев духовно, взмолился: «Вот, господин, мы погибаем. Дай Богу обет во имя твоего спасения не наказывать врагов, если Бог вернет тебе царство». Юстиниан в гневе воскликнул: «Да потопит меня Бог на этом месте, если я пощажу кого-нибудь из них». Бог пощадил Юстиниана, из бури они вышли невредимыми. Милосердие Божие не вразумило душу, томимую обидой и жадой мщения.

Болгарский князь дал Юстиниану воинов. И вот он уже

возле стен Константинополя. Что двигало этой неутомимой душой? Что заставляло прилагать усилия и выходить победителем в безысходной, казалось, схватке? Всё та же горькая обида и жажда беспощадной мести. Источником душевной энергии служил адский огонь. Но пока Юстиниан стоял у мощных высоких стен Константинополя, жители города беспечно смеялись над безносим низложенным правителем. И тогда Юстиниан пошел на отчаянный шаг. Ночью с горсткой смельчаков он пробрался через старый водопровод внутрь города, достиг дворца и объявил себя полноправным правителем. Воины из царских полков, растерявшись, посчитали, что Юстиниан и правда восстановил свои права, тут же перешли на его сторону. В скором времени весь город оказался в его руках.

Как же Юстиниан воспользовался своей столь счастливой и по-человечески совершенно неожиданной победой? Увы, всю страну он наполнил казнями и репрессиями, выискивал, кто выступал против него, и наказывал самым жестоким образом. Если до своего изгнания Юстиниан совершил множество полезных для империи дел, провел важный для всей церковной истории Трулльский Собор (691–692), защищал империю от многочисленных завоевателей, то весь смысл его правления по возвращении воплотился в беспощадной мести и утолении всех своих прежних обид.

Всегда в правилах императоров было при восхождении на

престол объявлять прощение хотя бы кому-нибудь из осужденных. Юстиниан II не вспомнил об этом. Смысл любой амнистии заключается как раз в том, что правитель надеется на созидание новой жизни по правилам милости, а не мести, прощения, а не террора. Правитель, объявляя амнистию, подтверждает, что сам он выше каких-то личных обид. Террор всегда исходил из противоположных принципов. Кровь за кровь, голову за голову, а лучше даже все головы своих врагов вместо своей одной.

Мсть влечет за собой новую жажду мести – со стороны невинно обиженных, пострадавших, несправедливо подвергшихся наказанию. Реки невинно пролитой крови переполнили чашу долготерпения Божия. В империи из-за постоянных репрессий усилились нестроения, и Юстиниан II вновь был свергнут. На этот раз милость Божия отвернулась от него: Юстиниана казнили.

Какой урок преподает нам эта реальная история, похожая на сюжет приключенческого романа?

Любая обида может вырасти в мщение. Конечно, обида не всегда завершается мстостью. Но никакая мсть не бывает без предваряющей ее обиды, как нет сорняка без крепких корней, укуса гадюки без яда, взрыва мины без действия детонатора. Обида – камень, приготовленный против другого. Мсть – бросок этого камня. Когда ты носишь камень за пазухой, тебе самому тяжело, а тяжесть души усилится, если камень обиды ты метнешь в сторону ближнего. Всякая

мечь, а значит, и всякая обида есть в зародыше мучение самого мстящего, самого обиженного.

Печь сжигает всё, что положат в нее, поглощает топливо, а обратно выгребается мелкая зола. Так и обида сжигает в душе всё. Такая душа лишь поглощает и уничтожает, а обратно выдает горстку сожженных чувств, отношений, порушенных связей с людьми. Но если от печки – тепло, то от объятной обидой души веет холодом.

Сколько семей дали трещину только потому, что супруги стали обижаться друг на друга из-за каких-то оплошностей, накапливали в себе груз обид и потом этот груз повлек ладью семьи ко дну. Есть те, кто в отместку изменил, в отместку подал на развод, в отместку бросил другого в тяжелой жизненной ситуации. Потому что обида всё перекрыла, лишила здравого разума, привела к крушению всего самого ценного.

Обида – искушение всех людей без исключения. Яркий пример обиды и желания мести мы видим даже среди учеников Христа. Спаситель, направляясь в Иерусалим, послал учеников в самарянское селение приготовить для Него место. Но самаряне не приняли Спасителя, так как Он имел вид путешествующего в Иерусалим (Лк. 9: 53). Это и послужило поводом для обиды апостолов. А вот и желание мести. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? (Лк. 9: 54). Так вот просто думали апостолы решить возникшую трудность, по принципу: нет человека –

и проблемы нет.

Апостолы еще и представить не могли, что когда-то с поведенью любви они пройдут эти земли, а потом с радостью встретят весть о том, что и самаряне приняли слово Божие (Деян. 8: 14). Их мысли пока были заняты тем, что хотелось испепелить своих обидчиков. Для переосмысления им нужно было еще пережить скорби и страхи, и только благодать Духа Святого соделала их сердце обителью любви, не знающей никакой обиды.

Но если мы посмотрим предваряющее повествование Евангелия, то увидим, что перед самарянским селением апостолам пришла мысль, кто бы из них был больше (Лк. 9: 46). Размышление о том, насколько ты велик, естественно обращается позором, когда тебя кто-то не принял.

Любая наша обида – проявление гордости, такой человек заведомо убежден, что ему должны оказать особую честь, а если этого не происходит, то он считает, что его презрели, не поняли, оставили одного. Так и приходят на память известные строки М. Ю. Лермонтова:

*Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!*

Обиженный – всегда «невольник чести», ему всегда кажется, что его, такого хорошего, способного, умного, непра-

вильно поняли, не приняли, оттолкнули.

Кто из вас меньше всех, тот будет велик (Лк. 9: 48), отвечает Христос на наивный вопрос апостолов о первенстве. Смирение несет в душу мир, изгоняет обидчивость. Если ты признаешь себя меньше других, то на кого обижаться? Как может считать себя обещанным тот, кто ни от кого не ждет чести?

Почему же эта явная немощь учеников вошла в текст Евангелия, которое должно включать вроде бы только святое? Потому что записанное относится к каждому из нас. Даже самый кроткий с виду человек может стать мстительным, если будет копить в сердце обиду. Даже добродушный, никому не причинивший зла человек, если затаит на кого-то обиду, со временем может сам ответить злом на зло. Тебя где-то не приняли, развернули, отвергли, и ты готов уже испепелить этих людей, не оставить камня на камне, будь дана тебе чудотворная сила.

Типичное проявление обиды – внутреннее переживание ущерба от чужой несправедливости, следствием же становится желание поглотить своих обидчиков огнем. Поэтому обида и месть взаимосвязаны.

Месть обиженного выражается хотя бы в том, что он отказывает ближнему в общении, меняет свое внутреннее к нему отношение. Человек, на которого ты обиделся, отступает в твоём внутреннем мире за черту, за границы любви.

Обида – всегда непрощение. Мы потому и обижаемся, что

не прощаем ближнему его ошибок, немощей, неправильных поступков. Но всякое непощение означает одно – нелюбовь. Если бы ты желал ближним добра, то разве держал бы что-то на них из-за их ошибок или оплошностей? Обида – внутреннее бурление, клокотание вражды и непощения. Это смятенно-мятежное восстание личной «правды», желающей отстоять свои права в этом непостоянном мире.

Мы опираемся на свою личную «правду», как на кривую клюку, с которой хромаем по жизни. Правда же Христова в том, чтобы мы стали выше обид, чтобы чья-то несправедливость не угасила в нашем сердце добра, чтобы в сердце воссияла свобода любви и прощения и спали с души оковы мстительности.

Обида – знак победы греха над душой человека. Если после причиненного тебе оскорбления ты загорелся злобой, то, значит, от чужого зла ты заразился злом. Огонь чужого греха передался тебе, попалил весь твой внутренний мир, соделал и тебя злодеем. Копить в себе обиду, а тем более вынашивать помыслы мести – то же самое, что положить себе за пазуху горящие угли и пытаться носить их.

Обида и мстительность – болезнь греховного человечества. Но именно от этой болезни и пришел исцелить нас Христос. Вот почему Он ответил апостолам: Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать (Лк. 9: 55–56).

Христианин – это тот, кто несет в себе образ Христа, в

ком Бог отражается наиболее ясным и чистым образом. Бог есть Любовь, в Нем нет и тени ненависти. Бог долготерпелив и милосерден, в Нем нет и капли презрения. И никакой обиды в Боге тоже нет. Бог наказывает, но не мстит, ибо Он не испытывает ущерба от наших грехов. Его наказание – вразумление любящим Отцом Своих неразумных чад. Бог попускает скорби человеку, впавшему в грех, но ни на кого не держит обиды.

Из самых глубин голгофских страданий, при всеобщем презрении, Христос молился: Отче! прости им, ибо не знают, что делают (Лк. 23: 34), – Он не имел в сердце и капли обиды. Те же слова повторял святой Стефан Первомученик; когда его побивали камнями, просил за своих убийц: Господи! Не вмени им греха сего (Деян. 7: 60). Кто приобщен Богу, тот приобщен и Божией любви, тот выше обид, потому что причастник Божиего Царства ищет, чтобы и другие стали причастниками.

Если бы в нашем теле сидела заноза, а острая боль от нее не давала покоя, то разве мы не предприняли бы усилий вынуть занозу? Всякая обида – заноза, сидящая в глубинах души, пронзающая сердце острой болью. Занозы надо вынимать, а от обид – избавляться. Обиды преодолеваются по мере смирения, когда надменный дух уходит, подобно как испаряется мрачный чад от веяния свежего воздуха. Если обида – тугой обруч, сдавливающий душу, то прощение – освобождение.

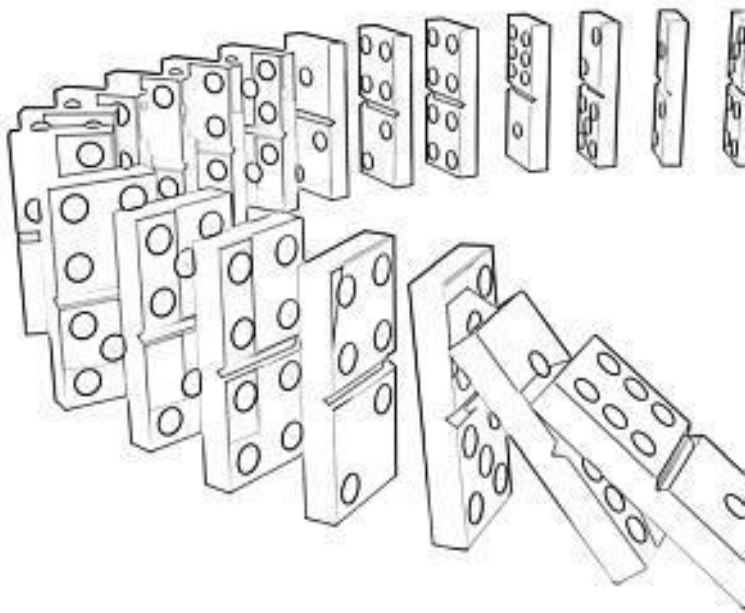
Одно древнее сказание гласит, как на некий индийский остров привезли невольника-христианина. Он столь усердно трудился, что хозяин со временем поставил его управляющим над всем своим имением. Как-то, придя на рынок невольников, управляющий заметил старого, изувеченного, больного человека и тут же купил его. Хозяин был удивлен таким выбором. Когда все приступили к работе, то хозяин заметил, что управляющий заботливо ухаживает за этим старым невольником. Он поместил его в свое жилище, кормил со своего стола, всячески оберегал его и поддерживал. Хозяин подумал, что управляющий нашел своего родственника, и спросил, не приходится ли он ему отцом. «Нет, он не отец мне и даже не родственник», – ответил управляющий. «Почему же ты так заботишься о нем?» – «Да потому, что он – мой враг. Ведь это он продал меня когда-то торговцу невольниками. А Христос велит платить за зло добром».

Такая любовь, такое прощение и есть настоящая свобода, настоящее счастье. Дай Бог каждому из нас вкусить хотя бы малую долю от благ Христовых, стяжать свободу от обид и всячески беречься от мстительности.

«В гневе начал царь чудесить...». Вспыльчивость и ее преодоление

*«В гневе начал царь чудесить
И гонца хотел повесить»*

(А. С. Пушкин)

А виноват ли был гонец? За что его стоило казнить?

Как часто мы выносим вердикт ближнему по каким-то совершенно нелепым причинам! Начинаем в своем гневe чудесить, когда что-то досадило нам, а другой-то человек, по существу, не виноват. Мы, слава Богу, не цари и не можем безраздельно распоряжаться жизнью другого. Но, увы, мы мо-

жем губить жизнь собственную своим бесчеловечным отношением к ближнему.

Замечали ли вы за собой, что, поспешно вспыхнув по какому-то поступку ближнего, потом об этом жалеете? И напротив, вовремя удержав себя от бурного проявления чувств, потом бываете рады, что не допустили этого.

Давайте посмотрим на себя: что происходит с нами в минуту сильного раздражения? Да мы же теряем голову, как будто умалишенные, перестаем контролировать ситуацию. Внутри всё кипит, разум не действует, речь становится резкой и прерывистой. И только потом мы объясняем всё тем, что «погорячились маленько».

Итак, одна из причин конфликтов людей – несдержанность и нетерпеливость. Нам кажется, что мы непременно правы и что нужно тотчас высказать всё, что думаем, поступить в отношении ближнего так, чтобы мало не показалось.

Вот почти анекдотическая ситуация, случившаяся в жизни знаменитых людей. Однажды А. С. Пушкин в кругу приятелей сочинил четверостишие, в котором посмеялся над своим другом поэтом В. К. Кюхельбекером. Тот, оскорбленный, немедленно вызвал Пушкина на дуэль. Страсти, как говорится, разгорелись не на шутку. Первым стрелял обиженный. И когда он целился, Пушкин с иронией закричал секунданту А. Дельвигу: «Стань на мое место, здесь безопаснее!» Действительно, пистолет дрогнул, так что пуля пробила фуражку на голове Дельвига. Сам же Пушкин, к его че-

сти, от выстрела отказался. На этот раз Бог уберет Пушкина от пули. Тем не менее речь шла о человеческой жизни. И если вникнуть в ситуацию, то последняя в жизни Александра Сергеевича роковая дуэль во многом была спровоцирована именно его несдержанностью и раздражительностью.

Всем нам не раз приходилось наблюдать ситуации, как кто-то, «попав под горячую руку», оказывался в такой немилости, что судьба его решалась самым кардинальным образом. Свою усталость, огорчения, обиды от неудач и приключившихся неприятностей мы выплескиваем на первого попавшегося человека, как будто это он является причиной всех наших бед и несчастий. Подобный срыв легко оборачивается взаимной, порой долголетней враждой. И возможно, что обиженный нами человек, приняв от нас эстафету вспыльчивости и раздражения, передаст ее кому-то другому. В итоге, словно по эффекту домино, люди досаждают друг другу из-за каких-то пустяков и глупостей.

В этой связи вспоминается сказание об известном правителе Индии Акбаре Великом (вторая половина XVI в.). В его окружении блистали великие художники, танцоры, философы. У Акбара имелась одна причуда – он мог вдруг сделать что-то такое, что вызывало бы у других изумление. Однажды он беседовал с девятью своими лучшими друзьями и неожиданно ударил по лицу человека, стоявшего рядом. Им оказался Бирбал, самый умный человек при дворе. Подождав секунду, Бирбал развернулся и дал пощечину стоявшему рядом с ним министру. Не долго думая, министр повторил то же самое со следующим, а тот еще с другим. Получилось так, что эта пощечина обошла всю столицу. А поздно вечером, когда Акбар уже готовился ко сну, его вдруг ударила собственная жена. «Что ты делаешь?» – спросил он. «Сама не

знаю, в чем дело, — ответила она, — но это происходит по всей столице. Меня тоже сегодня ударили. Кроме тебя мне некогда ударить». «Надо же, — сказал Акбар. — Моя собственная пощечина вернулась ко мне».

Полученная обида от других сидит в душе неприятной болью и выплескивается наружу при первой же возможности. Однако в нашей жизни действует закон бумеранга. То злое, что делаем мы другим людям, непременно вернется к нам, хотя бы от совершенно посторонних людей. Обязательно кто-то тоже вспылит и тоже доставит нам боль.

В этой связи преподобный Марк Подвижник в своем 6-м Слове высказал очень важную мысль: общность с другими людьми бывает не только от любви, но и от злобы. Причем общность от злобы навлекает на тебя беды ненавидимого тобой человека. Как пишет преподобный Марк, «всякий, обижающий ближнего, соразмерно с обидою принимает на себя искушение обижаемого им». Вот почему люди злобные непременно подвергаются несчастьям, причины которых не могут сами понять, — Господь попускает им то, что попускалось другим людям, потерпевшим от злобных обиду.

Итак, многие наши проблемы связаны с тем, что мы крайне нетерпеливы к другим и не можем хранить самообладания. Причем выплескиваем свое раздражение по преимуществу на самых близких людей.

Есть ли средство к решению этой проблемы?

В конфликте, когда вы начинаете гневаться на кого-либо,

не давайте волю первому слову. Если вы чувствуете, что уже выходите из себя, промолчите. Обычно считается, что лучше выговорить всё, что ты думаешь, так сказать – выплеснуть наружу негатив, чтобы внутри его не осталось. Но в минуту гнева достаточно произнести первое слово, как за ним скажете и второе, тяжелее первого, и конфликт вспыхнет, как огонь, который погасить будет очень трудно.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) предлагает такой совет: не предпринимай никаких решений в час своего гнева. *«Час гнева есть час безумия для всякого разгневавшегося, хотя бы разгневавшийся принадлежал к первейшим мудрецам».* Всякое решение должно исходить из зрелого, беспристрастного суждения, а не из страсти, охватившей душу. А ведь сколько гадких вещей люди наговорят друг другу в минуту гнева! Сколько самых нелепых решений примут!

В древнем Патерике повествуется, как братия пришли к некоему святому старцу, безмолвствовавшему в пустынном месте, и увидели вне его монастыря мальчиков, пасущих скот и произносящих неприличные слова. Повидавшись со старцем, исповедав ему свои помышления и ощутив душевную пользу от его наставления, братия спросили: «Авва! Почему ты позволяешь этим мальчикам быть близ тебя и кричать непристойно?» Старец отвечал: «Поверьте мне, братия, бывают дни, что порываюсь запретить им, но останавливаю себя: „Если я не снесу этого малого беспокойства, то как снесу большее искушение, если попустит его Бог?“ По этой при-

чине ничего не говорю им, чтоб образовался во мне навык терпеливо переносить всё происходящее». Конечно, реагировать на случающиеся в жизни несправедливости нужно, но только не выходя из себя.

Если вы чувствуете, что готовы взорваться, то на мгновение остановитесь. Не произносите ничего в секунду, когда чувствуете, что вспылите. Психологи, кстати, в таких ситуациях советуют сделать три спокойных вдоха и выдоха, как будто вы в этот момент над чем-то задумались. Впрочем, у каждого христианина есть куда более сильное средство – произнести про себя пусть и коротенькую, но молитву. Обратившись умом своим к Богу, вы отвлечетесь от раздражения, приступ страсти утратит свой первый накал. А обращение к Господу доставит свободу от возникшего искушения вспыльчивости. Когда же первая волна чувств и эмоций будет преодолена, вы уже легче овладеете самими собой, вернете себе равновесие и ответите более взвешенно и спокойно.

На самом деле, *подвиг христианской жизни* заключается не в том, чтобы сотворить какие-то великие героические дела, а в том, чтобы в своей повседневной жизни хотя бы в малом побеждать страсти и делать добро другим людям. В этой связи послушаем величайшего подвижника христианской древности преподобного авву Пимена: «„Больше любви никто не имеет, как если кто душу свою положит за друзей своих“ (см.: Ин. 15: 13). Если кто услышит огорчительное

слово и вместо того, чтобы ответить подобным же оскорблением, преодолеет себя и промолчит или, будучи обманутым, перенесет это и не отомстит обманщику – то он этим положит душу свою за ближнего».

Да, да, жизненным подвигом является вовсе не только героизм в экстремальных ситуациях. Христианская любовь к ближним и жертвенность в повседневной жизни – тоже подвиг и героизм, хотя и незаметный другим. Но если, скажем, герои войны принимают удар на себя исключительно в минуту опасности, когда совесть побуждает пожертвовать собой, то каждому христианину такая жертвенность заповедана Христом как правило повседневной жизни, то есть чтобы принимать удар на себя и не наносить его никому другому. Как бы это ни выглядело трудным, христианская жертвенность и любовь должны быть для нас повседневностью. На самом деле у нас, собственно, и нет иного выхода: либо работать над собой и преодолевать обиды, либо плыть по течению, и тогда самая малость будет выводить нас из себя.

Итак, для того чтобы преодолеть в себе вспыльчивость, следует начать с малого. Самое первое – это, когда тебя обижают, молчи. Не позволяй себе выплескивать негодование. В следующий раз промолчать будет легче, меньше станет и смущение от причиняемых неприятностей.

Второе: если назревает конфликтная ситуация, то главное – не дать душе увлечься страстью. С появлением первых злых чувств надо сразу же обращаться к Богу с молитвой:

«Господи, помоги, укрепи, защити!»

Святитель Игнатий (Брянчанинов) дает нам совет: «Всеми мерами надо стараться, чтобы сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других: для этого нужно всячески стараться удерживать гнев и соблюдать посредством внимания ум и сердце от непристойных движений. Оскорбления от других должно переносить равнодушно и приучаться к такому расположению духа, как бы оскорбления их относились не к нам, а к кому-либо из лиц, чуждых нам. Такое упражнение может доставить тишину сердцу человеческому и сделать его обителью Самого Бога».

Еще одна задача – победить в себе вспышку злобы в тот же самый день, еще до захода солнца. «Солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4: 26), – сказано в Священном Писании. Легко вырвать сорняк, не успевший пустить корней, а вот укоренившийся удалить уже намного труднее.

Конечно, у каждого из нас бывают случаи, когда терпение на второй или третий раз исчезает. Отчего же так? Мы часто не терпим наших ближних, потому что считаем: нам придется терпеть бесконечно. Но в жизни всё бывает лишь несколько раз. Пусть что-то случается десять или двадцать раз, но потом всё равно завершится. Всё имеет конец, и беда наша в том, что мы этих нескольких раз потерпеть не желаем. «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21: 19), – сказал Христос. И если мы постараемся вникнуть, то увидим, что одни и те же ситуации могут влечь человека к гибели, но

могут стать и ступенькой к спасению его души, в зависимости от того, раздражаемся мы, выходим из себя или же, проявив терпение и любовь к ближнему, закаляем душу в добре.

Вот, например, какую совершенно неожиданную для нас сторону в неприятных для нас ситуациях общения с ближними вскрывает преподобный авва Дорофей: «Случается также, что иной, как кажется ему, пребывает в мире и безмолвии; но когда брат скажет ему оскорбительное слово, то он смущается и потому полагает себя вправе скорбеть на него, говоря: если бы он не пришел и не смутил бы меня своими словами, то я не согрешил бы. Вот смешное суждение! Вот обольщение дьявольское! Разве тот, кто сказал ему слово, вложил в него страсть? Он только показал ему ту, которая уже была в нем, для того, чтобы он, если хочет, покался в ней. Такой подобен гнилому хлебу, который снаружи хорош, а внутри заплесневел, и когда кто-либо разломит его, то обнаруживается его гнилость. Так и этот пребывал, как ему казалось, в мире, но страсть была внутри его, а он не знал о сем; брат сказал ему одно слово и обнаружил гнилость, сокровенную внутри его. И так, если он хочет получить помилование, то пусть покается, очистится, преуспеет и пусть видит, что он еще должен благодарить брата как доставившего ему таковую пользу. Ибо искушения не будут уже одолевать его, как прежде; но насколько он преуспеет, настолько они окажутся для него легчайшими: ибо по мере того, как душа преуспевает, она становится более крепкою и приобретает

силу переносить находящиеся на нее искушения».

Вот так Господь всех нас ставит в ситуации, раскрывающие нам наше подлинное внутреннее содержание. Таков Промысл Божий, чтобы мы совершенствовались, общаясь друг с другом, возрастая в терпении, смирении и взаимной любви. Нужно только правильно взглянуть на происходящее. Тогда вместо постоянных пересудов, сводящихся к тезису «я во всем прав, а другие не правы», мы увидим свою внутреннюю неправоту (она-то и проявляется во вспыльчивости), преодолев которую обретем внутренний мир.

Противление злу силой

Как вы себя поведете, если увидите, что на улице пристают к беззащитному человеку? Поспешите пройти мимо, чтобы не досталось самим? Вызовете полицию и будете отстраненно смотреть, что будет дальше? Или же поучаствуете в беде ближнего?

Не будем кривить душой: в нашем обществе распростра-

нены трусость, неспособность защитить ближнего и откликнуться на чужую боль. Самое же страшное бывает тогда, когда свою безучастность и слабохарактерность мы объявляем добродетелью смирения.

Вот история, случившаяся совсем недавно. Нет смысла пересказывать все детали. Но суть в том, что в период активной пропаганды ювенальной юстиции у молодой мамы отняли двух малышей. Приходя к зданию, где находились детишки, она плакала возле окна, откуда на нее смотрели ее малыши и тоже рыдали навзрыд. И главное, ситуация на местном уровне не могла разрешиться. В органах опеки изобретали самые разные основания: «отдадим, когда сделаете ремонт в квартире», «отдадим, когда соберется комиссия». Как потом выяснилось, возвращать детей и не собирались. Однако среди друзей пострадавшей семьи нашлись те, кто проявил активное участие. Удалось выйти на структуры, наблюдающие за деятельностью опеки. Административное вмешательство сверху, выявив ряд нарушений в действиях опеки, обязало вернуть детей маме. Ювенальщики буквально шипели: «Кто там вмешался?» Но пусть это останется тайной.

Вопреки распространенным взглядам, добро – это вовсе не робкая благость по отношению к совершающемуся вокруг нас злу, не толерантное заискивание или терпимость к любым формам общественной несправедливости. Подлинная любовь и добро – это активная сила, которая никогда не будет мириться со злом, злобой или несправедливостью,

в нужный момент противостоянет им, будет с ними бороться и их искоренять.

В поэме М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» бесстрашный купец Калашников не побоялся вступить в конфликт с любимым опричником царя Иоанна Грозного. Почему? Потому что опричник Кирибеевич хотел посягнуть на семью Калашникова, опозорить его жену, и супруг, не боясь неминуемой смерти, одолевает противника.

Как же соотнести с упомянутым случаем христианское смирение и беззлобие?

Подлинное смирение, кротость, беззлобие не есть слабость; напротив, это умение владеть собой, своими страстями и чувствами, что предполагает внутреннюю крепость и силу воли. С одной стороны, это умение совладать с собственным гневом, чтобы не выплескивать его без причин. А с другой – умение дать неприятелю достойный отпор, когда требуется защитить своих близких.

Архимандрит Рафаил (Карелин), запечатлевший в своих воспоминаниях образ многих духовных людей, с которыми он встречался, приводит интересные рассуждения известного старца схиигумена Саввы (Остапенко): «Какие страсти отец Савва считал самыми губительными для современного человека? Как ни странно, батюшка не назвал ни блуд, ни гордость. Я как-то спросил у него: „Какая страсть самая опасная и какой грех самый губительный?“ Он ответил:

„Трусость и боязливость. Такой человек живет всегда двойственной, ложной жизнью. Он не может довести доброго дела до конца, всегда как бы лавирует между людьми. У боязливого кривая душа; если он не поборет в себе эту страсть, то неожиданно под действием страха может стать отступником и предателем“. Когда я спросил: „А как преодолеть эту страсть?“ – он ответил: „Преодолевай ее в малом, не надейся на людей, в том числе на себя, а уповай на Бога“. А затем добавил: „Молись Божией Матери, Она наша взбранная Воєвода“».

Как же объяснить поведение некоторых святых, например преподобного Серафима Саровского, который не стал оказывать сопротивления своим личным обидчикам, напавшим на него в лесу? Ведь святой Серафим физически был намного крепче их, однако не стал сопротивляться. Ему покалечили позвоночник, так что всю жизнь он ходил согбенный.

Святитель Филарет Московский однажды произнес замечательные слова, о которых стоило бы помнить: «Гнушайтесь врагами Божиими, поражайте врагов Отечества, любите врагов ваших». Есть три категории врагов, и к каждой из них стоит по-особому относиться:

- личных врагов христианин призван прощать, предоставляя суд над ними сердцеведцу Богу;
- врагам Отечества следует давать достойный отпор, потому что, защищая Отечество, мы избавляем ближних от многих бед;

– врагами же Божиими, то есть теми, кто осознанно идет против Бога, необходимо гнушаться, то есть отвращаться, сторониться их заблуждения.

Когда святой Константин Философ (в монашестве Кирилл), просветитель славян, посланный греческим императором к сарацинам для прения о вере, пришел в их столицу, то он услышал следующее недоумение: «Христос есть Бог ваш, почему же вы не поступаете так, как Он повелевает вам? Он заповедал вам молиться за врагов, добро творить ненавидящим и гонящим вас, бьющим в щеку обращать другую, – вы же поступаете не так: если кто обидит вас, вы изощряете меч, выходите на войну, убиваете. Почему же вы так делаете?» Выслушав, святой Константин спросил у них: «Если в каком-нибудь законе будут написаны две заповеди, то который человек окажется более совершенным исполнителем закона: тот ли, который исполняет одну, или тот, кто исполняет обе заповеди?» «Тот вернее служит Богу, который исполняет обе заповеди», – отвечали ему. «Правильно, – продолжал святой. – Итак, теперь рассудите дальше: истинно, что Христос повелел нам молиться за обижающих нас и благотворить им. Но Он сказал также, что большей любви никто из нас явить в этой жизни не может, как если кто положит душу свою за друзей своих. Свою обиду терпит каждый из нас, когда она причиняется нам как людям частным. Но в обществе мы друг друга защищаем, жертвуем своей жизнью, чтобы вы, пленив наших сограждан, вместе с телом не пле-

нили и их души, принудив их к отречению от веры и богопротивным действиям. Ведь вы если покорите какую-нибудь землю, то всех принуждаете принимать вашу веру и лишаете Небесного Царствия. Так лучше нам предать телесной смерти некоторых из ваших воинов, чем если многие из наших братьев по вере умрут через вас духовною смертью».

Древнехристианский подвижник преподобный Исидор Пелусиот рассуждал: «Апостол Павел сказал: „Аще возможно... со всеми человеки мир имейте“ (Рим. 12: 18). Иногда бывает это и невозможно, когда дело идет о благочестии, о справедливости, о целомудрии, и просто сказать, о всех добродетелях. Как будет в мире благочестивый с нечестивым, правдивый с лживым или целомудренный с похотливым, который готов растлить не чужую только, но и свою собственную красоту? „Держись. мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца“ (2 Тим. 2: 22)».

Преподобный Сергей Радонежский, являя собой пример глубочайшего смирения, никогда не мстил обидчикам и считал за лучшее удалиться из обители, нежели наказывать тех, кто негодовал на него. Однако он благословил на ратный подвиг иноков Пересвета и Ослябю, да и самого благоверного князя Димитрия Донского, чтобы они поражали врагов Отечества. Как же его личное смирение и кротость совмещались с согласием на чье-то убийство? Дело в том, что смирение святого человека (а поступки святых – пример для подражания каждому из нас) – это смирение не перед злом как

такovým, а прежде всего перед Богом, то есть послушание воле Божией. Преподобный Сергей жил по Божиим заповедям, и Господу угодно было защитить Русскую землю от монголо-татар руками русских воинов, поэтому преподобный, прозревая Божию волю, благословил князя и воинов на ратный подвиг.

Во время обороны Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, осаждаемой польскими интервентами в 1608–1610 годах, было явлено удивительное чудо. Однажды при вражеской атаке возле стен обители явились преподобные Сергей и Никон Радонежские. Неприятели пускали стрелы, которые едва достигали места, где стояли святые, как возвращались обратно, поражая захватчиков. Те, кто уже достиг Небесного Царства, Царства Евангельских истин, дают на земле достойный отпор врагам, наказывая дерзких людей, напавших на святую обитель!

Из Евангелия мы знаем, что Сам Господь Иисус Христос взял кнут и выгнал нарушивших святыню храма (см.: Ин. 2: 15). И если цель христианства – торжество правды, добра и истины, то почему мы должны пасовать перед ложью, злом и неправдой в наших земных отношениях?

Разве смирение состоит в том, чтобы поддакивать всякому наглому слову, покорно соглашаясь с собственной ничемностью? Творец вложил в наше естество защитные функции, которыми пренебрегать нельзя. Так что иногда стоит прислушаться и к словам из песни мудрой черепахи Торти-

лы в сказке «Золотой ключик»: «Драться надо – так дерись».

Поэтому можно сказать со всей очевидностью, что *мужество – подлинно христианская добродетель*. В частности, святой Амвросий Медиоланский (f 397) выделяет в добродетели мужества два проявления: мужество в подвигах военных и мужество в частной и повседневной жизни. В первом случае мужество есть решимость и способность осуществлять требования справедливости. Во втором – мужество – величие и крепость духа, та высшая степень самообладания, при которой человек побеждает в себе грехи и страсти, а при любых жизненных невзгодах хранит спокойствие.

Добродетель мужества двояка: она проявляется в искоренении зла внутри себя самого и в искоренении зла в окружающем нас мире. Собственно, только имея мужество, можно являть деятельную любовь к ближним, избавляя их от бед и жизненных неприятностей.

Кстати, святой Амвросий Медиоланский бесстрашно выступил с обличением императора Феодосия Великого (379–395), когда тот позволил жестоко расправиться с жителями города Фессалоники, взбунтовавшимися против повышения налогов. Почти всё население города с детьми и стариками было согнано в цирк и истреблено. Лишь после внушений святителя император раскаялся и явился для принесения покаяния ко входу в храм без императорских одежд. Значит, мужество, соединенное с личной верностью Богу, способно других привести к покаянию.

Как бы хотелось, чтобы мужество отличало каждого современного православного христианина.

Означает ли смирение слабость

Иногда можно услышать, что христианское смирение означает душевную слабость. Согласны ли вы с таким взглядом? А и правда, разве не слабость подставлять свои щеки

направо-налево, уступать, жертвовать чем-то своим?

Если разобраться, христианское смирение все-таки не малодушие и не внутренняя слабость. Малодушный и рад бы отомстить, да внутренняя робость не позволит, и он думает, что сил телесных и душевных не хватает, – то есть никакого смирения в этом нет, а есть констатация своего бессилия.

Напротив, смирение – подлинная сила духа, когда ты можешь ответить ударом на удар, но мужественно побеждаешь в себе гнев и обиду, проявляешь к обидчику благородство, любовь. Конечно, если есть воля Божия на проявление силы, то этому надо следовать, ведь подлинная сила духа – это твердая надежда на Бога, соединенная с личным мужеством. Но в конечном итоге *подлинное мужество не в том, чтобы сокрушить врага как источник опасности, а в том, чтобы из врага сделать друга.*

Так зачем же необходимо смиряться?

Святитель Николай Сербский предлагает нам следующее мудрое наставление: «Преступление – всегда слабость. Преступник – это трус, а не герой. Потому всегда считай, что творящий тебе зло слабее тебя; и как не мстишь малому ребенку, так же не мсти и сотворившему тебе зло. Ибо он злодей не по причине силы, а по причине слабости. Таким образом ты будешь набирать в себе силы и станешь подобен морю, которое никогда не выходит из берегов, чтобы топить всех людишек, бросающих в него камни».

В житиях святых встречается имя ныне мало известной

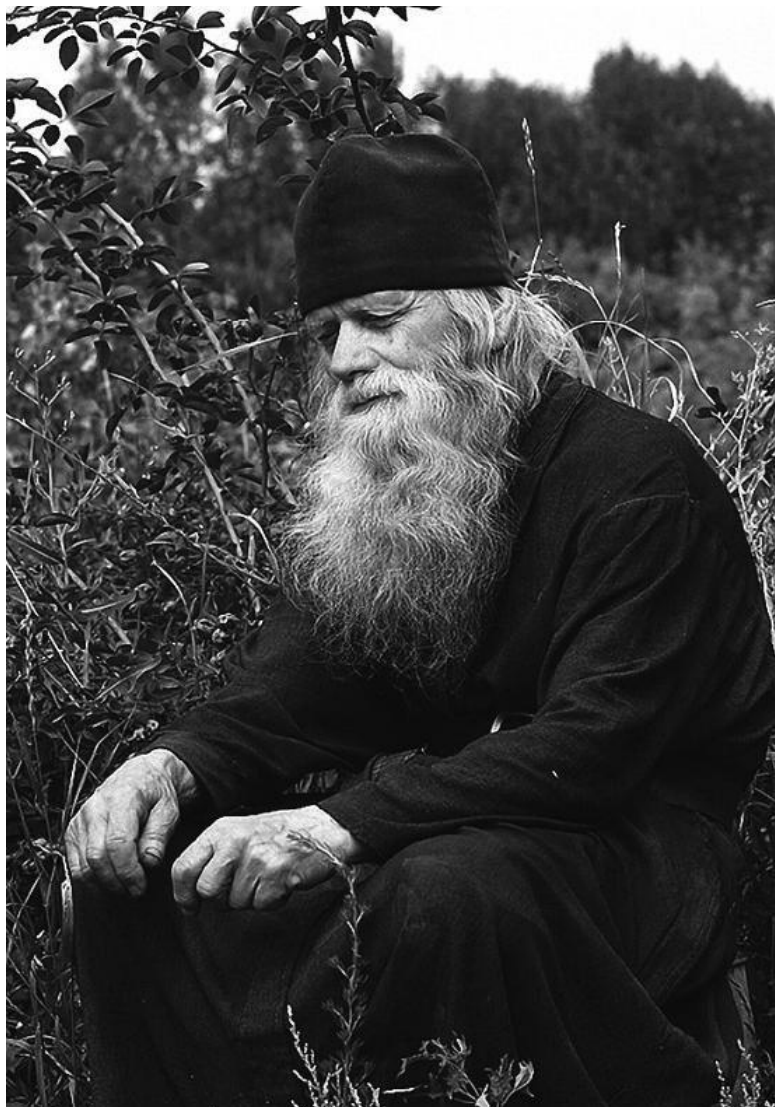
святой мученицы Фавсты (начало IV в.). Она в совсем юном возрасте, на тринадцатом году своей жизни, была предана на мучение за веру Христову. Император велел мучителю Максиму источить над святой весь ужас своих мучений. Среди лютых истязаний Фавста, вопреки ожиданиям окружающих, только благодарила Бога и кротко молилась за своего мучителя, произнося такие слова: «Молю Тебя, Господи, возлюби Максима, просвети его верой и утверди в страхе Твоем». Эта кроткая молитва и желание блага своему истязателю так поразили его сердце, что Максим сам уверовал во Христа и вместе со святой Фавстой принял мученический венец. Так любовь и смирение всегда завершаются духовной победой.

Итак, если вы видите, что вокруг вас кипят страсти, что на вас смотрят с гневом, а в ваш адрес раздраженно высказываются или возводят всякую клевету, то не поддавайтесь на порывы собственного раздражения. Если ваши обидчики желают гореть в огне собственных страстей, в пламени собственного негодования, то хотя бы вы сами не вступайте в этот огонь. С мирной молитвой в душе, с сочувствием к негодующим пребудьте в стороне от этих страстей. Кто знает, быть может, ваша молитва, словно обильная, чистая вода, остудит огонь, после которого в душе неприятелей останется сожаление и раскаяние.

В реалиях нашего страшного мира есть такое явление – сатанизм. Служители этого безумного культа, избрав откровенное зло и насилие как главные ценности жизни, порой не

гнушаются приносить в жертву диаволу живых людей. Мало кто знает, что в этом изуверском, немыслимом по своей жестокости для здравого сознания ритуале собственно жертвой является тот момент, когда несчастный человек допускает в себе злость по отношению к истязателям. И это признается победой.

Увы, культовая интуиция сатанистов в данном случае соответствует духовным реалиям. *Христос потому и побеждает на Кресте диавола, что во время невинных, несправедливых страданий являет в Себе любовь, добро и прощение, а не злобу, ненависть или жажду мести. Только так добро и побеждает зло.* Своим смирением на Кресте Господь сокрушает гордыню диавола, и потому на протяжении вот уже двух тысячелетий темные силы боятся знамения креста.

В древнем Патерике приводится история о том, как в Вавилоне дочь одного из идолопоклонников имела в себе беса. Отцу ее был знаком некий монах, который сказал ему: «Никто не сможет исцелить твою дочь, кроме известных мне отшельников. Но и те, если будешь просить их, не захотят сделать этого по смирению. Вот как поступим: когда они придут на торг, то притворимся, что хотим купить у них рукоделие. Как только они войдут в дом для получения денег за купленные у них вещи, то скажем, чтобы они сотворили молитву, и я верую, что исцелится твоя дочь». Итак, они пошли на торг, где увидели инока, продающего корзины. Его пригласили в дом, чтобы отдать там деньги. Едва монах вошел внутрь, как беснующаяся выбежала навстречу и ударила его по щеке. Он тут же подставил ей другую щеку – по заповеди. Демон, ощутив муку, возопил: «О беда! Заповедь Иисуса Христа изгоняет меня!» Девица немедленно очистилась. О случившемся поведали старцам, которые прославили Бога и сказали: «Обычно гордыне диавола падать перед смирением заповеди Христовой».

Еще в древнем Патерике повествуется, как один человек, мучимый бесом и источавший во множестве пену от действия жившего в нем демона, ударил по щеке старца-отшельника. Старец подставил ему другую щеку. Демон, не вынеся действия смирения, тотчас вышел из беснующегося. А древнехристианский подвижник авва Моисей говорил: «Имею-

щий смирение смиряет демонов, а не имеющий смирения осмиряется демонами».

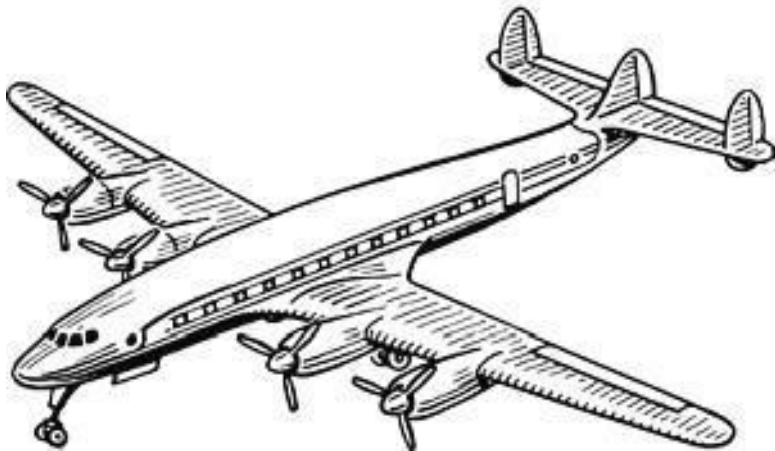
Итак, почему же мы говорим о важности смирения? Если ответить просто, то потому, что мы христиане, а *Христос явил в Своей жизни смирение. «Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10:45)*. Путь к славе, явленной Христом, пролегает через смирение, явленное также Христом.

Архимандрит Софроний (Сахаров) раскрывал эту истину образно. Человеческое общество подобно пирамиде, на вершине которой находится лидер – царь, президент, какой угодно правитель. Далее, на приближенных к вершине слоях, находятся люди, имеющие власть, близкую к царской, а в основании пирамиды располагаются люди подвластные. Обыкновенно в миру сильнейшие подчиняют себе слабейших, царства падших людей основаны на эксплуатации и насилии. Однако Христос перевернул эту пирамиду. Он Сам, возглавив обновленное человечество, является основанием пирамиды, а по отношению к подчиненным Сам стал слугой. Поэтому в Царстве Христа больший служит меньшему, сильнейший смиряется перед немощным. Соответственно, прийти к подлинной высоте можно, лишь следуя примеру Христа, а не примеру Его распинателей.

Значение добродетели смирения невозможно передать рационально. Ее ценность постигается опытом духовной

жизни, когда сердце не разрывается страстными помыслами мести, обиды, вражды, а ощущает мир и свободу. Да укрепит Господь каждого христианина к искреннему исполнению заповеди смирения, столь значимой для обретения подлинной духовной силы.

Не будьте равнодушными

Вот совершенно удивительный случай. 7 сентября 2010 года с самолетом Ту-154, летевшим из Якутии в Москву, случилась поломка: полностью отказала система электроснабжения, и самолет стал стремительно снижаться. Спасти людей представлялось возможным, лишь приземлившись в самое ближайшее время. Но как это сделать в местах, не приспособленных для посадки? Неожиданно перед летчиками появилась свободная, чистая полоса. Самолет удалось благополучно посадить. Летчиков потом много чествовали. Но мало кто знает, что этот вертолетный аэродром в селении

Изма, на посадочной полосе которого удалось приземлиться, давно закрыли и лишь один человек, Сергей Сотников, двенадцать лет ходил и поддерживал полосу в чистоте и порядке. Ему говорили: «Ты что, безумец?» В других местах заброшенные аэродромы превращались в мусорки и заставлялись складами. А он, бывший начальник вертолетной площадки, ходил, поддерживал порядок, вырубал прораставший ивняк, не позволял захламлять территорию, и через двенадцать лет чистая полоса дождалась своего самолета. Вот так удалось спасти жизни многих людей благодаря тому, что один человек не проявил равнодушия.

В семье близких произошел иной случай. Сын отправился днем в гараж чинить автомобиль. Вечером почему-то задержался. Родители, заволновавшись, стали одеваться, чтобы пойти удостовериться, не случилась ли с ним неприятность. Дочь же стала их отговаривать: «Да ладно вам, он отправился к своей подруге. Чего вы ходить-то будете». Видно, сердце родителей чувствовало неладное, но они уступили совету. А утром, уже явно поняв беду, поспешили в гараж. Сын лежал недалеко от дверей. Когда он чинил автомобиль, то в какой-то момент включил мотор. Угарные газы отравили его. Причем он собирался уже уходить, надел шарф. Если бы родители пришли вечером, то спасли бы сына.

Не будем упоминать, как все раскаивались – бесплодно и безнадежно – после трагедии. Но давайте задумаемся, не случилось ли и нам беспечно отнестись к ближнему, отмах-

нуться от него, отказать, не помочь, положиться на авось: «Само обойдется».

В средствах массовой информации время от времени встречаются сведения о самоубийствах людей, о том, как человек доходил до такой степени отчаяния и разочарования в жизни, что порой не только убивал самого себя, но перед этим даже собственного маленького ребенка. Все эти люди считали, что выхода из сложившегося жизненного тупика уже нет, что вместо скорбного, отчаянного существования лучше всего прервать саму жизнь, как бы сбросить с себя этот лишний, ненужный и тягостный груз, а заодно освободить и своего ребенка от безрадостного, исполненного лишений существования. Причина жизненной катастрофы в том, что эти люди чувствовали себя полностью изолированными от общества, ощущали себя за чертой и между ними и окружающим обществом в их собственных душах была воздвигнута непреодолимо прочная стена. И действительно, как можно жить среди людей, в человечности которых ты разубедился, разуверился?

В этом есть вина каждого из нас, потому что все мы бываем жестки, холодны и черствы к окружающим. Когда мы слышим шестую заповедь «Не убивай», то важно понять, что Бог запрещает нам убивать не только прямо, но и косвенно, то есть не убивать чужой надежды, веры в добро, прекрасных порывов в душе человека – не убивать своим равнодушием, леностью, безразличием. Этот грех совершается, ко-

гда мы лишаем другого человека радости бытия, не хотим и в малом войти в его ситуацию.

Обычно мы оправдываем себя тем, что у нас самих множество проблем, – как нам участвовать еще и в бедах другого человека? Если рассуждать с духовных позиций, то, уходя от проблем ближних, мы готовим себе новые неприятности. Преподобный Паисий Святогорец говорил: «Тот, кто боится ради любви Христовой пожертвовать своим телесным здоровьем и комфортом, не может найти духовного покоя ни в этой жизни, ни в будущей». Почему же равнодушный не обретет покоя души?

Равнодушие происходит из замыкания на себе и нежелания в чем-то потревожить себя.

Такой человек словно спрятан в капсулу, из которой смотрит холодно и отстраненно. Его сердце пребывает в каком-то забвении, замерло и потому не рождает никаких живых чувств. Но в итоге и сам он испытывает пустоту и одиночество. *Равнодушие к ближним непременно оборачивается самоизоляцией и внутренним опустошением.* Равнодушный не может быть счастлив. Это лишение подлинной жизни, шаг к смерти души. И действительно, когда мы равнодушны к ближним, то уподобляемся мертвым, ведь на кладбище мертвые не замечают друг друга. Жизнь есть активность, она выражается в действии. И потому равнодушие можно преодолеть лишь активным деланием добра.

Молитва равнодушного человека слаба, не доходит до Бо-

га. Ведь такой человек весь повернут на себя, он не привык выходить навстречу кому-либо, в том числе и навстречу Богу. Поэтому молитвы равнодушных людей, как правило, очень формальные и сухие. Не чувствуя чьей-то боли, не включаясь душой в беды тех, кто находится рядом, равнодушный оказывается исключен из сострадания, сочувствия, сопереживания, то есть он лишен внутренних связей с кем-либо, утрачивает сердечную чуткость, что подрывает в целом его духовную жизнь и обездвиживает молитву. Поэтому вроде бы два разных, никак не связанных друг с другом действия: пройти мимо страдающего ближнего и наспех, без чувства прочесть молитву – на самом деле явления одного порядка. Холодность по отношению к ближнему влечет за собой и холодность по отношению к Богу. И наоборот: чуткость к ближним способствует более крепкой и живой молитве. Поэтому золотое правило таково: если хочешь, чтобы Бог слышал тебя в твоих бедах, старайся и ты слышать ближних в их бедах.

Из древнего Патерика мы узнаем, как братия спросили святого Антония: «Если кто скажет: я ничего не буду брать у братии и сам ничего не буду им давать – для меня достаточно моего, – хорошо ли это?» Святой Антоний ответил: «Дети мои! кто таков, тот жесток сердцем, и душа у него – душа льва. Его должно считать отчужденным от сообщества всех добрых людей». Но не только от сообщества добрых людей отчужден равнодушный, он отчужден от Христа, и, по

большому счету, всё, что говорилось Господом об осуждении грешников на Страшном суде, связано так или иначе с их равнодушием к ближним: «Алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня... Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мф. 25: 42–43, 45).

В Евангелии, в Нагорной беседе Господа, столь удивительной по своей глубине, основные нравственные истины христианства выражены самыми простыми словами. Там, в частности, сказано: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 16). Добрые дела христианина названы светом, который должен просвещать нашу мрачную жизнь. Но как же являть этот свет?

Знакомый психолог, Виктор, однажды увидел на улице крайне огорченного пожилого человека, который шел и почти ничего перед собой не замечал. Все, естественно, проходили мимо. Виктор подошел к нему. «Так, я вижу, что у вас какая-то скорбь. Рассказывайте прямо сейчас, что с вами случилось», – по-доброму, но решительно сказал он. Оказалось, что мошенники лишили пожилого человека собственности: доверившись, он сам подписал документ против себя. Но наш психолог оказался тоже непрост. Он работает в весьма высоких структурах, при этом не потерял отзывчивого сердца, тут же созвонился со знакомым прокурором, об-

судил ситуацию, договорился о встрече и оставил контакты. Потратив два часа на поддержку пострадавшего человека, дома Виктор выслушал упреки жены: «Где ты там ходишь!» Зато на душе у него самого было легко-легко.

Секрет счастья, оказывается, очень прост. Чтобы быть счастливым самому, нужно уметь делать счастливыми других. А сделать счастливым ближнего может только тот, кто умеет отдавать часть себя – своего времени, внимания, заботы. *Принимая участие в скорбях ближних, мы перестаем замечать свои собственные беды и горести, они как бы уже не существуют для нас.* Делая свои неприятности вторичными, а на первое место поставляя любовь к ближним, мы действительно становимся на путь личного счастья.

Созидать добро можно и в малом, не прилагая, так сказать, никаких чрезвычайных усилий. Например, увидев незнакомого печального, огорченного человека, почему бы не помолиться о нем Богу от сердца? Встретив человека, испытывавшего скорбь, почему бы не поддержать его хотя бы добрым и теплым словом? Христианин призван не надевать на себя колпак, из-под которого враждебно смотреть на мир, а преображать мир добрым примером и активным проявлением любви.

Часто, вглядываясь в свое прошлое, люди начинают понимать, что можно было относиться к другим более человечно, не отстаивая свои принципы или безжалостно следуя всевозможным формальным законам и ограничениям – должност-

ным, социальным, возрастным и т. д., а проявляя тепло, внимание и заботу. Уходят должности и полномочия, со временем обнаружится тщетность многих наших забот и исканий, а внутреннее содержание человека останется. Добро надо делать своевременно. И нужно спешить делать добро.

Пока есть наши ближние, пока есть люди с их нуждами и скорбями, у нас есть прекрасная возможность спасти свою душу – посредством милосердия, сострадания, добра и любви!

Милосердие как путь к радости

В евангельском описании Страшного суда (см.: Мф. 25: 31–46) содержится очень важная истина: оправдание или осуждение совершается по принципу нашего отношения к

людям, а именно: были ли мы милостивы к другим. Проявив участие или, напротив, безучастность к страждущему человеку – а каждый страждущий несет в себе образ Божий, – мы тем самым выстраиваем свое внутреннее отношение к Богу: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25: 40).

Евангелие, таким образом, однозначно свидетельствует: кто видит нуждающихся и не делает всего зависящего от него для оказания помощи, тот сам лишает себя надежды на благодатное общение со Христом. «Кто пропускает случай сделать добро, – поясняет преподобный Никодим Святогорец, – тот не только лишается плода от добра, но и оскорбляет Бога. Бог посылает к нему нуждающегося, а он говорит: „Приходи после“. Хотя он говорит человеку, но это все равно что Богу, пославшему его. Бог найдет другого доброго человека, а отказавший ответит за себя».

Милосердие – это самое простое, в чем мы можем стать подобными Богу. «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6: 36). Не все способны стяжать продолжительную внимательную молитву, выдерживать полностью по Уставу посты, обрести глубочайшее смирение или кротость, иметь рассудительное отношение к жизни или уж тем более взойти к вершинам обожения. А милосердие к ближним доступно всем.

Вместе с тем, когда мы говорим о милосердии, важно помнить, что слово «милость» означает не просто поступок, а

особое душевное расположение. Милость – это сопереживание и сострадание, сердечная жажда помочь нуждающемуся. Для милостивого каждый страдающий – родной и близкий.

Более того, при подлинном милосердии человек отдает свое другому и радуется.

В Прологе повествуется, как в одном монастыре с древних лет был соблюдаем следующий благочестивый обычай. Каждый год в Великий четверг из всех окрестных мест в обитель приходили убогие, вдовицы, сироты и брали из общего имущества иноков по установленной мере пшеницы, небольшое количество вина и меда и по пяти медных монет. Так что светлое Христово Воскресение они проводили без нужды и в радости.

Однажды сделался неурожай, и цена на хлеб чрезвычайно возвысилась. Хотя братия имели съестных припасов довольно, они подумали, что подаяния жертвователей на время неурожая прекратятся, и предложили настоятелю в Великий четверг этого года нарушить благочестивый обычай и не давать нуждающимся пшеницы. Долго добродетельный настоятель не соглашался на просьбу братии. «Грех нарушать уставы, данные нам святым основателем обители, – говорил он, – грех не надеяться, что Господь пропитает нас». Но так как братия решительно заявили, что не хотят в ущерб себе кормить других, то он с душевным прискорбием отвечал: «Поступайте, как хотите». И бедные, которые пришли в обитель с надеждой, возвратились оттуда с отчаянием.

Но вот в Великую субботу монастырский ключарь пошел в житницу, чтобы на Пасху выдать для хлебов чистой муки. Едва он отворил двери, как почувствовал дурной запах: вся пшеница настолько изгнила, что оставалось только выбросить ее в реку. Братия удивлялись, жалели о своем поступке и не знали, что делать; а благочестивый настоятель, спокойно посмотрев на испортившийся хлеб, сказал: «Кто преступает заповедь святого отца, основателя обители, не надеется на Промысл Божий и не милосердствует о бедных, тот непременно должен быть наказан за непослушание. Вы пожалели пятьсот мер и погубили пять тысяч... Впредь знайте, на Бога ли уповать должно или на свои житницы».

Напрасно думать, что можно быть счастливым, не помогая другим. Никогда не будет в твоём сердце радости, если ты отворачиваешься от своих ближних, отказываешься им помочь и думаешь лишь о себе. Наша душа жаждет добра и любви не только со стороны кого-либо, у нее есть потребность открываться навстречу людям, нести им свет и тепло.

Поэтому когда ты творишь добро, то и сам становишься счастлив. Человек, не любящий ближних, не желающий другим людям добра, – это ущербный человек. И еще: это человек глубоко несчастный.

Но и если мы помогаем страждущему только лишь потому, что видим в нем жалкое существо, то наше милосердие – языческое. Мы и зверю кидаем кусок хлеба, когда видим, что он голоден. А вот святой праведный Иоанн Кронштадт-

ский говорит: «Знай, что милостыня твоя всегда ничтожна в сравнении с человеком, этим чадом Божиим». Христианское милосердие видит в нуждающемся образ Божий, пусть и попираемый земными превратностями. Значит, мы не имеем права не помогать.

Здесь важно понять, что *каждый терпящий скорбь — это Божий избраннык, которому дано нести свой жизненный крест, на который, может быть, мы не способны*. Помогая такому человеку, мы разделяем с ним его скорбь, но в итоге становимся и соучастниками уделенного ему избрания Божия.

Увы, в жизни постоянно приходится наблюдать противоположную ситуацию. Мы не хотим быть добрее и милостивее друг к другу.

Всегда недовольны, раздражены, по отношению к ближним точны в формальностях: нельзя, не положено, не разрешается. Причем, проявляя жестокосердие к другим, мы часто хотим и ищем, чтобы к нам относились снисходительно и по-доброму. Нам неохота и в малом пойти навстречу ближним, а в личной жизни мы стремимся занять такое положение, при котором другие нам были бы обязаны помогать.

Знакомый проректор духовной семинарии рассказывал, как, вступив на административную должность, столкнулся с необходимостью руководить другими. Собственно, административная работа предполагает постоянный контроль, требования, организацию других на работу. Вся жизнь адми-

нистративного лица превращается в непрестанные указания другим, что и как делать, во взыскания: почему ты не сделал или сделал не так? Это накладывает отпечаток на личность. Но вот в один день, когда он оформлял страховой случай в связи с повреждением автомобиля, ему сообщили по мобильному телефону, что студент договорился поставить у ректора подпись на документе, через три часа ему с документами садиться на поезд, а ректор неожиданно из семинарии уехал. Единственный, кто еще может поставить подпись, — это проректор. Но он сидит в отделе страховых случаев и думает, как правильно оформить повреждения, которые полиция почему-то не все записала в протокол. Расстояние между ними такое, что студент все равно опоздает, если поедет сначала к нему. Правильное решение родилось не сразу. Хотя время было вечернее и с проректором был ребенок, которому еще предстояло готовить уроки, он решил ехать на вокзал, чтобы встретиться со студентом у поезда.

Семинарист же явно запаздывал, и, стоя на перроне, мой знакомый начал усиленно молиться о том, чтобы Господь помог. До отправления оставались считанные минуты. Он купил авторучку, которой, как всегда в такие моменты, в портфеле не оказалось, чтобы сразу же подписать документ. Чуда не произошло — поезд уехал. Студент прибежал лишь через три минуты, но за это время проректор успел продумать, как поступить, чтобы у студента не было шока. Тут же повел его сдавать билет. Тут же выяснил, что через два часа есть

еще один поезд в том же направлении. Удивительно, но всего одно место было свободно. Пришлось добавить и денег на покупку билета. Но в итоге всё разрешилось благополучно. Значит, Господь помогает нам в бытовых ситуациях, но особенно помогает тогда, когда мы сами стремимся участвовать в жизни ближних.

Автор этих строк знает многих священников, которые безвозмездно помогают другим. И всегда эти священники испытывают радость, как будто не отдают, а приобретают сами. Милость всегда приносит с собой в душу широту и простор, милостивый выходит из узких рамок внутренней самозамкнутости, обретает свободу и радость сердца в совершаемом для других добре, тогда как эгоизм всегда обедняет жизнь.

Эгоист, словно вор, прячется от других, чтобы урвать только себе, – он несчастен и жалок в своекорыстии и, подобно кроту, роет норы в земном, подальше от света, как бы заранее стараясь обустроить накоплениями собственную могилу.

Но ведь человек – существо с такими глубокими духовными потребностями, которые не насытить своекорыстием. Никогда и никому не даст счастья обладание земными сокровищами, если они не разделяются с ближними.

Эту истину так выражает преподобный Максим Исповедник: «Мое есть то, что я отдаю другим». Потому что сердце радуется, лишь раскрываясь навстречу ближним, а не замы-

каясь в себе. Известный наш баснописец Иван Андреевич Крылов представил это образно в басне «Лань и Дервиш», заключая:

*Так, истинная благодать
Без всякой мзды добро творит:
Кто добр, тому избытки в тягость,
Коль он их с ближним не делит.*

Душа не может быть счастлива без милосердия. Сердце каждого из нас жаждет добра и хочет делать добро, пусть мы не всегда понимаем это своим грешным умом.

Уже в самом делании добра человек отчасти вкушает райское блаженство. Человек с милостивым сердцем становится духовно богат, и потому он более полно и ярко воспринимает жизнь.

Есть люди, которые, по слову Писания, «не заснут, если не сделают зла» (Притч. 4: 16). Но есть и такие люди, которые не могут заснуть, если не сделали кому-то добра. Среди святых, прославившихся особой заботой о бедных, наибольшим почитанием пользуется Александрийский патриарх Иоанн, прозванный Милостивым. Все свои средства он тратил на помощь несчастным, оставаясь сам в крайней бедности. Как-то один знатный житель Александрии подарил ему дорогое одеяло, прося непременно воспользоваться этим даром. Действительно, святой Иоанн накрылся ночью одеялом, но мысль, что можно было бы помочь несчастным на средства с дорогой вещи, не давала ему покоя. Утром Иоанн послал продать одеяло, а вырученные деньги раздал нищим. Подаривший увидел свое одеяло на рынке, купил его и вновь принес святому Иоанну. Но угодник Божий поступил тем же образом еще до вечера, чтобы уснуть спокойно. Когда же подаривший принес одеяло в третий раз, святой Иоанн сказал: «Я всегда буду продавать эту ненужную мне вещь; увидим, кто первый из нас перестанет делать свое».

Антон Павлович Чехов как-то верно сказал: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял

кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других».

Кто же будет напоминать за дверью души каждого человека своим стуком о необходимости творить милость? Таковой должна быть, прежде всего, наша совесть. Самая суть человека и определяется тем, каков он наедине со своей совестью.

А вот как предостерегает нас святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Будьте внимательны к себе, когда бедный человек, нуждающийся в помощи, будет просить вас об ней: враг постарается в это время обдать сердце ваше холодом, равнодушием и даже пренебрежением к нуждающемуся; преодолите в себе эти нехристианские и нечеловеческие расположения, возбудите в сердце своем сострадательную любовь к подобному вам во всем человеку, и о чем попросит вас нуждающийся, по силе исполните его просьбу».

Н. В. Гоголь уже в школьные годы не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему. Если же нечего было дать, он всегда говорил: «Извините». Однажды Гоголь даже остался в долгу у одной нищенки. На ее слова: «Подайте ради Христа» – он ответил: «Сочтите за мной». И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, он подал ей вдвойне, объяснив: «Тут и долг мой».

В Священном Писании отказ в милостыне рассматривается однозначно как грех (см.: Втор. 15: 7–9). А о самой милостыне говорится так: при подаении ее «не должно скорбеть сердце твое» (Втор. 15: 10). «Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф. 5: 42). И хотя есть такие просящие, которые нищету превратили в ремесло, однако не наше дело всякий раз разбирать, куда и для чего пойдет наша милостыня. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5: 7), – говорит Спаситель, не рассуждая о каких-то условиях.

Для того чтобы научиться христианскому милосердию, можно предложить несколько правил:

1. Подавайте хотя и немного, но с любовью. Не требуется отдавать всё, что у вас есть. Подайте хотя бы чуть-чуть, утешите себя в малом, но только без раздражения к человеку: не отмахиваясь от бедного, как от назойливой мухи, а желая ему добра.

2. Обязательно помогайте тем людям, скудость жизни которых вам достоверно известна, – родственникам, сотрудникам, знакомым.

3. Не осуждайте нищих, которые просят на пропитание, но, как вам кажется, способны были бы сами работать или якобы употребят вашу милостыню не на добро. Каждый сам за себя ответит.

4. Наконец, не подавайте милостыню из желания похвалы, ради видимого престижа, рейтинга или даже просто отчета.

Такие люди «уже получают награду свою» на земле, оставаясь без награды Отца Небесного (см.: Мф. 6: 1–2).

По словам святого Иоанна Златоуста, милосердие имеет различные образы. Есть дела телесной милости: напитать алчущего, напоить жаждущего, одеть нагого или имеющего недостаток в необходимой одежде, посетить больного, принять странника в дом и т. д. А есть духовные дела милости, которые настолько выше, насколько душа выше тела. Дела духовной милости, например, таковы: обратить грешника от заблуждения, научить неверующего истине и добру, подать ближнему добрый совет в затруднении или не замечаемой им опасности, утешить печального, не воздавать за зло злом, от сердца прощать обиды.

Помочь ближнему можно и теплой молитвой о нем. Деньги у нас не всегда бывают с собой, а молитва, как говорят святые отцы, всегда при нас. Более того, напрасно думать, что, оказав только материальную помощь другому, ты исполнил свой христианский долг, как бы откупился от требований Евангелия. Спаситель призывает нас возводить всех к единению с Богом: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17: 21). Путь к этому прокладывает молитва.

Молитва объединяет, благодатно связывает воедино всех, о ком мы произносим пред Господом наши молитвы. Поэтому молитва – это возможность всегда и везде делать людям добро.

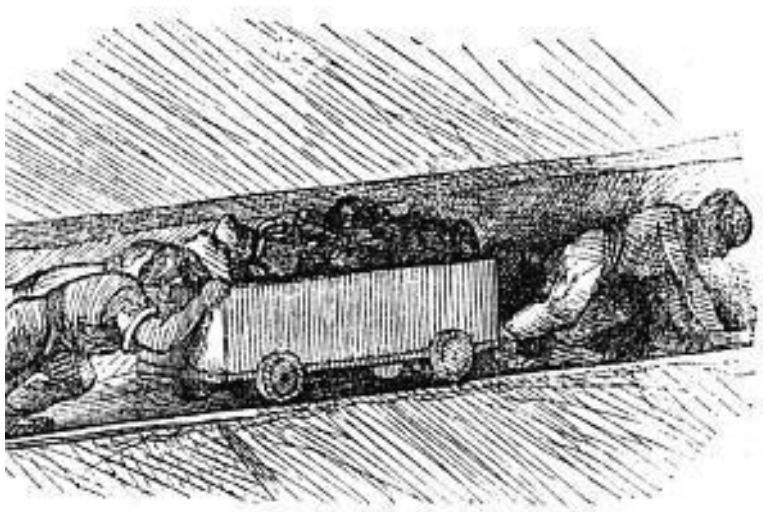
В молитве нет разделения на далеких и близких, на врагов и друзей, потому что в молитвенных просьбах христианина все поставляются пред Всевидящим Богом, все и призываются к вечному Его Царству.

Но молитва только тогда молитва, когда находит отклик в сердце молящегося, когда душа пламенеет желанием подарить другим вечность, испросить у Господа этот бесценный дар для других, и потому молитва от сердца – всегда торжество любви и добра, она – начало победы над враждебными чувствами, злобой и ненавистью.

Молитва – испрашивание милости у Господа. Молиться от сердца о ком-либо – значит чувствовать чужую боль и протягивать руку нуждающемуся, как бы взять его ношу, чтобы ему самому стало легче.

Итак, много средств к милосердию предложено нам, и, хотя конкретный выбор остается за нами, несомненно одно: каждый шаг навстречу другому, каждое доброе дело, милостыня, бескорыстная помощь и молитва о ближних найдут свое оправдание, украсят душу милостивого человека и сделают его жизнь более радостной и счастливой.

Грех и раскаяние

В одном современном фильме главный герой – предприниматель-миллионер, некогда бесцеремонно устранявший неугодных людей, – оказывается под угрозой убийства. Ради спасения от конкурентов ему изменили внешность и при помощи гипнотизера стерли память. Прошло время, и, начиная узнавать о своем прошлом правду, он приходит в ужас от того, какие дела он творил. В его сознании возникает неприятие самого себя в собственном прошлом, и вместе с тем он чувствует в себе борьбу нового со старым. Чтобы начать со-

вершенно новую жизнь, жизнь с любимой, он вновь стирает память о прошлом.

Этот фильм отражает живущую в людях жажду обновления, жажду начать жизнь с чистого листа, без прошлых ошибок, грехов и злодейств, которые преследуют душу и не дают ей быть счастливой. Мир жаждет очищения, но не знает средств к тому. А ведь подобное средство есть. Это покаяние! Оно способно обновить и воскресить, не лишая ни памяти, ни каких-либо других способностей нашей души. В покаянии человек не исчезает как личность, зато освобождается от ветхого груза, совершенно по-новому начинает переживать всё вокруг, по-новому относится к миру, по-новому поступает и думает.

На самом деле вопрос счастья или несчастья сводится к элементарной истине – предан ли ты грехам или решительно освободился от них? Что в твоём сердце – оковы страстей или радость свободы?

Один инок, сидя в келье, услышал голос свыше: «Прииди, Я покажу тебе дела человеческие». Инок вышел, а явившийся Ангел указал ему на темного человека, который насекал дров и, связав их, пытался поднять на плечи, но не мог. Вместо того чтобы убавить дров, он нарубил их ещё и, увеличив ношу, опять стал поднимать и опять был не в силах. Так повторял многократно. Затем Ангел показал ему другого человека, который, стоя у колодца, черпал воду и лил в дырявую кадку, из которой вода опять убегала в колодец. Удивляясь,

инок смотрел дальше. Он увидел церковь и как два человека, сидя на конях и держа бревно поперек дверей, силились внести его в храм, но не могли, — бревно было гораздо длиннее, нежели дверной проем, а развернуть его так, чтобы оно прошло, они не хотели.

Какой же был смысл показанного? Человек, секущий дрова и добавляющий их на свои плечи, есть тот, кто живет во грехах и беспрестанно их умножает. Так и мы всю жизнь в наивной погоне за иллюзорными благами умножаем ношу грехов, не замечая, что от этого становится лишь тяжелее. Черпающий воду в дырявую кадку — тот, кто хотя и делает добро, но не расстаётся с грехами и тем самым обесмысливает свое добро. Представьте, что кто-то помог в беде ближнему, но при этом не перестал изменять жене, то есть оставил в беде самого близкого человека и так сам уничтожил свое доброе дело. А два человека с бревном — это те, которые вроде бы имеют добродетели, но всячески превозносятся ими и даже в храм идут, выставляя вперед свою правду. С бревном собственной правды не пройти в узкие врата Царствия Божия.

В жизни каждого из нас бывают моменты, когда душа начинает невыносимо болеть от допущенных неправд и ошибок. В таких случаях важно не выискивать оправдания своим поступкам, а вспомнить о Боге, всем сердцем обратиться к Нему: «Господи, помоги, вразуми и прости мне мои грехи, исправь допущенные мной ошибки».

Грех – это то, что лишает человека подлинного счастья. Грех – это всё, что не позволяет человеку быть с Богом и, как следствие, доставляет ему муку, делает его душу безобразной. Грех – это своего рода ожог на душе: она стремится к заманчивому наслаждению, подобно как неразумный ребенок тянет руку к заманчивому огню. Парадокс: люди тянутся к чему-то сладкому, но в итоге испытывают горечь и боль.

Грех – это всегда движение против Бога, против Его воли и заповедей. Но если человек становится против Бога, то кто оказывается рядом с его душой? Одним из самых горьких плодов греха является то, что к человеку, к его воле, уму, к самому его сердцу получают свободный доступ темные силы. Согласно свидетельству святых отцов-аскетов, невидимый враг вкладывает в душу помыслы, мечтания и ощущения, принимаемые человеком как собственные. Козни дьявола таковы, что он старается скрыть свою горечь под видом сласти, обольщает сердце призрачным подражанием истине. Но самое удивительное – человек часто доволен своим состоянием; подобно голому королю, гордится иллюзорными благами, по сути – своей наготой. Поэтому святые отцы сквозь века взывают о том, как важно прозреть, увидеть свое положение, чтобы обратиться к Богу.

Спасение – это, прежде всего, бескорыстный дар Бога человеку. Ребенок не может заплатить своим родителям за рождение; душа возрождается в Таинствах Церкви по милости и любви Небесного Отца. Но спасение – это еще и ис-

креннее стремление человека к Богу, принятие Его благодатной помощи. А чтобы принять дары Божии, к Богу необходимо идти, преодолевать свою гордость, преодолевать то, что мешает нам быть счастливыми, что препятствует нам быть с Богом.

Для каждого из нас есть два возможных пути – жить как придется, по обычаям не искорененных в себе страстей и греховных привычек или же попытаться найти и очистить в себе то лучшее, прекрасное, доброе, что вложил в душу каждого из нас Сам Господь.

Здесь важно понять, что покаяние – не истязание человека, а очищение его от ненужных, греховных наслоений. Есть притча. Один человек очень хотел отблагодарить Бога и молился: «Господи, что мне подарить Тебе?» И вдруг Бог ответил ему: «Мне ничего не надо. Всё, что есть у тебя, и так Мое, это Я дал тебе». Но человек настаивал: «Как же мне отблагодарить Тебя, что же мне дать Тебе?» Тогда Бог сказал: «Если ты любишь Меня, то отдай Мне твои грехи».

Покаяние – это освобождение человека от того, что для него самого лишнее, что доставляет ему только муку и тяготу. Грех чужероден, избавление от него есть путь к свободе. В покаянии Бог отнимает у человека грехи и попускает их, чтобы человек духовно возвысился.

Покаяние начинается с искреннего раскаяния о грехе, совершается через исповедь перед священником, завершается молитвой священнослужителя над главой кающегося. По-

средством священника грехи прощает Сам Бог. Исповеданный грех становится вне нашей души. Он выходит из нее, подобно тому как выходит из тела заноза, и хотя впоследствии рана может напоминать о себе болью, но занозы там больше нет – грех прощен, душа стала свободна.

Одному угоднику Божию, святому Нифонту, дана была от Бога благодать прозорливости. Однажды он пришел в церковь и увидел, что небо над ним разверзлось и образовался путь, ведущий от земли на небо, к Престолу Божию. По этому пути Ангелы несли душу кого-то умершего, а за ними спешили демоны и неистово кричали: «Зачем от нас уносите эту душу? Или вы не знаете, что она, живя на земле, была и блудница, и разбойница, и сребролюбива, во всех грехах она была виновна?» «Знаем, – отвечали им Ангелы, – знаем, что эта душа – величайшая грешница, но знаем и то, что она много плакала о своих грехах и перед смертью исповедовалась в них, за что Господь и простил ей все грехи». «Если уж эта душа получила прощение от Бога, – закричали демоны, – так возьмите себе всех грешников!» На вопль демонов Ангелы ответили: «Помните всегда, что все грешники, которые исповедуют грехи свои с сокрушением, получают от Бога прощение, а кто умрет, не раскаявшись, того Бог осудит на вечные мучения с вами».

Святые отцы говорят, что на Страшном суде мы не будем осуждены за то, что не богословствовали или не творили чудес, но будем осуждены за то, что не каялись в своих грехах.

Покаяние – это путь очищения, а в сердце чистое нисходит Божия благодать.

Лишь благодать Духа Святого насыщает душу, исполняет ее неизреченным блаженством. Только та душа, которая сподобилась близости Богу, обретает утерянный Рай, она исполняется неизреченных благ и духовной силы и потому способна противостоять любым испытаниям, поддерживать и укреплять других. Но чтобы приобщиться благодати, надо очистить себя от греха. Вся суть покаяния состоит во взыскании живого общения с Богом, в усвоении всей душой Его воли, в предании всего себя в руки Божии. Дай Господь не тратить отведенное нам время зря, но чрез покаяние обрести самое дорогое сокровище – благодать Духа Святого.

Покаяние и радость

В древнем Патерике приводится история. Два инока впа-
ли в тяжкий грех. Через некоторое время они раскаялись

и сказали: «Какую пользу мы получили, оставив ангельский образ и впад в скверное житие? Не ждет ли нас за это мука вечная? Пойдем опять в пустыню, покаемся. Господь примет наше покаяние». Рассудив так, они пошли в монастырь, открыли свой грех духовному отцу, и он в качестве епитимии повелел им год пребывать в затворе, питаясь хлебом и водой. Прошел год, и было открыто старцам монастыря, что прощены иноки Богом. Отворив их келлии, отцы вывели их. Что же оказалось? Один монах был весьма худ и бледен, вышел весь в печали, другой же был весел, цветущ лицом и торжествовал. Отцы удивились такой противоположности и спросили скорбящего брата: «Как ты пребывал в своей келлии?» Инок отвечал: «Я помышлял о содеянном мной зле и представлял себе адскую муку, в которую я должен был идти». Затем спросили радовавшегося инока: «Ты о чем размышлял в своей келлии?» Он же сказал: «Я прославлял Бога, исторгшего меня из скверного жития и снова приведшего в ангельский образ, и, хваля Бога, веселился». Тогда старцы сказали: «Покаяние обоих было приятно Богу, ибо Он обоих простил».

Как важно понять: покаяние нельзя отождествлять с унынием. Покаяние – не нагнетение мрачных чувств, не самоистязание, что вот, мол, я ни к чему не гожусь, – а, напротив, освобождение души от мрака уныния. Это выявление в себе того доброго, что еще можно принести в дар Христу. Покаяние – это духовное, внутреннее соприкосновение с той еван-

гельской истиной, что на Небесах бывает радость об одном грешнике кающемся (см.: Лк. 15: 3-10).

И разве не радость – расстаться с грехом, который губил твою душу, лежал тяжким бременем, не давал чисто смотреть на Божий мир, изъедал тебя внутри и выплескивался наружу в виде негодования на ближних?

Вот раскаялась душа, исповедалась в Церкви – и засиял свет в душе, словно взошло пасхальное солнышко! Преподобный Силуан Афонский объяснял это так: «Тем, кто борется с грехом, Господь дает не только прощение, но и благодать Святого Духа, Который радуется душе и дает ей глубокий и сладкий мир».

Бывает нечистая, смутная радость, которая рождается от услаждения грехом. Это тлетворное удовольствие, подобное наркотическому дурману, которое захватывает на время с головой, но после оставляет внутри раздирающую тебя пустоту. *Истинная радость есть сияние чистого сердца, плод покаяния, расторжения дружбы с грехом.* Это радость надежды на Бога. Господь подает очищающейся душе особый дар – утешение сердца, тихое утешение, являющееся в душе как знак свободы от ада.

Вот, допустим, какой-то человек одержим страстью, и вокруг говорят, что он – величайший грешник, грязь, а не человек. На самом деле его душа драгоценна, дорога Богу. Поэтому его и соблазняет невидимый враг, что душа имеет величайшую ценность. Порой и сам человек думает, что он без-

надежно погиб, что исповедь не поможет ему, что очищение его грехов невозможно. Но автор этих строк как священник знает, что многие воцерковленные люди имеют уникальный опыт – опыт преодоления тяжких грехов. Они носили груз, их изъедала страсть, но однажды, всем сердцем обратившись к Богу, они вдруг сподобились настоящего чуда – освобождения сердца от мрачных уз. И эту свободу, обретенную в Церкви, они не променяют уже ни на что.

Вот еще история из Патерика. Епископу некоего города возвестили, что из числа замужних жен-христианок две ведут развратную жизнь. Опечалило епископа это известие. Подозревая, что, может быть, и другие ведут себя подобным образом, он обратился во время Литургии с молитвой к Богу, прося разрешить его недоумение. Молитва была услышана, и после совершения таинства Евхаристии, когда присутствовавшие приступали один за другим к принятию Святых Таин, епископ стал видеть на лице каждого состояние его души. Лица грешных видел он черными, как бы выгоревшими от зноя; глаза у них были красные, кровавые. У других людей лица были светлые, а одежды – яркой белизны. Тело Господне одних, принимавших его, сожигало и опаляло, других просвещало, соделывало подобными свету; входя в уста, оно разливало свет по всему телу. Наконец подошли и те две женщины, которые были обвинены перед епископом, тем большее обратил он на них внимание. Он увидел, что они приступают к Святому Таинству со светлыми и чисты-

ми лицами, облеченные в мантии необыкновенной белизны. Когда они сделались причастницами Таинства Христова, то как бы осветил их свет.

Снова обратился епископ к молитве, умоляя Бога объяснить показанное ему в откровении. Тогда предстал ему Ангел Господень и сказал: «Они раскаялись в своих поступках и отступили от них. Посредством слез, воздыханий и исповеди они соделались достойными Божественного Дара. Вдобавок дали обещание: если получают прощение в прежних грехах, никогда не позволят себе порочного поведения. За это они удостоились божественного изменения, разрешены от грехов, с тех пор живут воздержанно, благочестно и праведно». Услышав это, епископ удивился не столько изменению жен – это случается со многими, – сколько дару от Бога, Который не только избавил их от вечной муки, но даже сподобил благодати. Ангел же сказал ему: «Справедливо удивляешься как человек! Но Господь и Бог наш по естеству Своему благ и милосерд. Оставляющих свои греховные деяния и приступающих к Нему Он посредством исповеди не только избавляет от вечной муки, но и удостоивает почестей».

Мир и радость души рождаются от чистой совести. И потому, если хочешь испытывать счастье, расторгни дружбу с грехом. Облегчение от греха подобно глотку свежего воздуха. Внутри уходит напряжение от действия многих страстей, человек перестает срываться на окружающих, чисто и ясно видит происходящее. В душе является источник чистой ра-

дости.

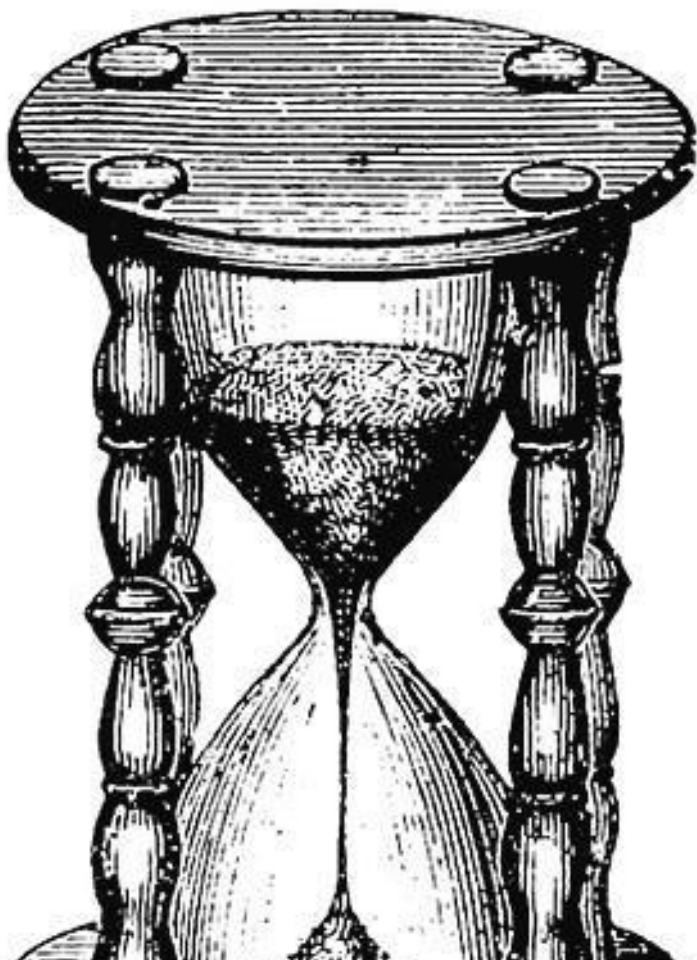
В мире человек веселится, но зачастую не имеет подлинной радости. Наивно думать, что можно удовольствиями заполнить пустоту души. По изначальному призванию душа каждого из нас то же, что Ангел. Задумаемся, разве может Ангел насытиться айфонами, мерседесами или купюрами? Душа насыщается только Богом. Встреча с Богом утешает и радует, как встреча с тем, кто дорог и любим твоему сердцу.

Мы не можем удержаться от грехов. Мы уходим, потому что мы блудные дети. Но у каждого из нас есть возможность вернуться. Возвратившегося блудного сына ожидали объятия отца (см.: Лк. 15: 20). Покаяние вершит настоящее чудо. И разве не чудо – перейти от смерти к жизни, от рабства к свободе, от уныния к радости?

В «Лавсаике» приводится повествование аввы Коприя: «Соседняя сторона была бесплодна, и владевшие ею поселяне, посеяв хлеб, собирали его разве что вдвое против посеянного. Ибо червь, зарождаясь в колосе, повреждал всю жатву. Земледельцы, оглашенные нами и сделавшиеся христианами, просили нас помолиться о жатве. Я сказал им: „Если вы имеете веру в Бога, то и этот пустынный песок будет приносить вам плод“. Они немедленно набрали вот этого песка, по которому мы ходим, и принесли к нам, прося нашего благословения. Когда я помолился, чтобы было по вере их, они посеяли песок на полях вместе с хлебом, и земля их стала плодороднее всякой земли в Египте».

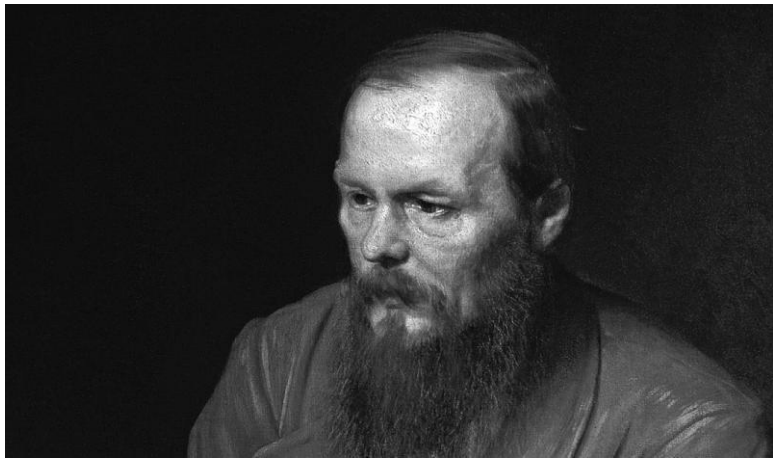
Если же обыкновенный песок принес такой плод – благодаря вере христиан в Бога, то тем более кающаяся во грехах душа принесет плод духовный – благодаря надежде на Бога. Как нежная мать желает своему ребенку только самого лучшего, так и Господь, Творец всех людей, хочет, чтобы человек был счастлив. Но за счастье необходимо сражаться с теми грехами и дурными привычками, которые отнимают нас у нашего Небесного Отца, приковывают к себе. И пусть первой победой станет искренняя исповедь, с раскаянием в своих грехах. Плод этого раскаяния – радость души, а плод расставания с грехом – жизнь вечная!

Сколько бы ты хотел жить?

В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» есть просто потрясающие размышления. Федор Михайлович вложил их в уста главного героя, хотя на самом деле это были лично его, Достоевского, жизненные переживания. Вспомним ту трагическую минуту, когда он стоял у эшафота. До этого вспомним, что по молодости Федор Михайлович увлекся революционными идеями. А поскольку в Европе как раз прокатилась волна революций 1848 года (в каком-то смысле «оранжевых», а где-то и кровавых), то в России принимались самые жесткие меры противодействия.

Итак, арестантов приводят на Семеновский плац, на котором возвышается эшафот из дерева, обтянутый черным сукном. Над головами заключенных ломают шпаги в знак лишения всех гражданских и сословных прав. На эшафоте – три столба. Зачитывается приговор: «Смертная казнь через расстреляние».

Что же? Остается жить несколько минут? Поставим себя на место Достоевского: что бы мы испытывали в этот момент? Ему 28 лет, он полон сил и жизненной энергии, и столько книг еще хотелось написать! Сам Федор Михайлович переживания свои запечатлел так. Пять минут до смерти казались огромным богатством, бесконечным сроком. Ярко представилось: как же это так, теперь он есть и живет, а через несколько минут с ним будет уже некто... Но самой ужасной была непрерывная мысль: «Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И всё это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!»

Достоевский шел во второй тройке приговоренных. Первую тройку привязали к столбам. Вышли солдаты с ружьями. Прозвучала команда: «На прицел». Солдаты подняли оружие, прицелились...

И...

... прошло с полминуты.

Каждый из нас на месте приговоренных мог бы просто сойти с ума (один из привязанных к столбу, кстати, помещался рассудком). Неожиданно раздался звук копыт. Галопом на Семеновский плац въехал гонец с пакетом. Прямо на эшафоте зачитали новый приговор: казнь заменить каторгой. Так началось то самое горнило страданий, которое переплавил Федора Михайловича в истинного Христова слугу.

Но в романе «Идиот» на вопрос, удалось ли воспользоваться этим богатством чудесно дарованного времени, он отвечает так. Острота переживаний постепенно спала с души, ушел страх смерти, и ценность жизни уже не ощущалась так ярко. Потекли обычные дни, и много-много минут опять зря пропало.

Обычно мы воспринимаем свою жизнь как клубок ниток, который можно бесконечно разматывать. Обрыв нити переживается как трагедия. «Неужели всё?» – растерянно задаем мы вопрос... И вот что удивительно: прожил ли ты 20 лет, 40, 60 или даже 80, всё это воспринимается словно краткий миг, который пролетел, как будто его и не было. Жизнь про-

ходит стремительно быстро, словно яркий, но краткий цвет майских садов, словно сон, так что в конце всегда кажется, будто ты и вовсе не жил.

Оказывается, время в нашем личном восприятии – величина неуловимая, исчезающая, словно вода в ладонях. Годы летят так, что мы не успеваем ими насытить себя. Только что ты пошел в школу, а вот уже надо готовиться к выпускному экзамену. Вот недавно ты учился в институте, а уже обзавелся семьей, растишь детей и готовишь их самих к школе. Раньше переживал о себе, а теперь всё больше о детях, пока не появятся внуки. Стрела времени мчится вперед, так что мы и не успеваем заметить ее полета.

В Книге Бытия мы читаем, что первым праотцам отведена была жизнь непомерно больше, чем нам, – сроком более 900 лет. Затем Творец сократил жизнь людей до 120 лет. Потом мерой жизни стали 70 лет, аще же в силах, 80 лет (Пс. 89: 10). И никакая медицина, никакой научно-технический прогресс, а равно и методики здорового образа жизни так и не смогли существенно повысить меру нашей жизни.

Но давайте представим, что нам отведено в десять раз больше, чем на данный момент. Богу нетрудно дать нам срок земной жизни такой продолжительности. Пусть это будет 200, 400, 600 лет, можно даже до 1000, чтобы догнать библейских праотцев.

Но, во-первых, чем мы наполним эти 1000 лет?

Увы, человек легко соблазняется всем, чего слишком

много: деньгами, недвижимостью, успехами, несокрушимым здоровьем и, к сожалению, обилием лет... Соблазн слишком велик. «Поживу-ка я в свое удовольствие лет 900, а покаюсь в последнее столетие» – такой будет мысль преобладающего большинства человечества. Но за эти 900 лет греха душа настолько укоренится в пороке, что покаяние к концу жизни будет возможно лишь теоретически. И вот объяснение, почему первым людям, описанным в Книге Бытия, которые жили почти 1000 лет, Господь сократил жизнь. Они превратились в монстров греха, которых исправить мог разве что всемирный потоп.

Веками жить злыми помыслами, раздражением на окружающих людей, многовековой погоней за комфортом земным, блудными посягательствами, чтобы под конец тысячелетней жизни стать неисправимыми чадами ада? Можно ли представить худший, отвратительный вариант нашей жизни?

Видимо, каждому из нас нужен свой эшафот, своя неизвестность участи, свои скорби, свой отсчет последних минут, во время которых посмотреть на себя со стороны и понять: сколько же времени я зря загубил, сколько минут даром потратил! Господи, прости меня, грешного.

Во-вторых, *никакой срок земной жизни не воспринимается нами как достаточный.*

Всё, что дается на время, а потом отнимается, оставляет в душе разочарование и тоску. Представим, что любимую же-

ну или мужа дали только на время, на время дали детей, а потом отняли, на время дали здоровье... Так и земная жизнь, данная на сколько-то лет, а потом отнятая, оставляет в душе лишь чувство досады и огорчения.

Вот человек, которому сорок. Он говорит, что года пролетели незаметно для него самого. Но и дважды по 40 производят тот же самый эффект. Если 80-летний старик говорит: «Года пролетели, как будто и вовсе не жил», то и следующие 80, да и 800 пролетят точно так же стремительно.

Сколько ни отведи человеку лет или даже веков, всё это умчится в прошлое, словно единый миг. Это означает только одно: человек создан не на десятки, сотни или даже тысячи лет, он создан для вечности и насытиться никаким отрезком времени не может. Жажда нашей души – бессмертная жизнь. Потребность души – только вечность, и не меньше того.

Вот еще интересное наблюдение. Оказывается, мы не обращали бы внимания на прожитые годы, если бы не изнашивалось наше тело. Мы замечаем, сколько промелькнуло лет, только по морщинам на лице, утрате прежней гибкости и ловкости, по одышке да ноющей пояснице. Оставайся наше тело цветущим и здоровым, прожитые нами годы нас нисколько бы не волновали. То есть понятие улетающих лет относится лишь к нашей внешней оболочке – телесному естеству, которое изнашивается, как всякий земной механизм, тогда как душа внутренне чувствует себя той же самой и ищет непрекращающегося постоянства. Душа хочет быть всегда, всегда

переживать этот единственный неповторимый миг, купаться в жизни и радости бытия, осознавая себя, общаясь с родными и близкими, черпая бесконечное неизреченное благо.

Где это благо, в чем оно, а точнее – в Ком, становится понятно по мере крушения земных иллюзий.

Бог ограничил пределы нашей земной жизни семью или восемьдесятками лет. Это, конечно, немного. Но отведенный срок позволяет опытно и в кратчайшие сроки познать, как быстро рушатся пожелания, как скоро увядает плоть, а руки самого хваткого человека быстро разжимаются. Земные радости завершаются разочарованием, чтобы мы искали подлинную радость, не знающую разочарования.

Священное Писание говорит нам о том, что в человеке есть бесконечно ценное – бессмертная душа. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? (Мк. 8: 36–37.) *Мы созданы по образу Божию, призваны к бессмертию, как бессмертен Сам Бог. Поэтому душа не может насытиться земной скоротечной жизнью, она жаждет вечности, но вечности не в смысле бесконечно длящихся бессмысленных лет, а в смысле всецелой причастности вечному Богу.*

Неважно – сколько, важно – как ты проживешь эту жизнь. Отведенные нам годы – это как емкости для наполнения. Наполним ли их чем-то добрым и ценным, оставим ли пустыми, или, что еще хуже, заполним всяким хламом и мусо-

ром – зависит от нас самих. Пустой поезд в 70 или 80 вагонов теряет смысл. А поезд в несколько вагонов, но наполненных чем-то драгоценным, имеет огромную ценность.

Отведенные нам годы подобны чистой тетради. Кому-то дана толстая тетрадь, а он исчеркает листы, наставит клякс, изомнет, изорвет, чтобы потом переживать о плодах своей самодеятельности. Кому-то дана тетрадь тонкая, но и на этих немногих листах он запечатлеет что-то чистое и прекрасное.

И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были... и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими (Откр. 20: 12).

Листы заканчиваются, емкости наполняются, года уходят, но остается бессмертная душа.

Человек, живущий земным, уподобляется дырявой бочке, в которую все время льют и никак не могут наполнить. Душа, впитывая в себя развлечения и блага мира сего, по-прежнему остается пустой, голодной и жаждущей. Человек, живущий небесным, подобен чистому роднику, в котором не иссякает живая вода, утоляющая всякую жажду.

Достоевский и возле эшафота помнил о Спасителе. «Мы будем со Христом», – сказал он одному из осужденных товарищей. По-своему на тот момент понимал он служение Христу, горнило дальнейших страданий переплавilo его в подлинного Христова служителя.

В жизни каждого из нас бывает свой эшафот, свое ожида-

ние, но и каждому от Бога даются свои милости, своя чудесная помощь. Преобразимся ли мы, чтобы оставшиеся годы прожить со Христом, чтобы ни одной минуты уже не потерять, чтобы каждую минуту счетом отсчитывать?

Время освящается, когда наполняется благодатью Того, Кто Сам и есть Освящение («Яко Ты еси Освящение наше», — обращаемся мы к Нему в богослужебном возгласе). Время наполняется вечностью, когда временный человек становится причастен вечному Богу. И каждое даже самое малое мгновение обретает смысл, когда в это мгновение ты всецело с Тем, Кто и дарует смысл.

Помоги нам, Боже, не терять для вечности отведенное на земле драгоценное время!

Кто наш ближний?

О том, как мы судим о людях

Тайна межличностных отношений кроется в тех оценках, которые мы даем другим людям и самим себе при общении с ближними. Если мы смело ставим штамп на другом человеке

как низшем, худшем или неправом по отношению к нам, то вряд ли наше общение с ним будет ровным и гладким. Если же мы видим в нем светлое и доброе, то, естественно, у нас будет больше шансов на светлое и доброе общение с ним. Не случайно писатель М. Горький советовал: «Никогда не подходи к человеку, думая, что в нем больше плохого, чем хорошего».

Вообще-то, если говорить о наших суждениях, то Господь заповедует нам никого не судить (см.: Мф. 7: 1–5). Ведь мы сами не судьи, а подсудимые и потому не знаем, что представляет собой тот или иной человек по своему существу, не знаем, почему в одной ситуации он поступил хорошо, а в другой плохо. Иногда же и сам наш взгляд на другого, что якобы он поступает греховно, глубоко ложен и несправедлив перед всевидящим оком Божиим.

Однажды старца Паисия Святогорца посетил человек, просивший молитв о больной дочери. Старец сказал: «Хорошо, помолюсь, но и ты что-нибудь сделай для здоровья ребенка, если уж молиться как должно не можешь. По крайней мере оставь курение, сделай хоть это себе понуждение». Тот с готовностью оставил сигареты и зажигалку прямо на стасидии старца в церкви. Спустя немного времени пришел один посетитель, который, увидев эти сигареты, подумал, что курит сам старец, и потом дерзнул закурить возле келлии отца Паисия. Когда старец сделал ему замечание, тот возмутился: «Я видел у тебя там сигареты. Ты в церкви куришь, а мне

здесь не даешь?» Вот так и каждый из нас судит о других людях в меру своей собственной испорченности.

Причем в такие минуты мы абсолютно уверены, что наше представление о другом, наше внутреннее ощущение его соответствует действительности. «Восхитили себе люди суд Мой», – сказал Господь о таком отношении одному древнему подвижнику. А старец Паисий приводит сравнение: пчела, залетая в какой-нибудь двор, минует мусор и хлам и непременно найдет прекрасный цветок, на который и сядет, муха же, влетая в прекрасный сад с благоухающими цветами, все равно отыщет грязь и нечистоту. «Вот так, – поучает старец, – каждый судит о другом по чистоте и расположению своего сердца. Так одних можно отнести к категории мухи, а других – к категории пчелы. А вы себя куда относите?»

В повести В. Каверина «Два капитана» после расстрела санитарного эшелона раненый офицер ждет в лесу, что за ним вернутся солдаты и медсестры, ушедшие подготовить дрезину. Он ждет, потому что верит в людей. Но к нему так никто и не пришел. Верим в людей и мы, но далеко не всегда наша вера оправдывается. Самое же удивительное другое. Обстоятельства жизни порой складываются так, что человек и не может помочь, даже если он этого хочет, а мы верим в него, как будто бы он всесилен. Когда упомянутый офицер стал выбираться из леса сам, то увидел одну из медсестер убитой: значит, они и не могли вернуться за ним. В жизни всё встанет на свои места, когда мы прекратим на первое ме-

сто воздвигать только себя и свои нужды, когда мы увидим вокруг себя таких же людей, как мы сами, с такими же проблемами, немощами и нуждой в чьей-то помощи.

Иногда нам кажется, что другой человек неприветлив к нам, неласков. Мы начинаем думать, что он не чувствует душу других людей, не любит их. А может быть, этот человек замкнулся в себе, потому что сильно переживает. У него неприятности, отчего не нашлось сил быть отзывчивым к другим людям. И не винить его в своей душе, а поддержать и помолиться о нем – вот что так требуется.

Есть давнее наблюдение. В суждении человека об окружающих во многом проявляется личность самого судящего. Как именно? Увы, мы часто судим о других по себе. Как правило, в своих суждениях человек наделяет других собственными качествами – либо отрицательными, либо положительными. В этой связи можно даже сформулировать новую поговорку: скажи мне, как ты отзываешься о ближних, и я скажу, кто ты.

А у поэта Расула Гамзатова есть такие строки:

«Вон человек, что скажешь ты о нем?»

Ответил друг, плечами пожимая:

*«Я с этим человеком незнаком,
Что про него хорошего я знаю?»*

«Вон человек, что скажешь ты о нем?»

Спросил я у товарища другого.

«Я с этим человеком незнаком,

Что я могу сказать о нем плохого?»

Итак, во многом от нас самих зависит, что именно видим мы в другом человеке – хорошее или дурное.

Преподобный авва Дорофей рассуждает по этому поводу: «При встрече с людьми больше всего нужно избегать подозрительности, от которой происходит пагубное осуждение. Имею множество примеров, доказывающих, что всякий судит о других согласно собственному душевному состоянию. Допустим, например, что кому-то случилось стоять ночью у дороги и мимо него проходят три человека. Увидев стоящего, один из них подумает, что он, наверно, поджидает кого-то для блудного свидания; другой подумает, что этот, несомненно, вор: вид у него подозрительный; третий подумает, что этот, наверно, с кем-то условился пойти вместе в храм помолиться и потому ждет его. Так трое видели одного и того же человека на одном и том же месте, но подумали о нем совсем разное. И это, очевидно, соответственно настроению каждого из них. Как черно-желтые и худосочные тела всякую пищу, какую бы они ни приняли, превращают во вредные соки, хотя бы она была и самой полезной, так и душа с испорченным нравом получает вред от всего, с чем имеет дело, даже от самого хорошего. А имеющий добрый нрав подобен тому, кто имеет здоровый организм, который если и проглотит что-либо и не совсем полезное, все же превратит все в хорошие соки. Так и мы, если будем иметь доб-

рый нрав и будем хорошо себя настраивать, то от всякого дела получим духовную пользу».

В Прологе повествуется, как однажды святителю Иоанну Милостивому, патриарху Александрийскому, наклеветали на одного инока, что он ходит по городу с очень красивой девицей. Он поверил клевете, приказал наказать их и заключить в темницу. В ту же ночь инок явился ему в видении и, показывая раны от побоев, сказал: «Приятно ли тебе это?

Разве апостолы так учили управлять стадом Божиим? Ты меня наказал невинно, поверив клевете».

Проснувшись, святитель Иоанн позвал к себе инока и, увидав его, не мог выговорить ни слова: он узнал в нем явившегося ему во сне. Потом он попросил его показать свое тело, чтобы во всем убедиться, и с ужасом увидел, что инок весь избит. Тут он совершенно уверился в невинности наказанного, который рассказал ему следующее: «Когда я шел в Газу для поклонения святым мученикам Киру и Иоанну, мне встретилась эта девица и, припав к ногам, молила со слезами позволить ей со мной идти. Я, оттолкнув ее, убежал; тогда она, вслед мне поспешая, воскликнула: „Заклинаю тебя Богом Авраама, пришедшим спасти грешников, не оставь меня!“ „О чем ты меня просишь?“ – спросил я. „Я еврейка, – отвечала она, рыдая, – и желаю оставить отеческую злую веру и быть христианкой, не оставь меня, отец! Но спаси душу мою, хотящую уверовать во Христа!“ Услышав это, я побоялся суда Божия, взял ее с собою и стал учить святой вере.

Придя же ко гробу святых мучеников, я ее крестил в церкви и хожу с ней в простоте сердца, пока не введу в девичий монастырь».

Святой Иоанн, услышав это, в сильной скорби просил у него прощения и хотел наградить, предложив ему сто золотых, но инок отказался, сказав: «Если инок верует, что Господь о нем заботится, то не требует золота; а если любит золото, то не верит, что Бог есть». С тех пор святитель Иоанн еще более стал преследовать грех осуждения, говоря другим: «Дети! Перестаньте осуждать, потому что вы двойному греху повинны. Первый грех: Божию заповедь преступаете, осуждая согрешающего; второй: клеветаете на брата, не зная, грешит ли он до сих пор или уже раскаялся».

Многие люди, начав осуждать других, готовы в своих фантазиях крушить всё подряд, ниспровергать всех и вся, они болезненно реагируют на недостатки других и в итоге своих мысленных пререканий приходят к полному внутреннему изнеможению. Осуждение ближних разрушает внутренний мир, приводит к нервозности, лишает сна.

Откуда же это в нас – подмечать в других людях прежде всего плохое?

Причина осуждения коренится в нашем самолюбии. Если мы любим себя больше, чем других, то, конечно же, видим в ближних в первую очередь недостатки, а в себе – только достоинства. Иначе как признать, что мы лучше других?

Какие же средства даны христианину для преодоления

этого искушения?

Средство номер один: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7: 1). Святитель Феофан Затворник поясняет это так: «Приговор Господа за этот грех строг и решителен. Кто осуждает других, тому нет оправдания. Как же быть? Как миновать беды? Решительное средство против осуждения состоит вот в чем: считать самого себя осужденным. Кто воочувствует себя таким образом, тому некогда будет судить других. Только и речей у него будет: „Господи, помилуй! Господи, прости мои согрешения!“»

В древнем Патерике мы читаем о том, как собрались некогда иноки рассудить о поступке брата и пригласили на суд авву Моисея. Моисей насыпал в мешок песку, положил себе на спину и пошел судить согрешившего. Братия, встречая старца, спрашивали: «Что значит твоя ноша?» «Это мои грехи, – отвечал авва, – которых я сам не вижу и между тем иду осудить другого за его грехи, которые мне приметны». Вразумленные этим ответом, братия отменили свой суд над согрешившим.

Действительно, если мы знаем свои недостатки и совесть наша не дает покоя за то, что мы поступили в каком-то деле неправильно, то обратим ли мы внимание на оплошности ближнего? Будем ли мы осуждать другого за что-то, зная, что сами не раз поступали не по-христиански?

Преподобный Иоанн Лествичник рассказывает об иноке, который проводил свою жизнь в нерадении. Когда же при-

близился час его смерти, он встретил его с улыбкой праведника. Братия спросили его о причине подобного утешения, на что инок ответил, что за всю свою посвященную Богу жизнь он никого никогда не осудил и ни к кому не питал злобы. В итоге в час смерти Бог дал ему утешение во спасении.

И правда, *прощая грехи другим и никого ни в чем не обвиняя, мы вносим мир в свою душу.* Господь, по Собственному Его слову, не судит того, кто не судит других.

Средство номер два: перестать высмеивать ближних. У многих это стало уже своего рода потребностью – хоть в чем-то осмеять другого. Между тем эта привычка только с виду кажется невинной потехой, в действительности же совмещает в себе злорадство с жестокостью, а ближний ставится вообще ни во что. Если мы испытываем удовольствие в насмешках над другими людьми, то это верный признак высокомерного, неблагоговейного, а в каком-то смысле и враждебного отношения к ближнему. Ведь всякая насмешка уязвляет и унижает другого человека. Стало быть, насмехаясь, мы, возможно не задумываясь, вредим ему, делаем зло. Насмехаясь за глаза, мы портим только самих себя, а насмешка, высказанная в присутствии человека, способна ожесточить и озлобить его.

Насмешничество – признак внутренней нечистоты, когда голос совести уже не слышен, и потому такой человек уязвляет других своей колкой речью. Он смеется, если другой поступил худо, и опять смеется, если другой поступил хоро-

шо. Смеется, когда услышит о веселой истории, но и если услышит о чужой неприятности, снова смеется. Нет в душе такого человека чего-то глубокого, серьезного, подлинного.

Как вести себя тому, над кем смеются? Не обращать на колкости никакого внимания – это главное оружие против насмешек. Если мы будем хладнокровны к насмешкам, значит, они не достигнут своей цели – и над нами перестанут смеяться. Ведь часто дразнят тех, кто дает здесь слабину. Отнеситесь к насмешкам равнодушно, и им никто не поверит.

Средство номер три: не нужно разглашать чужие немощи, грехи и недостатки. Во-первых, нам неизвестны мотивы многих поступков других людей: почему они поступили в конкретной ситуации именно так, а не иначе. Во-вторых, часто бывает, что полученная нами информация не соответствует действительности, а мы уже спешим расписывать своим знакомым, «как же он так поступил». В-третьих, это вредно для души, которая всегда после таких пересудов испытывает внутреннее поругание, дискомфорт, опустошение.

Один человек пришел к своему духовному наставнику с такими словами: «Знаешь ли ты, что сказал сегодня о тебе твой друг?» «Подожди, – остановил его наставник, – просей сначала всё, что ты собираешься сказать, через три сита». «Что же это за три сита?» – удивился ученик. «Прежде чем что-нибудь говорить, нужно трижды просеять это. Во-первых, просеять через сито правды. Ты уверен, что всё, что ты

хочешь сказать мне, есть правда?» – «Нет, я просто услышал об этом». – «Хорошо. Значит, ты не знаешь, правда это или нет. Тогда просеем это через второе сито – сито доброты. Ты хочешь сказать о моем друге что-то хорошее?» «Нет», – с сожалением ответил ученик. «Значит, – продолжал учитель, – ты собираешься сказать о нем что-то плохое, но при этом даже не уверен, что сказанное будет правда. Теперь просеем через третье сито – сито пользы. Так ли уж необходимо мне слышать то, что ты скажешь?» «Нет, в этом нет особой необходимости», – согласился ученик. «Итак, – заключил наставник, – в том, что ты хочешь сказать, нет ни правды, ни доброты, ни пользы. Зачем же тогда говорить это?»

И каждому из нас, прежде чем распространять сплетни и слухи о наших ближних, стоило бы просеивать всё это через три сита – правды, доброты и пользы.

Даже при очевидно отрицательном поступке ближнего мы не имеем права осуждать его. Ибо нравственная ответственность за поступки бывает неодинаковой у людей, живущих в разных жизненных обстоятельствах. Например, в повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» двое детдомовских ребятишек, родных братьев, вынуждены в голодный 1944 год идти на воровство хлеба, чтобы прожить еще день. На них ли грех этот или на директоре детского дома, не выдавшем им хлебный паек, достаточный для переезда по железной дороге? А преподобный авва Дорофей рассказывает историю про двух маленьких девочек, одна из которых была принята

на воспитание благочестивой девой, другая же – распутной женщиной. Авва Дорофей размышляет об их судьбе: «Обе были малы, обе проданы, не зная сами, куда идут, и одна оказалась в руках Божиих, а другая впала в руки диавола. Можно ли сказать, что Бог равно взыщет как с одной, так и с другой?... Если обе впадут в блуд или в иной грех, можно ли сказать, что обе они подвергнутся одному суду, хотя и обе впали в одно и то же согрешение? Возможно ли это? Одна знала о суде, о Царстве Божием, день и ночь поучалась в словах Божиих; другая же, несчастная, никогда не видала и не слышала ничего доброго, но всегда, напротив, все скверное, все диавольское, – как же возможно, чтобы обе были судимы одним судом? И так никакой человек не может знать судеб Божиих, но Он один ведает все и может судить согрешения каждого, как Ему единому известно».

Таким образом, в жизни подчас всё далеко не так, как это кажется лично нам. Поэтому *лучше весь суд о других людях предоставить Богу, самим же обратить внимание на решение проблем собственной духовной жизни* и преодоление всего того, за что мы сами можем быть осуждены пред Сердцеведцем Богом.

Как вразумлять другого человека

Как вы думаете, так ли уж несправедливо гоним автор строк:

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.*

(М. Ю. Лермонтов)

Всегда ли мы правы, когда самоуверенно читаем своим ближним мораль? Кстати, о самом Михаиле Лермонтове, об этом по праву великом поэте, увы, придется сказать, что не берег он своих ближних собственным словом. Как итог: печальная для Лермонтова дуэль с Мартыновым была в определенном смысле спровоцирована им самим.

Старец Паисий Святोगорец говорил: «Без конца оправдывая себя и считая, что другие его не понимают, что все вокруг несправедливы, а он – невинный страдалец и несчастная жертва, человек становится невменяемым, перестает управлять собой». И это действительно так. Если посмотреть, что происходит в душе этого человека, то с полной уверенностью можно сказать – хотя автор и не провидец, – что там скачут в беспорядке раздраженные чувства и помыслы: «этот поступил со мной совершенно бессовестно», «а этот меня не оценил», «а вот этот вообще человек бестолковый, навредил мне, пусть же за это мучается». Возмущается, словно пена морская, такая душа о чужих делах, судит практически всех подряд, изматывает себя, с трудом выходя из мысленных драм как после изнурительного боя с чудовищем. Если же посмотреть на внешние отношения такого человека с

ближними, то там постоянные конфликты, недопонимания, неумение ужиться и сработаться, а как следствие – жизненные неудачи, вплоть до безработицы, пристрастия к алкоголю и нищеты.

В общении людей друг с другом встречаются типовые ошибки, которые, по сути, разрушают общение. Такое бывает, в частности, когда мы уверены в собственном превосходстве и выступаем в роли учителей.

Подобные люди ничего так не любят, как раздавать всем советы, и, быстро поставив диагноз, тут же спешат предложить свой рецепт. Они живут наблюдениями за окружающими и едва заметят что-то вызывающее у них возмущение, как с видом всезнаек выплескивают то, что у них в данный момент на уме. Желание исправлять и подсказывать другим – это их жизненный зуд, никогда им не дающий покоя.

Не чувствуя ответственности за слова, они спешат раздавать советы и, настырно влезая в чужие судьбы, командуют, словно гениальные стратеги и путеводители. Как правило, такие люди самоуверенны, легко отметают советы, обращенные лично к ним, а в случае неудачи своих прогнозов или вмешательств тут же обвиняют другого, но себя – никогда.

Итак, больше всего ошибаются те, кто слишком привык советовать. Святитель Игнатий (Брянчанинов) о таких говорил: «Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву

нелепым советом». Вот почему очень часто, когда мы раздаем направо-налево рекомендации, когда произносим упреки, они словно уходят в пустоту, не достигают своей цели, а подчас настраивают против нас того, к кому мы обратились.

Не каждый имеет дар чувствовать душу другого. Но без этой чуткости невозможно помочь душе человека. *Недостаточно увидеть чужие оплошности – на это способны все. Важно так дать совет, словно ближний дает его себе сам.*

Заметим, душа практически любого человека весьма чувствительна к посторонним вмешательствам и не приемлет

тона обличения, даже просто назидания, поскольку это сразу резко противопоставляет людей, поставляя одного, то есть обличителя, выше, а другого, то есть обличаемого, ниже. В возникшей ситуации конфликта, обиды или явной несправедливости ближнего лучше всего в задушевной беседе коснуться проблемы по касательной, не изобличая упреком в лоб, а дружелюбно рассматривая возможные варианты действий, как бы для вразумления самого себя. И то это возможно только тогда, когда есть общая почва для разговора. Если же между вами заведомо пролегает пропасть – пытаться ее преодолеть; если вы не обрели еще крылья духовности – значит, наверняка упасть в эту пропасть и разбиться.

Древний Патерик повествует, как однажды авва Аммон посетил место некоторых иноков. В то время один из братьев подвергся сильному искушению: его посещала женщина. Это стало известно прочим инокам, которые сильно смущались и, собравшись на совещание, решили изгнать соблазнившегося брата. С собой они пригласили пойти и авву Аммона, чтобы вместе осмотреть хижину инока. Согрешивший брат узнал об этом заранее и скрыл женщину под большим деревянным сосудом, перевернув его кверху дном. Войдя в хижину, авва Аммон тут же все понял, сел на деревянный сосуд и приказал обыскать хижину. Иноки никого не нашли, и авва Аммон сказал им: «Бог да простит вам согрешение ваше». Затем он помолился и велел всем выйти, сам же пошел последним. Покидая келью, он взял милостиво за руку об-

виненного инока и с любовью сказал: «Брат! Внимай себе». Так одним ласковым, теплым словом старец исправил того, которого безнадежно хотели исправить обличением прямолинейным и без любви.

Удивительное наставление дает нам преподобный Серафим Саровский: «С ближними надо обходиться ласково, не делая даже и вида оскорбления. Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на наше сердце как бы камень ложится. Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словами любви. Видя брата, делающего грех, покрой его, как советует святой Исаак Сирин: „Простри ризу твою над согрешающим и покрой его“».

Вот как поступали в таких ситуациях сами святые. Преподобный Иов Почаевский однажды ночью, проходя через монастырское гумно, застал человека, крадущего пшеницу. Вор, испугавшись, пал к ногам святого, умоляя его никому не говорить об этом, чтобы не потерять уважения своих соседей. Но старец был настолько незлобив, что не только не укорил вора ни одним словом, но даже сам помог ему поднять мешок с краденым зерном. Наставив при этом смиренными словами не делать впредь ничего подобного, напомнив заповеди Божии и предстоящий нелицеприятный Суд, на котором во всем предстоит дать отчет Господу, старец отпустил вора.

Для христианина это крайне важно – в общении с ближними не выпячивать и выискивать их грехи, а, напротив, за-

мечать в них лучшее, светлое, доброе. Что же касается исправления чужих ошибок, то если и браться за это, делать это с добротой и любовью. Преподобный Марк Подвижник по этому поводу верно сказал: «Лучше с благоговением молиться о ближнем, нежели обличать его во всяком согрешении».

Святой праведный Иоанн Кронштадтский предлагает нам такой совет: «Люби всякого человека, несмотря на его грехопадения. Грехи грехами, а основа-то в человеке одна – образ Божий. Иногда слабости людей очевидны, когда, например, они бывают злобны, горды, завистливы, скупы, жадны. Но помни, что и ты не без зла, а может быть, в тебе его даже больше, чем в других. По крайней мере в отношении грехов все люди равны: „Все, – сказано, – согрешили и лишены славы Божией“ (Рим. 3: 23); все повинны перед Богом и все нуждаемся в Его милосердии. Поэтому надо терпеть друг друга и взаимно прощать, чтобы и Отец наш Небесный простил нам согрешения наши (см.: Мф. 6: 14). Смотри, как много любит нас Бог, как много Он сделал для нас и продолжает делать, как Он наказывает слегка, а милует щедро и благостно! Если хочешь исправить кого-нибудь от недостатков, не думай исправить его одними своими средствами. Сами мы больше портим, чем помогаем, например своей гордостью и раздражительностью. Но возложи свою печаль на Господа (см.: Пс. 54: 23) и от всего сердца молись Ему, чтобы Он Сам просветил ум и сердце человека. Если Он увидит, что твоя молитва

проникнута любовью, то непременно исполнит твою просьбу, и ты вскоре увидишь перемену в том, за кого молишься. „Эта перемена десницы Вышнего“ (Пс. 76: 11)».

Что же можно предложить еще относительно попыток вразумлять других? Прежде всего, оценивать конкретный поступок, а не совершившую его личность. Особенно же остерегаться называть допущенную ближним оплошность правилом его жизни. Судите сами: одно дело, если кто-то вам скажет: «Ты никогда ничего не сделаешь как следует!», «Да ты ни к чему не способен!», «Сразу видно, что ты бес-толковый» и т. п., другое дело, когда кто-то вам скажет: «Обычно у тебя лучше получается», «Сегодня ты не совсем правильно поступил», «По-моему, ты способен на лучшее» и т. п. То есть надо оставлять вразумляемому надежду на спасение, а не загонять его в угол.

Действительно, существенной ошибкой бывает то, когда, пытаясь вразумить кого-либо, мы начинаем выпячивать его отрицательные черты, подчас перед другими подчеркиваем его недостатки. Соответственная реакция – отторжение наших слов. Досаждая другим и публично унижая, желая, видимо, помочь в обретении смирения, мы чудовищным образом провоцируем в человеке проявление гордости. А вот у преподобного Ефрема Сирина встречается совет иного характера: «Оказывай честь брату перед знакомыми его и будешь почтен перед Господом». Предложить совет можно только при доброжелательности, не противопоставляя себя

другому, а становясь с ним на одну почву: «Я сам намного хуже тебя; в данной же ситуации, как ты думаешь, может быть, я попробовал бы поступить вот так?»

Давайте подумаем, от кого нам самим легче перенести упрек: от человека доброжелательного, говорящего ласково и с любовью, или от нетерпеливого, говорящего вспыльчиво и презрительно?

Так как же мы сами должны обращаться к другим, чтобы они восприняли наше слово?

Есть замечательное жизненное правило: начни с себя, и у тебя сложатся отношения с ближними. Перестань по своему суду исправлять других, и ты найдешь с ними взаимопонимание. Победи в самом себе то, что не нравится в окружающих, и с тебя будут брать пример ближние.

Преподобный Исаак Сирин предлагает даже такой совет: «Когда встретишься с ближним своим, принуждай себя оказывать ему честь выше меры его... Хвали его даже за то, чего он не имеет. Этим и подобным этому привлечешь его к добру, заставишь его стыдиться тем приветствием, каким приветствовал ты его, и посеешь в нем семена добродетели... Берегись кого-либо и в чем-либо порицать или обличать, потому что есть у нас нелицеприятный Судия на небесах. Если же хочешь обратить кого к истине, то скорби о нем и со слезами и с любовью скажи ему слово или два, а не воспаляйся на него гневом, и да не увидит в тебе признака вражды». Никогда наши слова или наставления не будут воспри-

няты человеком, если мы заранее не расположим его к принятию слова добрым отношением. Даже к самолюбию другого человека надо относиться со снисхождением. Не тыкать человека носом в его недостатки, а аккуратно исправлять их, опираясь на то хорошее, что в нем еще есть.

И все-таки значит ли это, что лучше только молчать? Бывает, мы загоняем свое недовольство внутрь, не высказав нужного замечания, хмуро копим обиду, а потом, сорвавшись, выплескиваем в лицо. «Гораздо лучше обличить, нежели сердиться тайно» (Сир. 20: 1), – сказано еще в Ветхом Завете. В Евангелии же читаем: «Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему» (Лк. 17: 3), – значит, выговаривать ближнему о его проступке все-таки нужно, «и если покается, прости ему» (Лк. 17: 3). Но здесь же, во-первых, предполагается полное искоренение в самом себе злобы и раздражительности: «если семь раз в день согрешит против тебя, и семь раз в день обратится, и скажет: „каюсь“, – прости ему» (Лк. 17: 4), так что выговаривание брату должно иметь целью не восстановление справедливости самой по себе, но обращение ко спасению души брата, когда ты сам готов простить ему, лишь бы он обратился. Во-вторых, наши слова не должны становиться соблазном для ближнего. Произнесенный не к месту или не во время упрек лишь ввергнет другого человека в искушение. «Невозможно не прийти соблазнам; но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17: 1).

Увы, реалии жизни не всегда отвечают нашим надеждам и

планам. Желая донести какую-то истину до человека, допустим слово о вере, порой мы терпим крах. Иногда наше слово не могут принять, так как оно произнесено весьма неумело, без приложения к реальной жизни человека. Но, к великому сожалению, мы так же часто встречаем в обществе неприкрытый цинизм. И о носителе подобного морального качества можно сказать словами Пушкина из стихотворения «Демон»:

*Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.*

С человеком, который смеется тебе в лицо, вряд ли возможен искренний разговор. Как донести святое тому, для кого нет в принципе ничего святого? Говорить с циником о вере и обо всем самом святом представляется вряд ли возможным. «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7: 6). Иной раз лучше промолчать о том, что со временем объяснит цинику сама жизнь.

Итак, важно учиться чувствовать, кому, что, при каких условиях и каким образом можно сказать. Жизнь предлагает

нам возможность обрести этот опыт. А терпеливое и тактичное отношение к другим людям подскажет, как поступить правильно, если, конечно, нами движут любовь и доброе отношение к нашим ближним.

Любовь или ненависть?

Жизнь людей подчас обнажает уникальные истины, хотя проявляются они самым обыденным образом. В 2006 году умер бывший чилийский диктатор 91-летний Аугусто Пиночет. За год до его смерти бывший лидер чилийской компартии 90-летний Луис Корвалан, всю жизнь боровшийся с Пи-

ночетом, заявил, что ради принципа переживет Пиночета. И вот наступил день, когда, казалось бы, исполнилось давнее желание, но Корвалан неожиданно признался: «Я страшно удивился, когда меня известили, что Пиночета больше нет. Когда умирает самый главный враг твоей жизни, то появляется смутное чувство, словно чего-то недостает... Я столько лет ждал этого, ну вот теперь вдруг дождался. и что дальше?»

Представьте: всю жизнь ненавидеть своего противника, бороться с ним, а после его смерти вдруг увидеть, что ты не приобрел ровным счетом ничего, нисколько в этом не выиграл, а напротив, как бы даже потерял единственный смысл своей жизни. Нужен ли нам такой смысл? И почему мы все время вредим друг другу, вместо того чтобы осмыслять жизнь чем-то чистым, ясным, светлым, святым, чтобы и другие могли почерпнуть от нас радость, вдохновение к жизни?

Есть притча о том, как некий человек купил себе новый дом с фруктовым садом. А рядом жил завистливый сосед, который постоянно пытался испортить ему настроение: то мусор под ворота подбросит, то еще какую-нибудь гадость сотворит. Однажды проснулся человек в хорошем настроении, вышел на крыльцо, а там – ведро с помоями. Человек взял ведро, вылил помои, вычистил до блеска ведро, насобирал в него самых больших, спелых и вкусных яблок и пошел к соседу. Сосед, услышав стук в дверь, злорадно подумал: «Наконец-то я достал его!» Открывает дверь в надежде на

скандал, а человек протянул ему ведро с яблоками и сказал: «Кто чем богат, тот тем и делится!»

«Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое» (Лк. 6: 45) – это универсальный закон человеческих отношений. Нам не дано других вариантов: либо быть злыми и делать зло другим, либо стараться быть добрыми и нести нашим ближним добро.

Когда мы озлобляемся на кого-либо, пусть даже имея для этого, как нам кажется, все основания, мы подчиняем себя опасной страсти – памятозлобию. Казалось бы, памятозло-

бие полностью отделяет тебя от ненавидимого тобой человека. На самом же деле оно плотным кольцом соединяет тебя с тем, к кому ты испытываешь злобу. Ведь в мыслях ты постоянно имеешь в виду соперника, обдумываешь, как бы ему отомстить. Если ты с кем-то поссорился, то угрюмо пребываешь в мысленном диалоге с ним, желая выйти из этих мысленных баталий победителем. А при встрече с тем человеком отводишь в сторону глаза, потому что тебе тяжело на него посмотреть, – где же здесь внутренняя свобода?

В мире, исполненном зла, Господь нас призывает к свободе от зла. Не надо играть по предлагаемым правилам. Если тебя обижают и ты поддаешься злобе и ненависти, то сразу оказываешься во власти того, кто тебя обижает. Если ты не обижаешься, то ты свободен.

Ненависть – антипод любви. И если любовь ориентирована на жизнь, то ненависть – на уничтожение. Ненависть – это всегда посягательство на чужую жизнь, потому что ненавидящий желает, чтобы ненавидимый им не имел каких-либо благ, а первое благо есть жизнь; ненавидящий не хочет даже и видеть ненавидимого; иными словами, он хочет, чтобы того как бы вовсе и не было, и потому ненависть – жажда уничтожения. «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (1 Ин. 3: 15). В Священном Писании мы видим, как злоба Каина довела его до убийства брата, а злоба Саула – уже до самоубийства.

В конечном итоге так и есть: ненависть оборачивается самоуничтожением.

Почему же одни люди ненавидят других? Поводов тому можно указать множество, но все-таки подлинная причина одна. «Где оскудевает любовь, там непременно на место ее входит ненависть», – говорит святитель Василий Великий. Мы ненавидим друг друга по недостатку любви. Ненависть поселяется там, где нет внутренней сердечной близости, где царит отчуждение, отстраненность.

Представьте, что вы давно ищете пропавшего родного вам человека – брата или сестру, – с которым расстались в детстве. Много положено сил, но безрезультатно, а вы его так любите, и вам так хотелось бы вновь встретиться с ним. И вдруг неожиданно вы обнаруживаете, что знакомы с этим человеком, что он неисповедимыми судьбами был приведен в тот же город, где живете и вы. Но только вы его не узнали вовремя, более того, успели с ним поругаться и вступить в неприятный конфликт. Как бы вы поступили теперь? Смогли бы воскресить к нему в своем сердце чувства любви и близости?

Как важно понять, что каждый человек – наш потерянный брат, потому что все мы по крови дети одного Адама, а точнее, все мы дети одного Отца Небесного. Только часто мы забываем об этом и относимся друг к другу так, как будто мы совершенно чужие.

Кто бы ни был человек, какие бы ни совершил проступ-

ки, если в душе он родной, ничто не заставит возненавидеть его. А если нет сердечного приятия ближнего, то, будь он по крови родной, ненависти не избежать. Досадное слово или неугодный поступок спровоцируют ту нелюбовь, которая в данной душе уже давно затаилась. Получается: ненависть предваряет свои причины, а точнее, она ищет причины для своего оправдания.

Конечно, в каких-то ситуациях нам трудно удержаться от раздражения. Мы взрываемся, о чем потом сами жалеем. Но если вспыльчивость – временный всплеск негодования, то ненависть – глубокое неприятие и жажда уничтожения. Однако раздражительность и вспыльчивость, легко возбуждаемые, ясно показывают, что сердце человека еще не знает подлинных духовных сокровищ. А это чревато, если мы не будем работать над самими собой, укреплением в нашей душе самых низменных качеств, подобно тому как жидкий строительный раствор со временем схватывается в прочный бетон.

Хочется еще добавить, что *глубокая неприязнь к недостаткам другого человека может рождаться из интуитивного, но неосознанного ощущения своей личной духовной ущербности*, так наглядно предстающей в лице ближнего. Ведь человек склонен ненавидеть в других то, что есть в нем самом, но что он никак не хочет в себе увидеть или признать. Ведь согласитесь, в жизни каждого из нас было то, о чем мы стыдимся рассказывать, но едва мы узнаем, что это случилось с другим, тут же выносим свой строгий вердикт.

Как бы там ни было, это реалии нашей жизни. Хотим мы того или нет, но вопросы – любить нам или ненавидеть, прощать или мстить, сближаться или отталкивать – нам все равно в своей жизни придется решать. От этих решений зависит, идем ли мы к Богу, Который Сам «есть Любовь» (1 Ин. 4: 8), или же ниспадаем к Его жалкому противнику, который «был человекоубийца от начала» (Ин. 8: 44). Если верно, что нет на земле большего счастья, чем хранить в своем сердце любовь и добро, то верно и то, что нет большего несчастья, чем питать в душе злобу и ненависть.

Кто наш враг?

В первохристианской книге «Дидахи» («Учение двенадцати апостолов») приводится много цитат из Евангелия с небольшим толковательным расширением. Среди них есть

такие простые слова: «Вы же любите ненавидящих вас, и не будет у вас врага». Действительно, если мы будем любить того, кто нас ненавидит, то мы сами не станем считать его своим личным врагом. Кто любит других, у того нет врагов. И вот удивительный пример из современной нам жизни, подтверждающий эту истину.

Недалеко от шахты, в которую в 1918 году сбросили тела расстрелянной Царской семьи, находится маленький поселок с говорящим названием – Нейво-Шайтанский. Здесь в ночь на Рождество 2007 года пришедшие наркоманы-грабители проникли в храм и стали рассовывать по мешкам ико-

ны. Когда настоятель храма священник Олег Ступичкин заметил их и попытался остановить, они убили его, а тело пытались сжечь. Той же ночью убийц задержали на трассе. На следующий день после убийства к супруге отца Олега матушке Марине, у которой на руках осталось четверо детей, пришла жена одного из убийц с маленьким сыном. Матушка рассказывала: «Подле меня сидел мой ребенок, и наши дети пошли вместе играть. И кем мы должны были быть друг другу? Неужели врагами? Господь показал мне, что на самом деле ее доля труднее: меня превозносят, а ее поносят, у нее тяжелее крест. Я хотя бы 20 лет была счастлива, а она всего ничего успела с мужем пожить. Потом я попала в туберкулезную больницу с воспалением легких, и там Господь свел меня с людьми из тех, что убили моего мужа, – с наркоманами. Он раскрыл мне их, показал другую сторону жизни: темную, ее самое дно, и я поняла, приняла этих людей с их бедою... Ни минуты я не держала ни на кого зла – только очень больно было. Откуда силы для прощения брала? Силу эту только Господь может дать. Обиду держать – безумие. Ведь вот как удивительно получилось: один из убийц вразумился в тюрьме – веру обрел. С фото отца Олега не расстается». Вот так даже в этом трагическом случае Христос вновь одержал победу над диаволом – победу посредством любви.

Но разве христианин не замечает вокруг себя зла и несправедливостей? Да, замечает. Но в том-то и дело, что если думать, будто зло стало сущностью окружающих нас лю-

дей, если считать, что другие люди неисправимы, то зло искоренить невозможно. Лишь когда мы понимаем, что зло — инородно нам, что оно есть прирадившаяся к людям болезнь, от которой можно исцелиться, тогда появляется в жизни уверенность, а в общении с ближними — надежда и взаимное доверие. Не своим недовольством, а только любовью можно исправлять окружающих.

На самом деле где-то в глубине души самого, казалось, отпетого негодяя еще может теплиться искра жизни, надежды, любви. Никто из преступников не был счастлив, но ведь к счастью стремятся все, в том числе и преступники. Просто они понимают счастье по-своему, а затем много страдают, не имея подлинной, возвышенной жизни.

*Верю я, придет пора,
Силу подлости и злобы
Одолееет дух добра.*

(Б. Пастернак)

Мы даже не представляем, насколько хорошими, глубокими и сердечными могут быть многие люди, которые поначалу производят впечатление сухих и озлобленных. Как часто оказывается, что за внешним ожесточением скрывается теплая, страдающая и любящая душа.

Знаю человека, который в школе слыл за бандита, наводил страх на окружающих, так что педагоги считали его неисправимым. А потом он пришел к Богу, поступил в семинарию,

стал тихим и скромным, и теперь это прекрасный священник. Покаяние потому и действенно, что в глубине сердца самого отъявленного злодея еще не умер искренний, чистый, порядочный человек. Каясь и получая от Бога помощь, он может раскрыться, сбросив с себя всю шелуху дурного, которое всегда вторично по отношению к подлинной сути человека. *Любовь к другому, даже когда он предстает как наш враг, показывает, что мы верим в возможность его нравственного воскресения, верим в то, что он еще не погиб.*

Вспоминается еще реальный случай, произошедший во время недавней войны в Чечне. Попал к нашим солдатам раненый чеченский подросток. Его поместили в лазарет, где за ним заботливо ухаживала добрая медсестра. Подросток всё время злобно ругался, в сердцах говорил, что, когда вырастет, будет резать русских. Медсестра, услышав, спросила: «А меня тоже будешь резать?» Замолчал подросток, потом сказал: «Нет, тебя не буду». И больше не ругался.

Многое в жизни совершенно не так, как нам кажется. Мир не такой, каким мы его подчас видим своим испорченным взглядом. *Причинение зла есть глубокая ошибка и трагедия творящего зло человека.* И потому его надо прежде всего пожалеть, он готовит себе своим злом страшные беды.

В наши дни христианину особенно важно не противопоставлять себя окружающему миру как спасенного погибающим. Не смотреть на других людей как на заразу греха и разносчиков вируса зла. А, пытаясь сохранять внутреннюю

свободу от соблазнов мира, видеть в людях неповторимых, созданных по образу Божию и призванных к вечности личностей. Такой подход и нас самих сохранит, и даст причиняющему нам зло человеку возможность стать чище и лучше. Тепло и любовь души способны растопить лед холодного сердца.

Кто наш ближний?

Бог есть наша истинная Жизнь, а человек — образ Божий. И потому в Священном Писании мы видим две главных заповеди — любовь к Богу и любовь к ближнему. Если ты не любишь Бога, то никогда к Нему не придешь, но невозмож-

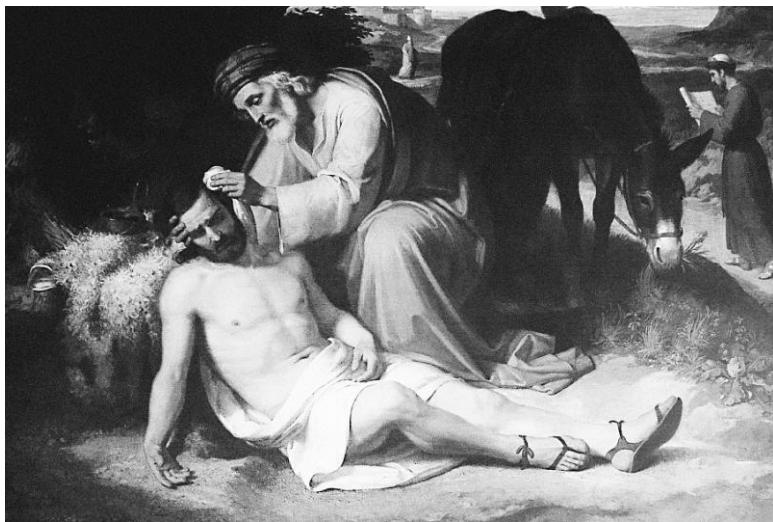
но достичь любви к Богу, пренебрегая ближним. Любовь к ближнему – наглядная проверка нашей христианской жизни. Но чтобы понять, что есть любовь к нашему ближнему, хорошо бы сначала выяснить, а кто же, собственно, это такой – ближний наш?

Вроде бы всё понятно: ближние – это те, кто находятся близко к нам, наши родные, друзья и знакомые, сотрудники по работе... Так оно, конечно, и есть. Ведь странно было бы говорить о любви к людям вообще и при этом не терпеть тех, кто нас непосредственно окружает. Как часто мы раздражаемся на близких нам людей, которых видим ежедневно, и переносим любовь куда-то на периферию, к тем, кого практически не знаем. Такая любовь обманчива, а подлинная любовь познается по отношению к конкретным людям, которых Бог свел по жизни с тобой.

Вместе с тем в Священном Писании вопрос о ближних куда более непростой и обращает наш взор к более глубоким сферам.

В Евангелии есть известная притча о милосердном самарянине (см.: Лк. 10: 25–37). Произнесению этой притчи предшествовал вопрос некоего книжника: что делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Господь обращает его внимание на Священное Писание, и книжник сам вспоминает заповедь возлюбить Бога всей душой и ближнего своего как самого себя (Втор. 6: 5; Лев. 19: 18). Спаситель подтверждает истинность древней заповеди, и тут-то как раз следует главный

вопрос книжник: а кого же, собственно, считать за ближнего, чтобы его любить как самого себя?

В вопросе этом вовсе не было лукавства или усмешки, как может показаться сначала. Дело в том, что в те времена иудеи делили всё человечество на три категории. Иудеев, то есть родных по крови и вере, они считали не просто ближними, но и братьями. Принявших иудейство иноплеменников называли только ближними. А язычников считали абсолютно чужими и не распространяли на них действие заповеди о любви. Ошибочность таких представлений вроде бы очевидна. Но если мы обратим внимание на собственную реальную

жизнь, то обнаружим, что и сами порой неосознанно поступаем так же, подразделяя всех окружающих нас людей на подобные три категории, а именно: в одних людях мы души не чаем, считая таковых за самых близких, соответственно, бываем готовы помочь им, нисколько не задумываясь, в любое время суток; к другим мы расположены уже не так тепло и открыто, но в принципе благосклонны и в определенной ситуации пойдем им навстречу; третьих же мы вообще не выносим, не терпим (возможно, что по какой-то обиде, причиненной с их стороны), так что о какой-то помощи и содействии им с нашей стороны не может быть даже речи.

Преподобный Максим Исповедник относительно такого подхода к людям говорил: «Если ты одних людей ненавидишь, к другим относишься равнодушно, а третьих очень сильно любишь, то заключи из этого, как ты еще далеко отстоишь от совершенной любви, которая побуждает одинаково любить всякого человека». Поэтому притча о милосердном самарянине вполне актуальна и для нашего времени.

Вспомним ее содержание: некий человек, шедший из Иерусалима в Иерихон, попался разбойникам, которые его ограбили и, нанеся многие раны, ушли. Иудейский священник и левит, проходившие мимо, не обратили на несчастного никакого внимания. Проезжавший же самарянин, то есть человек, презираемый иудеями, не только оказал первую медицинскую помощь: перевязал раны избитого, возлив на них масло и вино (смягчавшие и дезинфицировавшие раны по

правилам тогдашней медицины), но и позаботился о дальнейшем существовании ограбленного: довез до гостиницы и дал ее содержателю средства на заботу о раненом, обещая на обратном пути добавить еще, если будет израсходовано более.

Кто из этих троих был ближним пострадавшему, очевидно. Господь хотел показать, что *подлинная близость определяется* не категориями родства, совместного проживания или даже вероисповедания, а прежде всего *бескорыстной и искренней любовью к другому человеку*, кем бы он ни был. В вопросе книжника «Кто мой ближний?» присутствовало опасение, как бы он не начал любить того, кого любить не должен. Господь же Иисус Христос показал, что истинная любовь не знает никаких вымышленных человеческим воображением пределов в заботе о пользе нуждающегося человека. «Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же» (Лк. 10:37), то есть считай своим ближним всякого человека, нуждающегося в твоей помощи, хотя бы он был иноверец и враждебен тебе, благотвори ему и таким образом обретишь вечную жизнь, о которой ты вопрошал.

Относительно притчи хочется отметить и еще кое-что. Давайте подумаем, почему, собственно, самарянин проявил сострадание? Да потому, что он видел в пострадавшем своего ближнего, не задумываясь, как к нему относится этот иудей. И вот это очень глубокая истина. На самом деле, наш ближний – не тот, от кого мы ждем помощи, а тот, кто нуждается

в нашей помощи, кому мы могли бы помочь, не ожидая от него никакой благодарности. Поэтому вот то *золотое правило, которому должен следовать христианин: не жди, что добро сделает кто-то другой, поспеши сам сделать его*. Это и есть исполнение Божией заповеди о любви к нашим ближним (Лев. 19: 18).

Апостол Павел писал: «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп. 2: 5). Как Спаситель воспринимал окружающих людей, как поступал Он с нуждающимися, как относился Он к Своим врагам, которые распинали Его? Апостол Павел об этом писал: «Имейте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны; ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» (Флп. 2: 2–4).

Так уж в нашей жизни случается, что легче всего нам бывает любить тех, кто находится далеко от нас, с кем мы встречаемся лишь время от времени. Это понятно: каждый старается выглядеть перед другими как можно более достойно, привлекательно, не выставляя напоказ своих отрицательных качеств. И это легко удастся, если общение бывает редким. При более же тесном соприкосновении с людьми все более вскрываются стороны, которые оказываются для нас неприятными. Поэтому ближних, оказывается, любить уже тяжелее, чем дальних. Но любовь к дальнему, хотя и кажется лег-

кой, не может быть глубокой, она не испытана серьезным общением, совместным решением каких-то проблем.

Значит, подлинная любовь проверяется буднями? Да, она выражается в мелочах, на кои мы так не любим обращать внимание. Особенно же она проявляется в доброте и милости, которые стоит являть к ближним именно в будни.

В завершение хочется привести слова святителя Феофана Затворника: «Коренная, источная заповедь: люби. Малое слово, а выражает всеобъемлющее дело. Легко сказать — люби, но не легко достигнуть должной меры любви. Не совсем ясно и то, как ее достигнуть; потому-то Спаситель обставляет эту заповедь другими пояснительными правилами: люби, как самого себя (Мф. 22: 39); как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними (Лк. 6: 31). Тут указывается мера любви, можно сказать, безмерная, ибо есть ли мера любви к самому себе и есть ли добро, которого не пожелал бы себе кто от других? Между тем, однако, это предписание не неисполнимо. Все дело стоит затем, чтобы войти в совершенное сочувствие с другими так, чтобы их чувства вполне переносить в себя, чувствовать так, как они чувствуют. Когда это будет, нечего и указывать, что в таком случае надо сделать для других: само сердце укажет. Ты только позаботься поддерживать сочувствие, иначе тотчас подойдет эгоизм и возвратит тебя к себе и заключит в себя. Тогда и пальцем не пошевелишь для другого, и смотреть на него не станешь, хоть умри он. Когда Господь сказал: люби ближне-

го твоего, как самого себя, Он хотел, чтобы вместо нас стал в нас, то есть в сердце нашем, ближний. Если же там, по-старому, будет стоять наше „я“, то не жди добра».

Возлюбить врага своего

Наверное, из всех заповедей Евангелия нет более глубокой, мудрой и вместе с тем таинственной и далеко не всем

понятной, чем заповедь «Любите врагов ваших». Эта заповедь, казалось бы, делает христианина совершенно беззащитным перед злобой мира сего. Но удивительным образом именно она победила ненавидевший христианство языческий мир и многих-многих язычников одухотворила, возвысила, сделала христианами.

В историческом романе Генрика Сенкевича «Камо грядеши», изображающем первохристианские времена, злодей Хилон выдает властям известных ему христиан, оговаривая их в поджоге Рима. Во время их истязаний Хилон получает прощение от мучимого, сжигаемого на столбе христианина и, будучи потрясен духовной высотой учеников Иисуса, пленяется сам верой Христовой, исповедует Спасителя и идет за Его имя сам на страдания. Этот литературный пример отражает реальные случаи, имевшие место в эпоху гонений.

Удивительную любовь к врагам являли в своей жизни святые. В житии святого Андрея, Христа ради юродивого, повествуется, как однажды толкаемый и оплевываемый прохожими Андрей заметил демонов, записывавших имена его обидчиков, – темные силы рассчитывали судить их за обиды святого в их смертный час. В ответ на это блаженный Андрей своей молитвенной силой стер бесовские записи и сказал: «Я упросил грозного моего Господина (так святой назвал Господа Бога. – *о. В. Д.*) не вменять им в грех то, что они быют меня: ведь они не ведают, что творят».

Как часто нам хочется буквально уничтожения наших

обидчиков! Мы видим в них воплощение зла, думая, что люди неисправимы. А святой Андрей прозревал ценность души другого человека даже сквозь причиняемые ему обиды и молился о самом главном – спасении этих людей в вечной жизни.

Когда святую мученицу Татиану предали на мучения, то слуги распорядителя казни стали бить ее по лицу, а потом удицами терзали ее глаза. Святая не только не раздражалась на них и не желала им чего-то плохого, но стала молиться Господу, дабы Он подал им познание истины. И действительно, они увидели четырех Ангелов, окружавших мученицу, а души их ощутили всю мерзость своих грехов. Они испросили у святой Татианы прощения и сами стали христианами. Молитва о врагах, произносимая от чистого и милостивого сердца, способна обращать людей от тьмы к свету.

Почему же необходимо прощать врагам? Тем более если они причиняют нам столько бед и скорбей? Обида от незаслуженных оскорблений всегда сдавливает сердце холодными тисками. Да и как же нам соглашаться с несправедливостью? Вот те обычные чувства, которые время от времени переполняют каждого из нас. Не ставит ли Евангелие перед нами слишком высокую планку?

А дело все в том, что, отвечая на зло злом, мы поступаем тем же способом, что и злодеи, и потому сами становимся такими же, как и наши враги. Как же мы можем быть с Богом, если уподобляемся в ненависти Его противнику?

«Благословляйте проклинающих вас» (Лк. 6: 28), – заповедует Христос. *Любить врага – это значит иметь дивную свободу сердца* – свободу от оков злопамятства, от терний ненависти, от уз раздражительности! Ведь что такое ненависть, как не цепи, сковывающие наше собственное сердце?

Вот какой портрет рисует святитель Григорий Нисский: «Они встречаются угрюмо и друг другом всегда гнушаются: уста их безмолвны, взоры отвращены, и слух одного закрыт для слов другого. Все, что приятно для одного из них, ненавистно для другого, и, напротив, что ненавистно одному, то нравится другому». Так мы возжигаем в самих себе лютый огонь ненависти, как будто пытаемся сжечь им своего врага. На самом деле лишь попадаем собственное сердце, иссушая свой внутренний мир и доставляя себе лютые муки.

Что происходит с человеком, ненавидящим своих врагов? Он часто лишается сна, становится мрачным, задумчивым, теряет работоспособность, потому что червь злобы изъедает его изнутри. Так люди терзают самих себя, не понимая, что, простив и полюбив другого, мы прежде всего приносим благо самим себе – потому что освобождаемся от угнетения души, а затем – тому, кто был прежде нашим врагом, – потому что он уже не увидит в нас повода к новой вражде.

Даже с точки зрения земной любовь к врагам, *прощение обидчика – это единственно возможные условия для сохранения мира*. Все многочисленные традиции кровной мести и просто мести, когда «око за око и зуб за зуб» (Мф. 5: 38), се-

ют только новые раздоры, несправедливости, становятся источником горя, но не способны привнести в нашу жизнь порядок и мир. Вот почему сквозь века повторяется одна и та же картина: воздавая за зло злом, люди превращают жизнь в сплошной ад.

Как часто, едва нас кто-то обидит, мы уже готовы сказать: «Господи! Накажи его, погуби». Даже в Евангелии мы видим подобную ситуацию. Когда Христос проходил через селение самарян, жители не приняли Господа. Тогда апостолы Иаков и Иоанн обратились к Нему со словами: «Господи! Хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал» (Лк. 9: 54)? К тому времени апостолы совершили уже много чудес, поэтому они верили в возможность и такого чуда, если оно будет угодно их Всемогущему Учителю. Он же ответил: «Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» (Лк. 9: 55). Это в Ветхом Завете преобладал дух суровости и кары, так что порой служители Божии, пророки, прибегали к достаточно жестким мерам вразумления; в частности, так поступил святой Илия, ревнитель Закона Божия, попавший небесным огнем пришедших за ним царских воинов. Дух же Нового Завета – любовь и милость, поскольку Христос пришел не губить, а спасать души людей, не пренебрегая даже враждующими. И на Кресте Спаситель молился не о Себе, не о Своем спасении, не о возмездии распинателям, но о прощении врагов, зложелателей и предателей: «От-

че! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23: 34). Соответственно, так же призван поступать тот, кто носит имя Христово, – христианин. Вот эта любовь, возвышающаяся над всей злобой мира, в конечном итоге и являет победу.

Зачастую во многих жизненных ситуациях мы сами рисуем себе образ врага, начинаем пылать ненавистью к другому человеку, поскольку он не вписался в наши представления о жизни или поступил не так, как хотелось бы нам. Вражда к нему помрачает око души. Да и сама душа становится до ужаса безобразной от ненависти.

Преодолеть это возможно, только если мы изначально настроены созидать в себе любовь к тому, кого воспринимаем как врага. Бывает, достаточно хотя бы выждать какое-то время, не выплескивать сразу свое негодование, и мы увидим ситуацию с новых сторон, поймем другого человека и простим его. Окажется, что он никакой и не враг. А если еще и обратиться с молитвой к Богу, то это самый верный способ обрести в своем сердце любовь, тепло и прощение. Ведь Господь Сам являет всё это нам и может даже самое каменное сердце наполнить подлинной любовью, жизнью и милостью.

Что значит: «люби ближнего своего»

Представьте себе: на улице вы увидели, как с каким-то человеком стало плохо или, допустим, к нему пристают него-

дзяи, но вы прошли мимо как ни в чем не бывало. А потом вдруг выясняется, что это был ваш родственник или близкий человек, которого вы просто в тот момент не узнали. Уж как тогда будет стыдно! Суть же этого примера заключается в том, что к другим надо относиться так, как если бы это были близкие нам люди.

В сказке Андерсена «Девочка со спичками» рассказывается про девочку, которая пыталась согреть себя, зажигая спички одну за другой. И с каждой вспышкой ей в ее детском воображении представлялись удивительные картины: теплая печь с блестящими медными шариками и заслонками, жирный новогодний гусь, который поднимается с тарелки и идет к ней, новогодняя елка с игрушками, покойная бабушка – так вплоть до того момента, пока она не замерзла. Ей всего лишь надо было обогреться, а никто не пришел на помощь. У Достоевского есть, кстати, очень похожий рассказ – «Мальчик у Христа на елке»: ребенок замерз, потому что холоден мир людей. Но ведь эти два литературных персонажа – отражение наших реалий, того жестокого отношения к ближним, которое рождается в эгоистичном и безжалостном сердце.

Люди еще бывают способны к героизму и самоотверженной помощи в исключительных обстоятельствах. Помню, как вместе с близким священником, отцом Сергием, и его тремя детьми мы ездили на святой источник в Малинники. На обратном пути, переезжая через железнодорожные пути, машина батюшки заглохла, и тут же закрылся слагбаум, тре-

звоня о приближающемся поезде. Автомобиль категорически отказывался заводиться, времени на спасение оставалось не очень-то много. Возле шлагбаума стояли еще две машины, из которых сразу же вышли люди и помогли нам вывезти автомобиль с путей.

Если бы мы были так же внимательны друг к другу в своей будничной жизни! Собственно, христианство призвано преображать наши будни, и Христос проповедовал Евангелие, чтобы оно было реализовано не где-то в экстремальных ситуациях или на войне, куда далеко не всем нам дается попасть, а в наших буднях, в повседневном общении с ближними.

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13: 34) – вот слова Спасителя. Конечно, и в Ветхом Завете Господь повелевал любить ближних (см.: Лев. 19: 18, 34). Да и сама наша совесть, данная нам Богом, всегда свидетельствует о необходимости любви. Тем не менее, придя на землю, Господь обрел эту заповедь совсем забытой. Забываем ее и мы. Она и для нас, эта заповедь, всегда новая.

Любовь, принесенная в мир Христом, имеет и действительно новый, более возвышенный смысл: это любовь по примеру Самого Христа, жизнь свою полагающего за ближних.

Все мы, конечно, хотим, чтобы другие люди поступали с нами хорошо: были бы к нам добры, приветливы и услужливы. Вот именно так поступать с другими людьми призывает нас Спаситель: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7: 12). Поэтому перед каждым своим поступком стоит подумать: я хочу сделать для другого человека то и то, а приятно ли было бы, если бы кто-то это сделал мне? Если сердце подскажет «да», тогда нужно делать, если же «нет», следует воздержаться.

А хотите определить, есть ли у вас любовь к вашему ближнему? Если у вас есть что-то очень нужное вам и, когда это понадобится вашему ближнему, вы с радостью предложите ему, не ожидая взамен чего-либо, то вы любите ближнего. Причем это относится не только к какому-нибудь предмету, но и к самому времени, которого всем так не хватает и которым, конечно, всегда жертвуешь ради того, кого любишь.

В «Достопамятных сказаниях» рассказывается, как однажды иноки в присутствии аввы Иосифа начали разговор о любви. Старец сказал: «Мы не знаем, что такое любовь. Вот образец любви. Авва Агафон имел ножик, необходимый ему для рукоделия. Пришел к нему брат и, увидев ножик, похвалил эту вещь. Авва Агафон немедленно начал упрашивать брата, чтоб он принял ножик в подарок, и не дал брату выйти из келлии, пока не уговорил его принять понравившуюся ему вещь».

«Что же в этом особого? – скажет современный человек. – Подумаешь, подарить ножик... Мы бы хоть сотни таких ножей раздали!» Но надо учесть, что иноки IV–V веков были лишены финансового снабжения и каких-либо благ цивилизации, они жили в далеком от людских поселений, пустынном месте, где нож являлся одним из главных орудий труда, а приобрести новое орудие было крайне трудно. Это то же самое, что современному человеку отдать главное орудие своего пропитания – допустим, водителю отдать автомобиль, а банкиру пожертвовать банком. Отдавая ближнему то,

что жизненно необходимо тебе, ты, конечно же, проявляешь любовь.

Вот история из жизни знакомых людей. Светлана Н., добрая, отзывчивая женщина, работала завучем в престижном образовательном центре. Ее брат, увлекшись идеалами золотого тельца, допустил серьезные просчеты, не рассчитал свои коммерческие возможности и разорился. К тому же он взял под кредит иномарку баснословной цены. Пропустив положенный в договоре срок, он непомерно увеличил свой долг и оказался в кабальной зависимости. Светлана недавно по состоянию своего здоровья уволилась, средств к заработку не было, и, чтобы спасти брата, она продала собственную квартиру. Долги брата оказались покрыты, но сама Светлана уже вынуждена жить в крайне стесненных условиях.

Конечно, хотелось бы видеть, что Господь воздаст за подобные жертвы благополучием и во внешней жизни. Но с позиций духовного мира не внешняя жизнь имеет первостепенную ценность. По крайней мере, совершенно верно то, что люди безжертвенные носят в самих себе мучение, а жертвенным людям Бог подает утешение, причем утешение куда большее, чем иномарка, взятая под кабальный кредит.

Подлинная любовь к ближнему познается по той внутренней боли, которая является в сердце, когда мы узнали о скорби ближнего. Отсутствие любви проявляет себя в равнодушии – этой тишине мрачного омута, поглощающего живые и чистые чувства. Если ваш ближний заболел и вы почувство-

вали скорбь как за себя самого, то вы любите ближнего. Если вы узнали, что у другого человека беда, и тут же подумали, что предпринять для помощи ему, то вы не лишены христианских чувств. Но если, услышав о случившейся неприятности, вы подумали: «Хорошо, что меня в тот момент рядом не было, чтобы нести его тягости», – значит, вы далеки от любви.

Вместе с тем любовь – это не только когда ты сострадаешь скорбящему, но и когда ты радуешься чужой радости. Увы, есть люди, которые готовы попереживать, услышав о бедствии ближнего: «Ой, уж и как тебе тяжело, и как мне тебя жалко-то». Но стоит им услышать о его благополучии, как их лица бледнеют, а сердца наполняются возмущением: «Так вот ты какой». Народная мудрость по этому поводу создала афоризм: трудно прощать чужие недостатки, но еще труднее прощать чужие достоинства.

Допустим, если я слышу, что кому-то дали литературную премию, и с досадой думаю: «А почему не мне?» – то это уже эгоизм. Если же, услышав от близкого мне писателя, что он победил в международном конкурсе, я порадовался за него, то, стало быть, и я, слава Богу, не лишен, пусть и малой, крупицы любви. «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим. 12: 15), – говорил святой апостол Павел.

Понаблюдайте за собой, и вы точно поставите диагноз своим собственным внутренним чувствам. Суть же сказанного такова: *радость о чужой радости есть верный признак люб-*

ви к нашему ближнему.

Как еще заметить в себе христианское отношение к ближним? Если вы порадовались о ближнем, что ему, в отличие от вас, скажем, существенно повысили зарплату, что у него наступил в жизни успех, тогда как у вас неприятности, и вы прославили Бога за ближнего своего, то это, можно сказать, первые ростки христианской любви в вашей душе.

Напротив, отсутствие любви к ближним очень хорошо определяется по наличию в душе зависти. Зависть – всегда внутренний бунт: почему другой получил то, чего я не имею? Зависть – это самое очевидное, наглядное выражение эгоизма: всё только мне, а другим ничего. Так согрешил первый ангел, обладавший высочайшим могуществом и славой, но позавидовавший славе Творца и из-за этого всё потерявший. Так постоянно грешат и люди, думая, что кому-то лучше, чем им. В конечном итоге зависть есть самоуничтожение, ибо зависть – это неудовлетворенность заботой Божией о тебе и протест против того реального места, на которое Господь поставил тебя в твоей жизни. Потому среди десяти заповедей последняя направлена как раз против зависти: «Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего» (Втор. 5: 21). Итак, зависть – самая наглядная противоположность любви.

Без любви к ближнему невозможно любить Бога, «ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить

Бога, Которого не видит?» (1 Ин. 4: 20.) А без любви к Богу невозможно спасение.

Значит, кто не любит ближних, тот человек погибший?

Не будем отчаиваться. По крайней мере, если любви нет, ее можно возвращать. Каким же образом? Это объясняет преподобный авва Дорофей: «Спаситель говорит: „Возлюби ближнего твоего, как самого себя“ (Мф. 22: 39). Не обращай внимания на то, как далеко ты отстоишь от этой добродетели, чтобы не начать ужасаться и говорить: „Как можно возлюбить ближнего, как самого себя? Могу ли я заботиться о его скорбях, как о своих собственных, и особенно о скрытых в его сердце, которых не вижу и не знаю, как свои?“ Не увлекайся такими размышлениями и не думай, чтобы добродетель превышала твои силы и была неисполнима. Но положи начало с верою в Бога, покажи Ему твое произволение и старание – тогда увидишь помощь, которую Он подаст тебе для совершения добродетели. Представь себе две лестницы: одна возводит вверх на Небо, другая низводит в ад, а ты стоишь на земле между ними. Не думай и не говори: „Как я могу взлететь от земли и очутиться вдруг на Небе?...“ Это, конечно, невозможно, да и Бог не требует этого от тебя, но берегись, чтобы не сойти вниз. Не делай зла ближнему, не огорчай его, не клевети, не злословь, не уничижай, не укоряй. А позже начнешь мало-помалу и добро делать брату своему, утешая его словами, сострадая ему или давая ему то, в чем он нуждается. И так, поднимаясь с одной ступени на

другую, достигнешь с помощью Божией и верха лестницы. Ибо мало-помалу, помогая ближнему, ты дойдешь до того, что станешь желать и пользы его, как своей собственной, и его успеха, как своего собственного. Это значит возлюбить ближнего твоего, как самого себя (Мф. 22: 39)».

Собственно, путь христианской жизни к этому и ведет, и автор не раз видел, как люди, ранее холодные, жесткие сердцем и беспринципные, воцерковляясь, изменялись даже лицом – в их глазах появлялись добро и любовь. А преподобный Макарий Великий объяснял это так: «Как пчела незаметно для людей строит соты в улье, так и благодать тайно созидает свою любовь в сердце человека, изменяя горечь в сладость, а жестокое сердце – в доброе. И как мастер по серебру, делая резьбу на блюде, постепенно покрывает его узорами и только после окончания своей работы показывает свою работу во всей ее красе – так и истинный Художник – Господь – украшает резьбой сердца наши и таинственно обновляет их, пока мы не переселимся из нашего тела, и тогда обнаружится красота нашей души».

Вот почему в жизни каждого из нас так важна аскеза, внутренняя работа над собой. Бог смотрит, прежде всего, на сердце человеческое, и значит, важно уделить внимание внутреннему очищению, чтобы в глубинах нашей души не затаились гордость, своенравие, жестокосердие и чтобы злые, нечистые мысли, словно разъяренные псы, не грызли наше собственное сердце. По внешнему виду мы все добро-

порядочны и вряд ли похожи на откровенных преступников, но в своей подлинной сути человек таков, каким он является, прежде всего, в своем сердце. Поэтому надо честно всматриваться в глубины собственной души, дабы увидеть тех внутренних церберов, которые превращают нашу душу в мрачный ад. А церберы эти проявляются в нас, когда мы общаемся с ближними.

Освобождая душу от оков страстей, мы освобождаем в сердце место для любви. Чистое сердце относится и к ближним чисто. Когда преодолено себялюбие, только тогда и возможна любовь к другим.

О дружбе, дружбе и общности

Хотите проверить свое отношение к ближним? Задайте себе вопрос: как много осталось у вас старых друзей?

Известный артист Вениамин Смехов в своей книге «Когда я был Атосом» вспоминает, что в 80-90-х годах XX века в списках самых популярных актеров он с удивлением не находил талантливейших. Первые места традиционно доставались героям «Мушкетеров» и «Гардемаринов». Причина подобного выбора публики ясна: предпочтение отдавалось фильмам, в которых изображались крепкая дружба, единомышленники, взаимовыручка – то, чего не хватает современному обществу.

Так или иначе, но наверняка почти каждый из нас признает, что близкая, единомышленная дружба – великое сокровище. И в определенные моменты жизни это может быть особенно значимо для нас. Вопрос только в том, возможно ли действительно обрести подлинную дружбу.

Прежде всего заметим, что *в душу человека изначально заложены две потребности – общения с Богом и общения друг с другом...* Дерево не может жить без солнца. Так и человек без Бога не имеет подлинной жизни, и это выражается в ощущении душой какой-то недостаточности, нехватки чего-то высшего, истинного, подлинного. Но и если дерево растет одно, оно легко становится жертвой неблагоприятных погодных условий, допустим, сильного ветра. Человек без друзей терпит бедствия с особенной сокрушающей силой, и душа чувствует свое одиночество, покинутость в мире земном.

Замечали ли вы, что после общения с друзьями настро-

ение всегда повышается и появляются силы и вдохновение для совершения своих ежедневных работ? Общность и общение, единство и радость от единодушия всегда пробуждают интерес к жизни.

Для каждого из нас большое значение имеет не только теплое слово близких людей, но и просто их присутствие рядом. Общность с ближними – это глубокое чувство взаимосвязи с другими. Оно поддерживается как словом, так и нахождением вблизи с любимыми тобой и любящими тебя людьми. И когда рядом долго нет никого близкого тебе, душа начинает тосковать, чувствуя свое одиночество.

Итак, друзья – это тоже проявление Божией заботы о нас. Господь показывает, что мы все-таки не одиноки в этом безжалостном мире, и потому подлинная дружба – действительно сокровище. В жизни часто бывает, что родственные узы между братьями и сестрами крепки, пока живы родители. Когда же их уже нет, родные забывают друг друга и более прочными узами часто становятся именно дружеские.

Тесная дружба связывала первых христиан, когда чадами Церкви становились исключительно те, кто всем сердцем принимал веру Христову. «Вы друзья Мои» (Ин. 15: 14), – говорит Господь апостолам. Называя их Своими друзьями, Он соединяет их самих тесными узами дружбы. Отсутствие же друзей или нежелание дружбы часто связано с эгоизмом, такой человек ориентирован только на себя, никто другой ему уже не нужен.

Зададимся вопросом: а что такое вообще подлинная дружба? И кто это – друг? Ведь одно дело – найти человека, разделяющего твои интересы, другое – встретить того, кого бы ты «взял в разведку». Дружба – это не просто навык общения с кем-либо; в подлинной дружбе есть особая близость и родственность душ, из которых естественно вытекают взаимное доверие и преданность.

В общении с людьми мы часто примериваем на себя какие-то маски, играем роли, испытываем какую-то натянутость и искусственность, взаимное отчуждение. Такое поведение обусловлено желанием завоевать авторитет у того, кто для тебя изначально не друг. Так вот, подлинный друг – это тот, с кем мы бываем самими собой, с кем мы ведем себя просто и естественно, не принимая на себя какой-то напыщенной роли, не скрывая свойственных нам немощей и недостатков.

Подлинный друг – тот, чье критическое замечание мы не боимся принять, поскольку знаем, что это останется между нами, не выйдет наружу и не будет расплескиваться перед всяким встречным как содержимое помойного ведра. Друг не нанесет удара в спину.

Настоящий друг есть тот, кому бы ты доверил свои тайны. Впрочем, подлинный друг не тот, кто настырно лезет во все твои тайны. Но если твой друг – настоящий, то ты и сам будешь делиться с ним сокровенным.

В древнерусских свадебных обрядах друг жениха готовил

всё необходимое для брака, а по завершении бракосочетания сопровождал жениха и невесту в брачные покои, сам же оставался снаружи и сторожил дверь, чтобы никто не нарушил радости брачной ночи женившихся. Настоящий друг делает всё для того, чтобы состоялась радость близких ему людей.

Святитель Иоанн Златоуст, размышляя о жизни первоапостольской Церкви, говорил: «Друзья дороже отцов и сыновей. Вот дружба, когда кто не почитает своего своим, но принадлежащим ближнему, а собственность ближнего считает чуждою для себя; когда один так бережет жизнь другого, как свою собственную, а тот платит ему взаимно таким же расположением».

Таким образом, подлинная дружба, как, наверное, чувствует каждый, есть глубокая общность с полным доверием и откровенностью друг перед другом.

Но ведь не зря само слово «друг» по какой-то причине означает «другой», «иной, нежели я». И *сама суть дружбы заключается в том, что мое «я» расширяется, включая в себя другую жизнь, посредством чего внутренне обогащается и моя душа.*

Известный религиозный философ отец Павел Флоренский говорил об искренней дружбе как о «созерцании себя через друга в Боге». Дружба хранит в себе многочисленные дары: взаимное воспитание, любовь, жертвенность, радость. Состояние «без друга», по наблюдению отца Павла, таинственным образом соприкасается с состоянием «без Бо-

га». Там и здесь ощущается пустота, недостаточность.

И все-таки дружба не есть самоценность. Ведь ради дружбы не только бескорыстно помогали другим, но и грабили, убивали, а то и заканчивали жизнь самоубийством – прыгали с крыши многоэтажки, чтобы другу или подруге не было скучно разбиться. Вот почему святитель Григорий Богослов говорит: «Никакое приобретение не лучше друга, но никогда не приобретай себе в друзья худого человека».

Дружба – это тесная общность двух или нескольких человек. Но, увы, не только высокие, но и низменные предметы объединяют людей, определяя глубину и характер взаимного общения.

Итак, дружба – великая вещь, но прежде всего тогда, когда в самой дружбе присутствует Бог.

А вот случай, произошедший на одном из занятий психолога. Наполнившей зал аудитории психолог предложил эксперимент: «Представьте, что мы с вами находимся на корабле, давшем течь. Для спасения есть шлюпка, но места в ней всем не хватит. Поэтому давайте сейчас каждый по очереди будет вставать и аргументировать, почему именно он должен быть принят в шлюпку». И вот посетители лекции, проникшись ролью утопающих, один за другим стали доказывать: «Я еще молод, мне надо учиться, чтобы принести пользу обществу»; «У меня мама останется совсем одна, и некому будет о ней заботиться»; «А у меня дети, и без меня они не вырастут». Каждый по-своему хотел заслужить себе место в

шлюпке. Но тут очередь дошла до православной девушки: «А я не хочу отнимать у других место в шлюпке. Я не боюсь смерти, потому что есть вечная жизнь. И вообще, давайте мы лучше помолимся святителю Николаю, чтобы он нас спас». Вот этого никак не ожидал психолог; растерявшись, он вдруг вспыхнул: «Вы мне мешаете проводить эксперимент, покиньте аудиторию». Так православная слушательница, высказавшая единственно правильный ответ, вынуждена была покинуть этот медленно идущий ко дну лекционный корабль.

На самом деле психолог хотел своим экспериментом объединить собравшихся людей для дальнейшей, как ему казалось, плодотворной работы. Отвечая, каждый должен был раскрыться перед другими, и так предполагалось, что аудитория станет более слаженной. Но увы, он не учел, что в процессе эксперимента один из участников откроет совершенно иные сферы, предложит иной, куда более возвышенный способ объединения.

В реальной жизни мотивы, цели и ценности, которые объединяют людей, могут быть самыми разными. Временно объединяют и алкоголь, и преступление, и разврат, но именно временно. Вавилонское столпотворение на какой-то миг объединило людей в их богоборческих планах, но в итоге привело к утрате единого языка, так что люди разучились понимать друг друга и, забыв о начатом деле, рассеялись по поднебесной.

Напротив, в священной книге Деяний апостолов мы чита-

ем о том, как нисшедший к людям Святой Дух преобразил их и внутренне объединил. Новозаветная Пятидесятница – это единение людей в благодати Божией, в результате чего люди, говорящие на разных языках, научились понимать друг друга, ибо приобщены к одной вере и одной благодатной жизни.

Христианин призван быть таким другом, который объединяет не только с собой, но и с Богом. Христианин призван включать в свою общность и единение с Богом своих друзей, делиться с ними этим сокровищем, как делятся с голодным куском хлеба или с жаждущим глотком воды.

В Евангелии упоминается одно из чудес Спасителя – исцеление расслабленного по вере его друзей. Представим бедственное положение этого человека. Парализовано тело, да и душа, вероятно, не имела особой духовной крепости. Тем не менее забота о нем его близких была такой неотступной, что они не просто принесли его к месту проповеди Господа, но в виду многолюдства забрались на крышу, разобрали кровлю и спустили больного перед Спасителем, – так что в Евангелии мы читаем: «Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои» (Мк. 2: 5). Христос прощает грехи больному по вере его друзей! А затем, в подтверждение Своих слов, исцеляет расслабленного. Вот что могут дружба и забота о ближнем – исходатайствовать у Бога прощение грехов и полное исцеление близкому человеку.

Увы, с годами многие наши дружеские связи ослабевают. И вместо любимых в детстве людей нас окружают не столько

друзья, сколько сослуживцы, сотрудники по работе. Только вот еще древние греки считали общность двух деловых людей вовсе не дружбой, а лишь заинтересованностью в успехе общего дела. Все интересы общения теперь формируются вокруг профессиональных задач. Выходит, что «дружба дружбой, а служба службой»? Наверное, в каком-то смысле это неизбежно – на каждом этапе жизни иметь своих друзей: с одними ты объединен идеями беззаботного детства, с другими – проблемами института, с третьими – задачами рабочих будней.

Для христианина важно помнить тех, с кем был ты дружен и близок на протяжении предыдущих лет, любить их всем сердцем и от души молиться о них Богу, желая спасения души всем, кого Господь поставил рядом с тобой хотя бы в самом малом твоём возрасте.

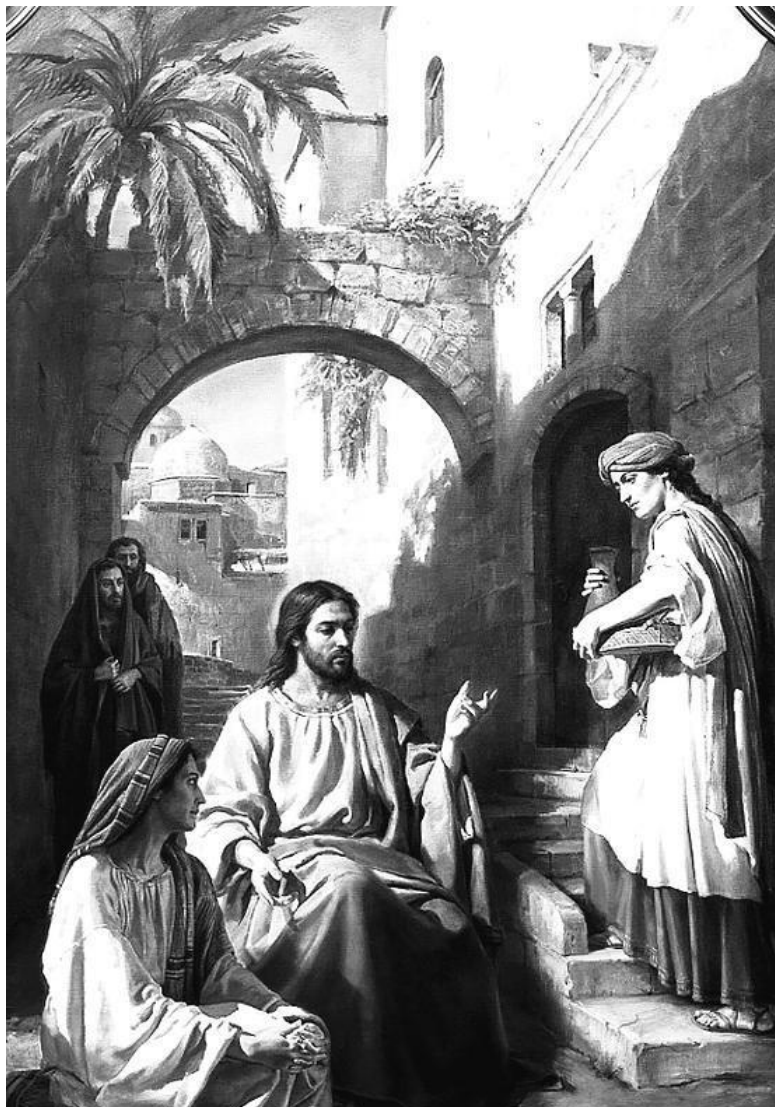
О жертве, жертвенности и ее пределах

В одной подмосковной обители прихожане, как-то утром придя на службу, увидели внутри монастырских стен резво скачущего барашка. Руководство обители обратило на него внимание не сразу, а потом долго думало, что же с ним теперь делать. Откуда же взялся барашек? Выяснилось, что какой-то уроженец Кавказа в связи с исполнением молитвенных просьб и следуя традиции своего народа решил пожертвовать барашка монастырю, для чего и выпустил его пря-

мо внутри обители. Это была его благодарственная жертва! Но как, оказывается, по-разному мы все понимаем жертву и жертвенность!

В Евангелии упоминаются две сестры Лазаря – Мария и Марфа. Обе любили Господа, и каждая по-своему старалась Ему послужить. Отношения каждой из них к Спасителю были настолько различны, что это легло в основу различия в христианской аскетике двух видов служений – Марии и Марфы. Служение Марии – образ духовного делания, всецелого устремления души ко Христу с забвением всего земного. Служение Марфы – жертвенная забота о ближних ради Христа.

Зная текст Евангелия, можно предложить провокационный вопрос: а Сам-то Христос кого из двух сестер ставил на первое место? Конечно, никто из нас не способен измерить Божию любовь. Но непосредственные слова Господа словно бы свидетельствуют, что Он выделяет Марию, которая, как сказано в Евангелии, благую часть избрала (см.: Лк. 10: 42). Однако если мы всмотримся внимательнее в строки Священного текста, то увидим следующее:

«Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря» (Ин. 11: 5). Первой упоминается именно Марфа!

Дело в том, что служение Марфы – это бескорыстное, жертвенное служение ближним по образу Самого Христа, Который «не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20: 28).

Лишь та любовь есть любовь настоящая, которая выражается делом. А находясь в стороне от страдающих, не оказывая реальной помощи бедствующим – в общем, не вступив на стезю Марфы, – вряд ли можно говорить о любви и о своем внутреннем стремлении к Богу.

Но тут-то и возникают вопросы: а что есть подлинная жертвенность? как понимать жертвенную любовь? да и что такое жертва вообще?

Оказывается, мы далеко не всегда вкладываем в понятие жертвы одинаковый смысл. Например, одна женщина как-то

сказала: «Я свою свекровь не люблю, я не могу с ней долго рядом находиться, но я привожу ей продукты, терпеливо жертвую своим временем». То есть любви в данном случае нет, зато человек что-то от себя отнимает, вынуждает себя отдать это другому и называет подобное отношение жертвой.

А и правда, если сказать, что жертва – это только когда отнимаешь у себя и добровольно отдаешь другому что-то для себя очень значимое, то в таком случае жертва может оказаться вообще без любви. Более того, получается, что в сознании многих людей подобная жертвенность как бы компенсирует необходимость любви. Ты как бы откупаешься от любви своей хладнокровной жертвой. Относительно такой жизненной позиции в Священном Писании есть бескомпромиссные слова: «Если я раздам все имение мое... а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13: 3). Значит, жертвенность без любви не настолько угодна Богу и не приносит должной пользы нашей душе? Действительно, *в Евангелии Христос говорил все-таки о любви как о главном сокровище сердца, с которым должна быть неразрывна и жертвенность*: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13: 34–35). «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 12–13). То есть, с позиции Христовых запо-

ведей, любовь – естественный источник жертвенности, когда не жалко отдать любимому что-то свое. «Любовь... милосердствует» (1 Кор. 13: 4), и иначе просто не может быть, когда есть любовь.

Конечно, к любви невозможно принудить, и хорошо уже то, что упомянутая выше женщина ездит к свекрови, помогает ей в чем-то. Святые отцы говорят, что даже понуждение себя к исполнению заповедей без сочувствия сердца все равно полезно для нас. Потому что душа обретает навык делать добро, а со временем может откликнуться и сердце. Но в упомянутом случае скорее видится выполнение долга, обусловленного семейными узами, обманчивая в связи с тем успокоенность: «хоть и не люблю, но жертвую, значит, исполняю положенный долг».

Возможно, вы согласитесь с тем, что если мы любим кого-то, то нам не жалко отдать ему всё самое дорогое, что у нас есть. Жалко ли было Авелю принести в жертву Небесному Отцу перворожденное от стад своих? Наверно, не жалко, ибо Авель любил Бога. Каин же поступил по принципу: «на Тебе, Боже, что мне не гоже», ибо относился к Всевышнему соответственным образом. И, как гласит предание, дым от жертвы Авеля сразу взошел к небу, тогда как от жертвы Каина клубился внизу, распространяя вокруг себя смрадный чад. И когда в храм мы несем то, что не жалко, потому что не нужно, – это не жертва, а прагматичное освобождение от ненужных вещей. Когда же отдаем другим то, что нам доро-

го, так что нам по естественным чувствам и расположению было бы жалко расстаться с этим, но по любви мы легко и с радостью отдаем, — это настоящая жертва.

И дело вовсе не в качестве принесенного, как думают многие, ибо Бог принял две жалкие лепты вдовы, отвергая богатые приношения фарисеев, а все дело в сердце и чувствах души, в отношении нашего духа к Богу и ближним. Не имея к Нему любви, благоговения и желания близости с Ним, человек напрасно несет свои жертвы. Зачем они Богу, когда Ему нужны не бездушные приношения, а живые сердца людей?

Поэтому *когда мы говорим: «жертвенная любовь», то подразумеваем: «жертва по глубокой любви»*. Не томная самоотдача и жертвование чем-то своим: деньгами, силой, временем, — вызывающее в душе лишь скорбь, досаду и борьбу со своей раздражительностью, а то совершенно очевидное, исключаящее всякое сомнение пожертвование собой, которое естественно является при горячей, бескомпромиссной любви к другому.

Увы, человек, посещающий ближнего в больнице, только чтобы исполнить заповедь, — формалист, который выполняет букву закона, но совершаемое им не находит отклика в его душе. Богу нужна живая душа и живое отношение к ближнему, а не холодно-мертвое соблюдение приличий и правил. Стало быть, жертвенность, милосердие, бескорыстная помощь должны исходить из сострадания. А сострада-

ние – это не обязательно даже слова и дела, но это, прежде всего, наше внутреннее отношение к другим людям.

Однажды четырехлетний малыш, чей старенький сосед недавно потерял жену, увидел, что тот сидит и плачет. Ребенок зашел в его двор, залез к нему на колени и так с ним долго сидел. Когда его мама спросила, что же такое он говорил соседу, мальчик ответил: «Ничего. Я просто помог ему плакать». Мы часто страдаем от того, что не видим никакого сострадания, сочувствия у наших ближних. Хотя бы и малое сопереживание способно вершить чудеса.

В «Луге духовном» рассказывается, как в монастыре святого Феодосия жили два брата, давшие друг другу клятвенное обещание не разлучаться ни в жизни, ни в смерти. В обители они для всех были примером благочестия. Но вот один из них подвергся плотской брани и, будучи не в силах превозмочь ее, сказал другому: «Я решился уйти в мир». Не желая отпустить его одного, брат пошел вместе с ним в город. Подвергшийся плотской брани зашел в дом блудницы, а другой брат стоял вне, молясь и сильно страдая душою. Впавший в блуд, выйдя из дома, сказал: «Я уже не могу возвращаться в пустыню. Ты иди туда, а я останусь в миру». И брат его решил остаться с согрешившим в миру, так что оба они начали трудиться для своего пропитания. Они нанялись работать на строительстве монастыря, который возводил авва Авраамий. Впавший в блуд получал плату за двоих и каждый день отправлялся в город, где тратил деньги на распутство.

Между тем другой постился все эти дни, молча делал свое дело и не говорил ни с кем. Мастера, видя ежедневно, что он не ест и не пьет и сосредоточен в себе, доложили обо всем святому Авраамию. Авва Авраамий позвал труженика к себе в келью и обратился к нему с вопросом: «Откуда ты, брат, и каково у тебя занятие?» Тот открылся ему во всем, заключив: «Ради брата я терплю все это, да видит Бог скорбь мою и да спасет его». «И Господь даровал тебе душу брата твоего!» – выслушав все, произнес Авраамий. Лишь только авва отпустил работника и тот вышел из кельи, как перед ним оказался его брат. «Возьми меня в пустыню, – воскликнул он, – да спасется душа моя!» И немедленно они удалились в пещеру близ святого Иордана и затворились там. Так собственным состраданием и самопожертвованием брат приобрел для жизни вечной душу брата. Прошло немного времени, и согрешивший брат, усовершенствовавшись в духе перед Богом, скончался. А другой остался в той же пещере согласно клятве, чтобы и самому скончаться там же.

Жертвенная любовь – это не просто милостыня, которую богатый щедро уделяет от обилия даров своих, а сердечное проникновение в положение другого человека, когда ты не можешь не помочь ближнему и потому не думаешь в этот момент о себе.

Это такое сопереживание ближнему, когда его проблема становится твоей, и потому ты принимаешь на себя его скорбь для ее уврачевания. Такую любовь явил людям Хри-

стос, восприняв страдания за наши грехи на Себя, щедро да-
руя нам вечные блага.

Почему же мы редко встречаем жертвенность, взаимопонимание и отзывчивость?

Потому что преобладающее большинство людей стремится в жизни к личному комфорту, старается окопаться и за-
крепиться на каких-то позициях, наивно думая построить
на земле незыблемое личное счастье. Достигая определен-
ных результатов – создавая семью, воспитывая детей, доби-
ваясь успехов на работе, – человек погружается в эйфорию
покоя, отгораживаясь от бед окружающих его людей. Для то-
го же, чтобы чувствовать страдающих и скорбящих, нужно
отвергать обманчивое самозабвение. Необходимо внутрен-
нее движение, а не застой, активность, а не пассивное пре-
бывание в тихой заводи своего болота. Когда человек, насла-
ждаясь, загорает под солнышком, ему, естественно, не до за-
мерзающих.

Герой М. Ю. Лермонтова Печорин признавался: «Моя лю-
бовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не
жертвовал для тех, кого любил». А не жертвует человек толь-
ко тогда, когда любит больше себя, чем других; а если он и
любит кого, то разве что ради собственного удовольствия,
для себя, своего эгоистичного комфорта, любит как некую
новую вещь, которая может пригодиться на время, но кото-
рой ты сам не обязан ничем.

И все же, указывая на жертвенную любовь, христианство

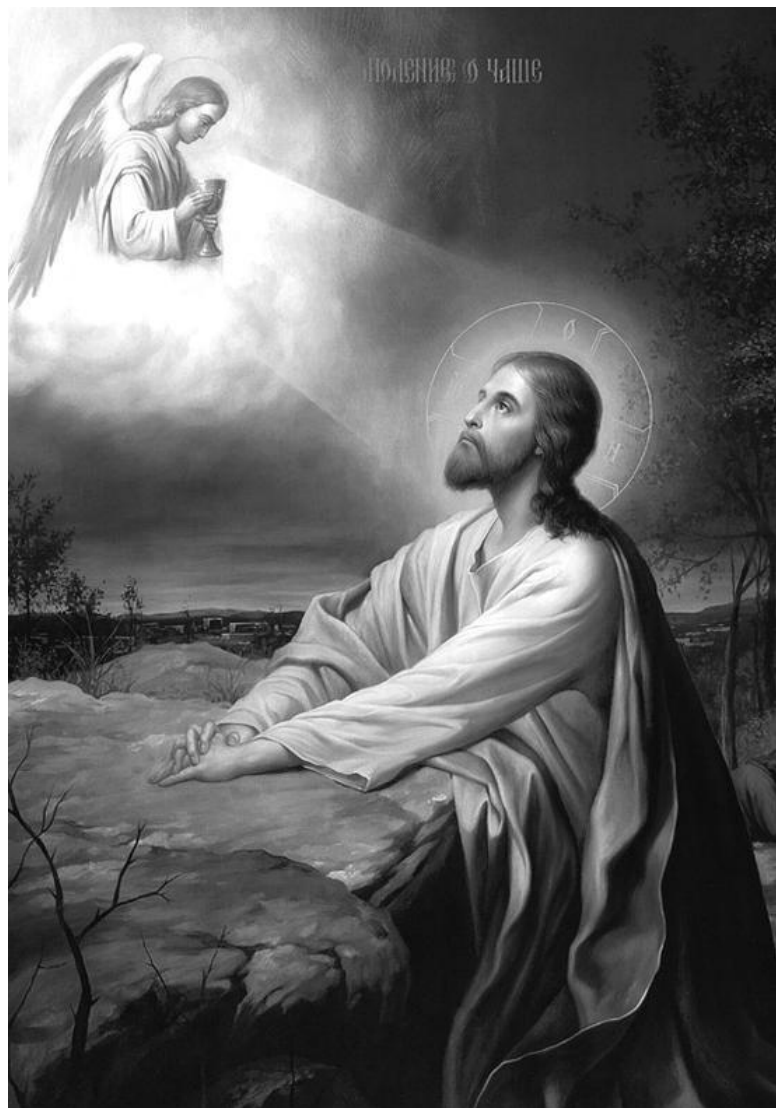
тем самым показывает планку, до которой дотянуться каждому из нас достаточно трудно.

Одна благочестивая девушка росла без мамы, воспитывала ее бабушка. Девушка вышла замуж за студента семинарии, который вскоре стал батюшкой. Зажили счастливо, но однажды бабушка упала, сильно ушиблась, а потом осталась парализованной. В семье рождались один за другим малыши, батюшка часто служил на приходе и практически не имел возможности помогать молодой супруге, а она, бедная, была вынуждена нянчиться не только с вечно кричащей ребятней, но и с прикованным к постели пожилым человеком. Еще на целых два года жизнь молодой матушки стала практически невыносимой: у бабушки оказалось онкологическое заболевание, да такое, что она уже не могла принимать относительно твердую пищу, и приходилось протирать для нее всю еду, а потом кормить страждущую с ложечки, но глотала она с трудом и большую часть положенного ей в рот выплевывала. Каждые два часа, в том числе и в ночное время, бабушку следовало переворачивать с боку на бок во избежание пролежней. Когда бабушка умерла, ухаживавшая за ней матушка вздохнула с облегчением: «Всё, похоронила бабушку».

Да, она вздохнула с облегчением. Но разве кто-то дерзнет сказать, что она не имела любви или будто бы игнорировала родного человека, ставшего инвалидом? Просто иногда нам бывает настолько трудно, невыносимо тяжело, что освобож-

дение от заботы, словно от удушающей ноши, мы воспринимаем как Божию милость, и здесь уже не до философских рассуждений, не до патетики о высоких чувствах любви. Да ведь и Сам Христос в преддверии величайших страданий, принятых именно по жертвенной любви к человечеству, в душевном содрогании молился: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26: 39).

Но ведь только что мы говорили, что когда есть жертвенная любовь, то не жалко отдать что-то свое другому. Значит ли это, что жертвенность, исходящая из любви, не предполагает усилий, что она реализуется всегда так легко и свободно? Если жертвенность включает возможность страданий ради любимого, то значит, здесь очевидны и тяжесть, и муки, и колебания. Христос пострадал за людей по любви к ним. Легко ли Ему было страдать?

Подлинная жертва, таким образом, может включать и подвиг, усилие. *Святитель Николай Сербский* очень точно сказал: «Любовь – это радость, а цена любви – жертва. Любовь – это жизнь, а цена любви – смерть».

В этой связи зададим и более сложный вопрос: а всегда ли мы способны на жертвенность? И всякая ли жертва посильна для нас?

Увы, во взаимоотношениях современных христиан время от времени можно заметить такую картину. Понимая, что надо жить по евангельским заповедям, христианин соглашается помочь ближнему в определенных проблемах. Пытаясь участвовать в жизни ближнего, он берет на себя нагрузки, связанные с заботой о нем. Чувствуя, что мера этих нагрузок в определенный момент становится для него непосильной, христианин загоняет свое недовольство внутрь себя, думая, что надо терпеть, исполняя заповедь.

Поднадужившись еще немного, он все равно не выдерживает. Наступает момент, когда его недовольство прорывается наружу, причем в достаточно грубой форме: «Ты не благодарен мне», «Я для тебя столько сделал, а ты...» В итоге вместо исполнения заповеди мы видим грех озлобленности, а ранее близкие люди разрывают отношения, наглядно демонстрируя мирской принцип: меньше видимся – больше любим друг друга.

Безрассудно принятые на себя непосильные нагрузки спо-

способны довести до озверения.

Ноша, взятая не по плечу, делает сердце равнодушным, холодным и жестким. Итог – не христианская жертвенность, равнозначная бескорыстной любви, которая не ждет за свое доброе дело даже обыкновенного «спасибо», а злоба, психотравмирующая личность и вносящая дисбаланс в жизнь.

Мы все несем в себе свои немощи. Все мы можем сорваться в каких-то ситуациях, не справившись с собой. Парадокс взаимоотношений заключается в том, что вместо простого решения проблемы участники взаимоотношений подчас идут самым трудным, окольным путем. Не лучше ли попытаться исправить ситуацию в тот самый момент, когда ты почувствовал, что не справляешься? Просто и ясно, без раздражения, со смирением объяснить всё ближнему, не доводя себя до озлобленности и не коря другого своей невозмещенной жертвенностью. Лучше не принимать ношу не по плечу, не думать наивно о себе как о великом подвижнике, способном горы свернуть и изменить жизнь окружающих тебя людей.

Ожидание же от других людей соответствующего возмещения твоей жертвы окончательно опустошает душу. Обида на неблагодарность не знает границ и пределов, и нет уже внутри ничего, кроме шипов и колючек, уязвляющих самого обиженного.

Странно и жалко слышать от христианина: «Я ему столько сделал, а он неблагодарен», как будто его обманули, разру-

шив расчет на отдачу и прибыль. Евангельские истины бескомпромиссны: всё, что сделано в ожидании благодарности, уже не добро, а корысть. И если Христос говорил: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6: 3), то как мы вообще можем помнить, какое добро кому сделали?

Как важно понять, что, делая добро другим людям, мы не стремимся превратить их в должников, не пытаемся возложить на их шею иго, которое они должны со временем скинуть, делая в ответ добро нам. Милосердие – не депозиты в банке, возвращающиеся нам с процентами; милосердие – добродетель, изнутри преображающая душу.

Подлинная любовь не закабалает других; она, напротив, способна вдохновить их к свободному проявлению себя в добром, проявлению не ради принятой помощи, а потому, что душа их тоже полюбила добро.

Помню, как мой друг по семинарии, ныне священник, однажды кому-то из просивших на улице сказал: «Спасибо, что вы приняли милостыню». И он на самом деле так считал, вовсе не ожидая от кого-либо благодарности. Жертвуя чем-либо, мы не покупаем других, напротив, мы радуемся, что нам представилась возможность сделать кому-то бескорыстно добро.

Что еще можно сказать о жертвенности, так это, пожалуй, то, что внешне одинаковые поступки могут иметь совершенно разную сущность. Ибо при внешне одинаковых дей-

ствиях один человек исполнен сострадания и любви, другой же движим расчетливостью или желанием самоутвердиться. Например, не великое ли дело – отдавать свою кровь ради спасения ближних? Но кто-то сдает кровь ради выгоды. А в 1990-е годы в одной воинской части солдаты договорились сдать кровь, чтобы на вырученные деньги купить видеомагнитофон и смотреть пошлые фильмы. Люди жертвуют материальным, чтобы причинить вред своей бессмертной душе: отказывают себе во всем, чтобы лишний раз выпить или принять дозу наркотика. На Западе в одной жившей гражданским браком паре юноша заразился вирусом иммунодефицита. Его подруга решила продолжить свою с ним плотскую связь по любви к нему. Она жертвует собой и своим здоровьем, но ради чего? Ради того, чтобы максимально продлить плотское содружество, понимаемое ими как счастье. Как уместно здесь вспомнить сравнение преподобного Исаака Сирина: «Пес, который лижет пилу, пьет собственную свою кровь и, по причине сладости крови своей, не сознает вреда себе».

Итак, ценность всех наших жертв и самой нашей жертвенности определяется состоянием нашей души, содержанием сердца, его ценностями и святынями: наполнено ли сердце добром и любовью или своекорыстием и формалистикой. Не зря в Священном Писании сказано: «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни» (Притч. 4: 23).

Когда ждать благодарности

К знакомому батюшке как-то подошла прихожанка с вопросом: «Батюшка, можно я не буду делать добрые дела?» На лице священника отразилось недоумение. «Дело в том, —

пояснила прихожанка, — что, как только я начинаю делать добрые дела, у меня сразу начинаются искушения, а как не делаю, так всё в порядке. Так может, мне их совсем не делать?» «Ну что ж, надо подумать», — ответил батюшка. И после того, как они вместе подумали, прихожанка стала делать еще больше добрых дел.

Мы часто надеемся, что, совершая доброе дело, непременно получим взамен тоже добро. Встречая подлость, обман, немилосердие, мы приходим к досадному разочарованию: «Как же так? Я от души старался ради других, а мне взамен такое!» Расчет на благодарность непременно обернется разочарованием.

И, увы, именно так и должно быть. Таково правило жизни, а не исключение. Если же мы ожидаем чего-то другого, то значит, мы невнимательно читали Евангелие: «Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6: 32–36).

Вообще, говоря о подлинной любви к людям, всегда важно помнить, что эта любовь бескорыстная. А это значит, что, *помогая ближним, мы не должны чего-либо ждать взамен.*

Господь Иисус Христос говорит об этом так: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (Лк. 14: 12–14). Конечно, слова Христа вовсе не означают, что нам возбраняется угощать обедом родных и близких, но Господь призывает нас к большему – являть в отношении к другим людям такую любовь, которая не руководствуется земными расчетами.

В бескорыстном милосердии к ближним таится удивительная свобода, когда ты не терзаешься внутренне: «Да когда ж меня отблагодарят?» – а радуешься, помогая другим, и в этой самоотдаче обретаешь простор сердца, какой-то внутренний источник чистых и светлых чувств. В этой связи милосердие становится вполне понятно и естественно в жизни христианина: он не может не делать добро, что бы ни происходило.

Вспомним пример святой Елисаветы Феодоровны, которая во время Первой мировой войны брала на себя в больнице самую трудную работу, ассистировала при операциях, делала перевязки, всячески утешала раненых и стремилась

облегчить страдания больных. Они говорили, что от великой княгини исходила целебная сила, которая помогала им переносить боль и соглашаться на тяжелые операции. Каково же было земное воздаяние за всё это? Глубокой ночью 18 июля 1918 года великую княгиню Елисавету Феодоровну вместе с другими членами императорского дома бросили в шахту старого рудника. Когда озверевшие палачи сталкивали великую княгиню в черную яму, то она произносила молитву, дарованную распятым на кресте Спасителем: «Господи, прости им, не знают, что делают!»

А вот история нашего времени. Одна женщина после смерти супруга с трудом воспитывала ребенка. Ей удалось устроиться на предприятие богатого человека, где она числилась вроде бы в месте привилегированном – в отделе кадров. Но реально работать там не пришлось: хозяин попросил ее сидеть со своими двумя маленькими детьми-погодками. Здесь раскрылись ее воспитательские таланты. Только вот хозяева постепенно начали деградировать. Постоянные вечеринки и фуршеты, свойственные многим богатым людям, пристрастили их к алкоголю, причем не только отца детей, но и мать. Они всё чаще оставляли детей на попечение драгоценной няни, летом вообще покидали их и улетали в заграничные края. Няня, видя, что пагубное пристрастие к алкоголю безжалостно вторгается в жизнь родителей воспитываемых ею деток, стала усиленно молиться. Жалея особенно малышей, она молилась горячо, с надеждой и крепкой верой.

Произошло чудо – родители бросили пить, бросили окончательно. Не менее удивительно оказалось и то, что после этого начал пить ее собственный сын. Вместе с тем платили за работу скудно. Настал момент, когда она решила уйти, но мать детей, узнав об этом, упростила ее остаться. «Без вас мы погибнем», – сказала она и стала теперь каждый месяц доплачивать няне. Через какое-то время узнал о доплате и сам хозяин. Выйдя из себя, он тут же уволил ее с работы, причем пенсия у нее оказалась самая мизерная.

Так молитва о страждущих, увенчавшаяся успехом и повлекшая искушения в личной жизни, была отблагодарена жестокостью. Для христианина в этом нет ничего удивительного. К чужой злобе по отношению к нам, к чужим зложелательствам, подобным шипению ядовитых змей, надо относиться не просто спокойно, а даже с некоторым пониманием. Как еще поступать человеку, лишенному света Евангелия? Только как ходящему во тьме. А кто во тьме ходит, тот «не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза» (1 Ин. 2: 11).

Подлинный христианин помогает нуждающимся и бедствующим просто и естественно, не замечая творимых им добрых дел: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6: 3). Он помогает так, как если бы это было для него самого необходимо.

«Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20: 35), – говорит Спаситель. Увы, мы часто хотим если и давать, то

так, чтобы потом за это принимать, и принимать с излишком. К сожалению, помощь может быть и эгоистически расчетливой, и лукавой – для самооправдания.

Кто имеет подлинную любовь, тот делает добро, не задумываясь о воздаянии, являя в себе образ Господа, Который всё дает людям даром. Не имеющие любви подсчитывают, кто кому больше должен. Это уже не дар, а расчет и оплачиваемая услуга. Такой человек, сделав другим что-то даром, пытается как бы купить их свободу, чтобы они отработывали за его помощь, ожидает в ответ чего-либо, как процентов за вложенные деньги в банк.

Христианин – это тот, кто совершает добро только лишь потому, что и не может не делать добра. Это его обычная естественная жизнь. «Тогда-то и бывает истинная и искренняя любовь, когда кто любит нас, несмотря на то, что мы совершенно бесполезны для любящих», – говорил святитель Иоанн Златоуст.

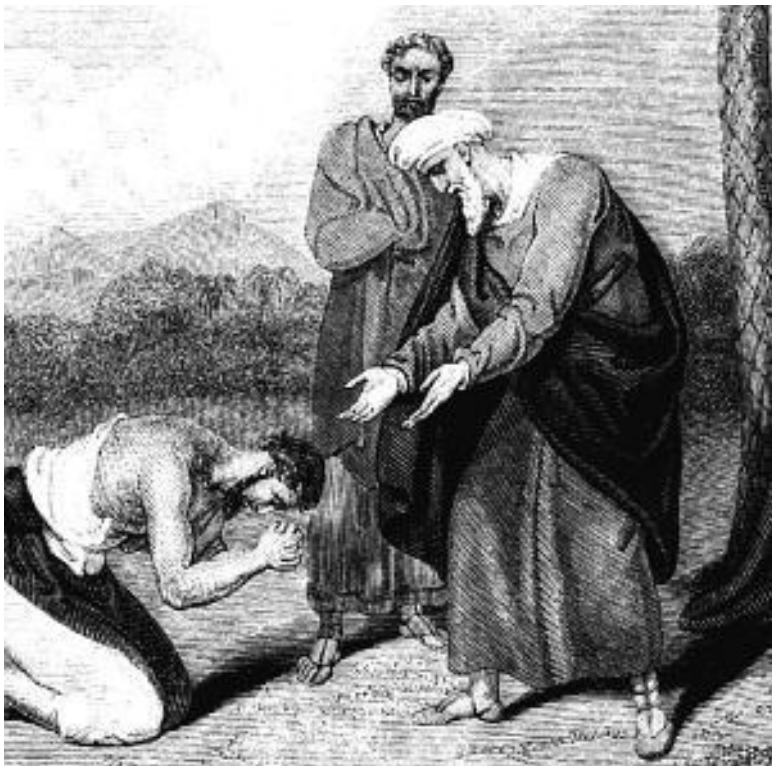
А Господь Иисус Христос по этому поводу учил так: «Кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойдя скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам? Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? Не думаю. Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17: 7-10).

Как важно понять, что нам никто ничего не должен. Зато сами мы должники перед Богом. Христианин делает добро ради самого добра, не ожидая похвалы или награды, а поскольку источник подлинного добра – Сам Бог, то земная неблагодарность не значит ровным счетом ничего, кроме того что помогает еще раз вспомнить про ценности вечные. Делая ради Христа, мы и можем получить лишь от Христа, и то если душа наша будет того достойна.

И еще один важный момент. Делая ради любви, христианин получает награду в самой любви, потому что иметь лю-

бовь – это уже великое счастье, что подтвердит всякий, кто хоть однажды в жизни испытал настоящую любовь.

Простить и испросить прощения

Как часто – практически во всех неприятностях с ближними – нам почему-то кажется, что сами мы ни при чем и ни-сколечко не виноваты. Уже в библейском описании грехопа-

дения первых людей мы читаем, как Адам оправдывался перед Богом: нет, это не я виноват, а жена, которую Ты мне дал. В свою очередь жена говорит: это не я, а змей (см.: Быт. 3: 11–13). А змею, выходит, и деться некуда, хотя он, как тварь Божия, тут ни при чем. По объяснению святых отцов, змеем воспользовался падший денница, чтобы соблазнить людей. Но его соблазн не томил сладкой истомой первых людей, еще чистых, не изведавших на собственном опыте греха. Они сами распахнули двери своего сердца навстречу загадочному искушению, проявив откровенное недоверие Богу. Так вот, их самооправдание сделало невозможным покаяние: они не захотели сказать: «Господи! Мы согрешили, прости!» – а значит, их исправление в тот момент было уже невозможно.

Удивительно, мы можем понаблюдать за собой: всегда, когда мы всячески оправдываем себя, в душе нет покоя и мира, а какое-то мутное чувство самодостаточности своего «я», возвышающегося, словно надменный истукан, над всем окрестным миром, над миром, по нашему мнению, несовершенных друзей, коллег и знакомых.

Самооправдание проявляется во мнении, что наши проступки вовсе не проступки: так сложились обстоятельства, что мы вынуждены были поступить именно так, нам неправильно представили ситуацию и т. д. и т. п. Самооправдание заверяет, что сами по себе мы святы и только внешние обстоятельства не дают нам раскрыть себя во всей полноте. Такая позиция вносит в душу мрак, лишает ум ясности, а сердце – чистоты и покоя. Один брат спросил авву Пимена: «Что мне делать? Меня давит какая-то тяжесть». Старец ответил: «Когда пловцы большого судна увидят, что наступает мрак, они

пристают к берегу и вбивают кол, чтобы судно не ушло. Этот кол есть самоосуждение». *Признавая вину свою, а не ближнего, мы сможем удержать душу у пристани спасения.*

Для этого нужно научиться говорить «прости». Это слово есть лучший способ для уврачевания конфликтов и исцеления от греха. Оно извергает из сердца яд зла и призывает к тому же обидчика или обиженного. В житии преподобного Кирилла Белозерского повествуется, как в обители святого жил монах Феодот, который до того возненавидел преподобного, что не мог не только видеть его, но и слышать. Никому не удавалось убедить Феодота отложить свою беспочвенную вражду, так что Феодот решил уйти из монастыря. Перед этим он, как полагалось, зашел к настоятелю на исповедь. Святой Кирилл принял его с такой любовью, что, прежде чем тот исповедал свои помыслы, сказал: «Любезный о Христе брат! Все обманываются, почитая меня человеком добрым, один ты судил правильно, признав мои грехи и злобу. Но, уповая на милость Господа, Который поможет мне исправиться, прошу и тебя простить оскорбления, мною тебе нанесенные, и молиться за меня милосердому Спасителю». Пораженный смирением и незлобием настоятеля, монах тут же раскаялся, признал свою неправоту и просил прощения. После этого Феодот уже и не думал выходить из-под начальства преподобного Кирилла. Так испрашивание прощения изменило другого человека, явив ему свет смирения и любви.

Поразительно, но люди интуитивно чувствуют, что перед лицом вечности нельзя таить друг на друга зла. Когда два человека навсегда расстаются, они говорят друг другу «прощай», то есть «мы уже не увидимся и потому не будем держать друг на друга обид». Когда умирает человек, он также просит у родных и близких прощения. Потому что вечность – это встреча с Богом, а перед Богом не оправдается душа, обремененная грузом злых мыслей. Но Бог видит нас и в повседневной жизни, видит, как мы ведем себя с окружающими, поэтому чем чаще человек очищает свою совесть этим удивительным словом «прости», тем всё более он становится счастливым.

Обыкновенно нам стыдно признаться в своих ошибках перед людьми. Но если мы будем признавать их хотя бы перед самими собой, то это уже достижение. Не задвигать собственные оплошности на задворки памяти, как бы прятать их от самих себя, а заострить внимание, в чем я был неправ перед ближними, внимательно для себя разобрать, как мне следовало поступить и что я могу исправить. Не зря святые отцы рекомендуют каждый вечер испытывать свою совесть, вспоминать все совершенные за день грехи, каяться в них и стремиться не повторять. Если мы приобретем этот навык, наши отношения с другими людьми станут заметно лучше. Ведь только тот, кто видит свои ошибки, способен исправить их.

Тем не менее мало просить прощения у обиженных нами

людей. Ведь может случиться так, что кто-то причинил нам неприятность, сам не просит прощения, тогда мы должны решиться на важный для нас шаг – самим простить другого.

А приходилось ли вам замечать, что, когда вы прощаете обидчика, внутри как будто развязывается тугой узелок? Словно с души снимается тяжелый груз – и становится легче. Мы призваны прощать, чтобы в глубинах души не был стянут железным узлом грех злопамятства.

«Прощайте, и прощены будете» (Лк. 6: 37), – говорит Спаситель.

Давайте задумаемся. Когда мы становимся на молитву, то, конечно, хотим, чтобы Бог простил нам наши грехи. Но если при этом мы сами не прощаем других, то как просить себе прощения у Бога? *Евангельские истины очень просты: Господь прощает нам тогда, когда мы прощаем другим*, Он отпускает нам наши долги, когда и мы отпускаем должникам нашим.

«Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18: 21–22). Чтобы более наглядно понимать, о чем идет речь, Христос рассказывает притчу про раба, задолжавшего царю огромную сумму. Раб упросил царя простить ему долг, но, как только встретил своего должника, крайне немилосердно отнесся к нему: посадил в темницу, пока не будет возвращен весь долг.

Когда весть об этом дошла до государя, тот, разгневавшись, предал немилосердного раба истязателям. А Христос заключает притчу словами: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф. 18: 35).

Преподобный Марк Подвижник говорит: «Кто сам за себя мстит, тот как бы осуждает Бога в недостатке правосудия». Неужели мы думаем, что Бог не знает, кому и как воздать? Христианин же призван воевать не с людьми, а с грехами. Поэтому и целью ставится не отомстить кому-то, а еще раз победить плохое, что подступает к душе.

Прощение причиненных обид в духовном смысле имеет величайшую цену, поскольку уподобляет человека милосердому Богу. «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 43–48).

Впрочем, достичь совершенства трудно. В одной телевизионной передаче, в которой автор этих строк принимал участие, молодой человек, Богдан, сказал: «Я никогда не про-

щу свою мать за то, что она делает: пьет и не думает исправляться». Как непросто было найти слова, которые помогли бы ему совершенно по-новому взглянуть на эту проблему: мама губит себя, это ее болезнь и великая беда; если мы любим маму, нужно помочь ей освободиться, но никак не замыкаться на себе и думать, что я чего-то не получил от мамы из-за этой ее трагедии.

Но все же – и пусть не судит меня строго читатель – этот молодой человек, Богдан, в какой-то мере прав (стало быть, и его мы не должны осуждать). В детстве он не испытывал тех материнских тепла и заботы, какие имели другие дети. Ведь, по сути, мама бросила его с сестрой, они жили у тети. Так что сама его фраза «Я не прощу маму за то, что она пьет и не хочет исправиться» лишь выражает протест против сложившегося положения вещей.

Только вот всякий раз, когда мы не прощаем своего обидчика, мы завязываем в душе невидимый узелок. Множество непрощенных обид – это множество узелков, удушающих нас. Напротив, всякий раз, когда мы прощаем кого-либо, на душе сразу становится легче. Поэтому прощение есть свобода сердца, радость обретения. И это прощение нужно прежде всего для нас самих.

Каково же было мое удивление, когда через год, при новой встрече с Богданом в телепередаче, посвященной прощению, он изменил свое отношение к маме. Оказалось, за полгода до этого Богдан сам пошел к ней, сам сказал: «Мама, у тебя есть

мы – твои дети. Я готов заботиться о тебе, помогать. Но и ты постарайся исправиться». Ему трудно было сделать первый шаг, но, как только он его сделал, на душе стало легче. А мама в слезах пошла в храм, исповедалась, причастилась. Она старается жить по-новому, а у Богдана появилась отдушина.

Прощение способно преобразить тех, кого мы прощаем. Святой архидиакон Стефан, этот первый христианский мученик, молился об убивавших его: «Господи! не вмени им греха сего» (Деян. 7: 60). И впоследствии Савл, одобрявший убийство первомученика, чудесным образом был обращен ко Христу, стал апостолом Павлом. Известны люди, в свое время крайне критически относившиеся к Церкви, вере и христианским святыням, категорично спорившие о религии, но потом непостижимым, только Богу известным образом пришедшие ко Христу. Кто знает, может, этому обращению способствовали молитвы о них, молитвы о том, чтобы Господь привел их к Себе и «не вменил им греха сего». Прощая другого, мы свидетельствуем, что в человеке еще есть святое и доброе и что в нас самих не умерла вера в Бога, способного претворить холодное сердце в живое и любящее.

Преображающая сила прощения подробно и ярко описана в романе Виктора Гюго «Отверженные». Проведший многие годы на каторге Жан Вальжан, получив свободу и не найдя себе нигде приюта, попросился переночевать у епископа. Владыка принял его радушно, накормил и уложил спать в уютной комнате. Ночью бывший каторжник проснулся и, не

справившись со своей порочной натурой, украл всю серебряную посуду, которой пользовался епископ и другие проживавшие в его доме люди, и скрылся. Утром епископ спокойно объяснил происшедшее: «Я был неправ, пользуясь, и так долго, этим серебром. Оно принадлежало бедным. А кто такой этот человек? Несомненно, бедняк». Но вот жандармы привели трепещущего Жана к епископу, показывая украденное серебро. Епископ невозмутимо обратился к нему: «Очень рад вас видеть. Но послушайте, ведь я вам отдал и подсвечники. Почему же вы не захватили их вместе с вашими приборами?» Оказывается, он все это подарил и никакой кражи не было! Жандармы отпустили вконец растерявшегося вора. Такое прощение и неожиданная любовь произвели в его душе переворот, заставили переосмыслить прожитую жизнь, а затем привели к покаянию и нравственному воскресению.

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Если ты не прощаешь врага, то не ему наносишь вред, а самому себе: ему ты часто можешь вредить в настоящей жизни, а себя самого делаешь безответным в будущий день. Ибо ничего так не отвращает Бог, как человека злопамятного, как сердца надменного и души раздражительной».

Если бы мы окинули внутренним взором всю свою жизнь и подумали о том, что нас ждет в жизни будущей, представили Суд, который неминуемо последует, то поспешили бы прощать других, чтобы и мы были прощенными. «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником на-

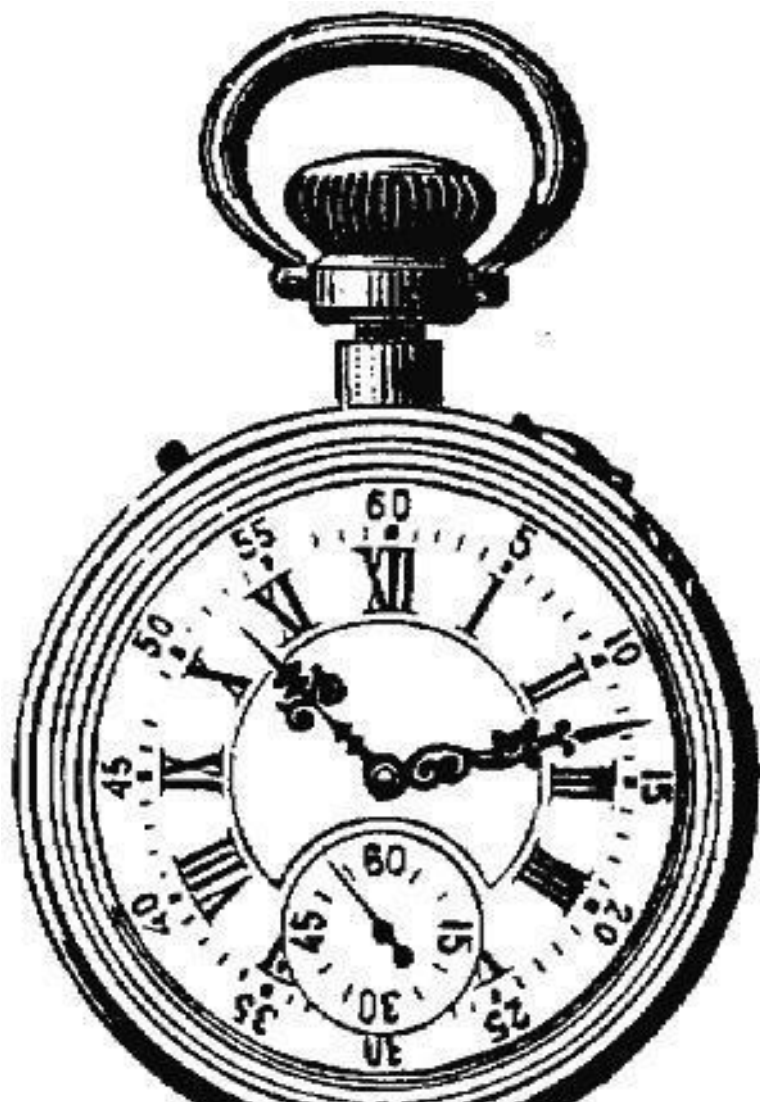
шим» (Мф. 6: 12), – просим мы в молитве Господней, но подчас произносим эти слова механически, без сердечного чувства, без веры в прощение. Нам трудно прощать других, поскольку мы не понимаем великой ценности прощения. Ущерб от обиды кажется слишком существенным. И только Евангелие способно открыть нам глаза: чем больше прощаешь других, тем больше и тебе самому отпустится.

Постараемся же вспомнить свою неправоту, от всего сердца испросить у наших ближних прощения, а заодно простить все обиды, которые таятся в глубинах нашей души, и таким образом сделать шаг к той внутренней свободе и радости, которые Господь подает сердцу милостивому и незлобивому.

Когда можно делать добро

*Проповедь священника Валерия Духанина
на Литургии в Казанском храме Николо-
Угрейского монастыря 10 декабря 2017 г. на
евангельское чтение об исцелении женщины,
страдавшей от недуга восемнадцать лет*

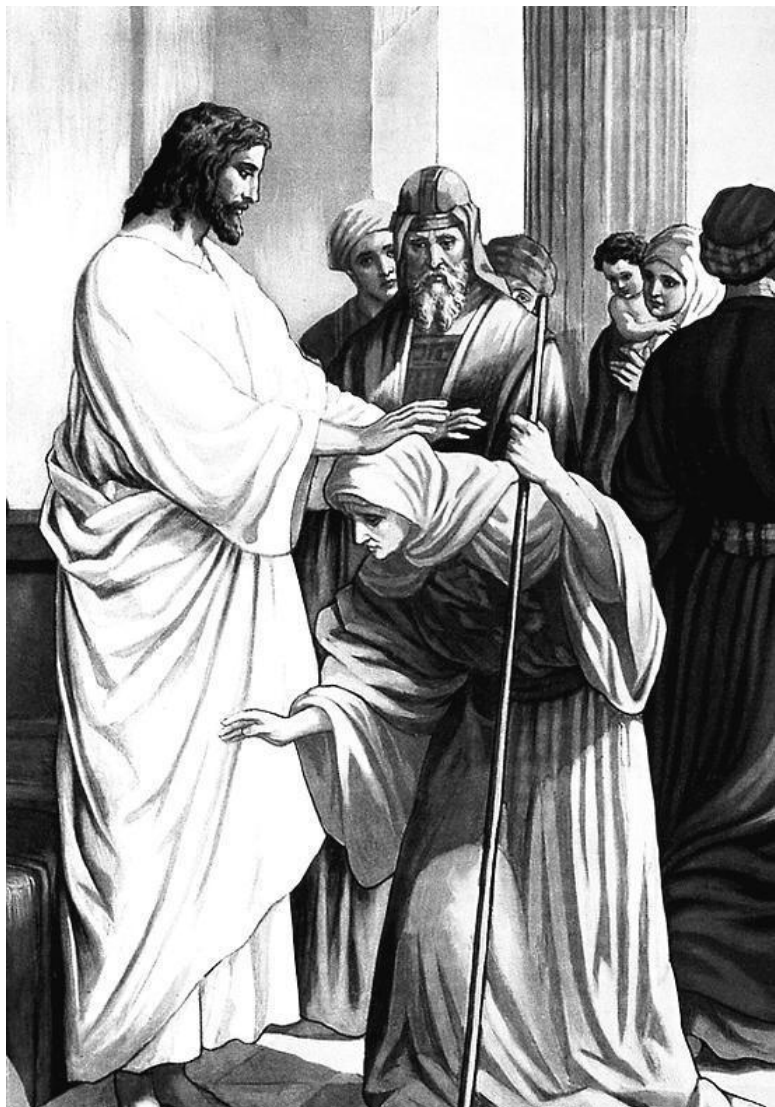
(Лк. 13:10–17)

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Дорогие отцы, братья и сестры!

Всегда ли можно делать добро? Или, может быть, есть такое время, когда никакого добра делать нельзя? Казалось бы, странный вопрос. Но в Евангелии мы читаем, как Спаситель в субботу в синагоге исцеляет женщину, страдавшую восемнадцать лет от недуга, скорченную от своей болезни. И неожиданно, когда Спаситель исцелил ее, возмущается начальник синагоги. «Что вы делаете? – говорит он. – Приходите в другое время для исцелений, а не в день субботний, не в день праздничный». Но разве для человека может быть лучший праздник, чем когда он от Бога получает исцеление? «Суббота» переводится как «покой», как «день покоя». Но разве не обретает человек подлинный душевный покой, когда он освобождается от власти диавола?

В этом евангельском чтении мы видим, во-первых, что начальник синагоги проявляет страшный формализм. Он пытается указывать Богу, когда можно исцелять, а когда нельзя. Он хотел сказать, что добро должно быть строго по расписанию, что в неположенное время не надо никакого добра. Но если Бог существует всегда и везде, то и добро должно быть всегда и везде.

В жизни бывает, что от Бога нам подаются ситуации, когда надо помочь ближнему здесь и сейчас. И если ты этого не сделаешь, то другой такой возможности, может, Бог не пошлет тебе на протяжении всей твоей дальнейшей жизни.

Знакомый психолог, Виктор, однажды, возвращаясь с работы, увидел крайне огорченного пожилого человека, который шел и почти ничего перед собой не замечал. «Так, я вижу, что у вас какая-то скорбь. Рассказывайте прямо сейчас, что с вами случилось», – по-доброму, но решительно сказал Виктор. Оказалось, что мошенники лишили пожилого человека собственности: доверившись, он сам подписал документ против себя. Виктор потратил два часа на поддержку пострадавшего человека, привел его в чувство, помог восстановить душевные силы, а еще созвонился со знакомым прокурором, обсудил ситуацию, договорился о встрече с ним пострадавшего человека.

Часто в народе задается шуточный вопрос: «В каких ситуациях можно спешить?» На этот вопрос можно ответить

вполне духовно. Не надо спешить, когда у нас возникают греховные пожелания, не надо спешить обогащаться, искать земной комфорт, не надо спешить мстить за себя, и много еще в чем не надо спешить. Но совершенно точно *надо спешить, когда нам дается возможность сделать добро*. Как быстро Спаситель помог страждущей женщине! И именно этого Он ждет от нас – делать добро сразу же, как только появилась возможность, не откладывая на потом.

Во-вторых, обратим внимание на то, что начальник синагоги явно был движим завистью. А завистливый всегда возмущается, если кто-то сделал больше, чем он, если кто-то проявил больше даров и талантов и, соответственно, получил больше отклика, больше благодарности. Завистливый скорбит о чужом исцелении. И в каком-то смысле он становится сторонником диавола, ибо завистливый начальник синагоги хотел, чтобы бедная женщина не исцелялась сейчас, чтобы она пребывала во власти диавола дольше.

В-третьих, о страждущей женщине именно сказано, что ее связал сатана. А Спаситель для того и пришел, чтобы освободить людей от власти диавола. Не только от телесных недугов. Как эта женщина была скорчена телесной болезнью, так все мы бываем духовно скорчены от каких-то своих греховных страстей, которые не дают нашей душе распрямиться, чтобы мы могли обратить свой взор к Богу.

Наш современник, артист, грек по национальности Эвклид Кюрдзидис, рассказал, как, будучи совсем юным, он

с большим трудом поступил в театральное училище, затем во ВГИК. Преподаватели не видели в нем большого таланта, но, приложив максимум усилий, Эвклид завершил учебу с красным дипломом. Это был 1997 год, когда нашу страну потрясали бесконечные кризисы, и, пройдя вроде бы такой упорный путь многих трудов и занятий, Эвклиду не удалось устроиться в театр. Тогда ему показалось, что всё, чему он посвятил свою жизнь, окончательно рушится и выхода нет. У него наступило такое отчаяние, которое, как тяжелейший недуг, охватило его, буквально скорчило и не давало дышать свободной грудью.

И вот он шел по улицам Москвы, не зная, куда он идет, и от безысходности внутренне задыхался. Посмотрев направо, он вдруг увидел храм и решил зайти. Рядом с храмом он почувствовал, что ему надо исповедаться, открыть кому-нибудь свою душу (а до этого он никогда еще не исповедовался). Зашел в храм, там как раз стояли люди на исповедь. Дождавшись своей очереди, Эвклид подошел к батюшке, поначалу даже не знал, что говорить, с трудом выдавливал из себя скупые слова. Но батюшка терпеливо ждал, и постепенно душа Эвклида стала раскрываться, от самого сердца он говорил про всю свою жизнь, про свои ошибки, падения, отчаяние. Из глаз потекли слезы, а на душе становилось легко-легко.

В конце исповеди батюшка ласково обнял его, накрыл епитрахилью и произнес над ним разрешительную молитву. Когда он отошел от аналоя, то оказалось, что он исповедо-

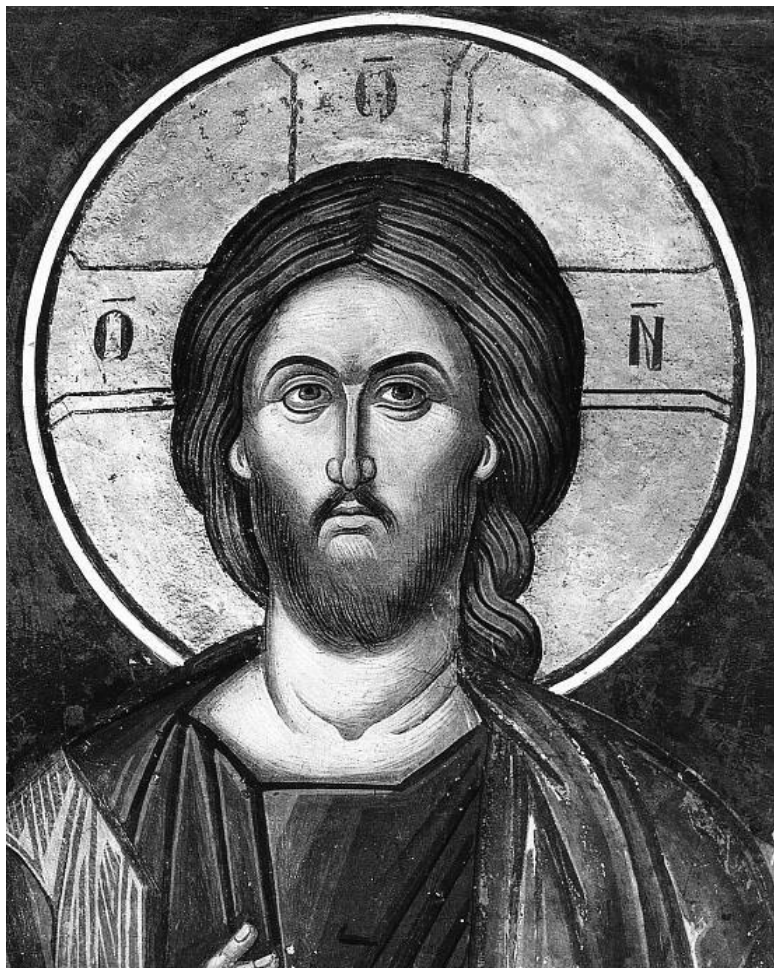
вался целый час. А когда он выходил из храма, то чувствовал такую радость, легкость и мир на душе, как будто у него выросли крылья, как будто он парил над землей. Его душа исцелилась, распрямилась от грехов, которые раньше сковывали его, и дальше он уже чувствовал в своей жизни смысл.

И вот что здесь важно понять. Зачастую нас по жизни пригибают к земле не какие-то внешние обстоятельства, а наши собственные грехи, замкнутость на себе, эгоистичное переживание своих неудач. Когда человек освобождается от этого, когда он обращается в покаянном зове к Спасителю, то Господь исцеляет его. Как в Евангелии скорченная женщина распрямилась, будучи освобождена от своего недуга Спасителем, так распрямляется душа, освобождающаяся от уз и власти диавола благодатью Спасителя.

Постараемся искренне делать добро и не быть формалистами. Мы упомянули психолога Виктора, который помог человеку на улице. Он еще говорил, что потратил два часа, а когда вернулся домой, то его жена отругала за такое опоздание, но на душе у него было необыкновенно легко и радостно. А почему? Потому что он сделал добро другому человеку.

Когда мы вне расписаний и графиков помогаем другим, *когда искренне делаем добро, то наше сердце само становится обителью добра.* А где добро, там всегда радость, утешение, счастье. И дай Господь всем нам идти по этому пути. Аминь.

Кто наш Бог?

В поисках смысла жизни

В одном из рассказов Владимира Кругина приводится небольшой эпизод из жизни: «Хоронили коммуниста сердо-

больные старушки. Просят в церкви отпеть и говорят: „Всю жизнь с нами боролся, пусть хоть на том свете отдохнет“». У одних смысл жизни в том, чтобы бороться с верой, у других – в том, чтобы ее исповедовать. А что же это такое вообще – смысл жизни? Каким он должен быть и как его обрести?

Когда-то давно в Дельфах был храм, на фронте которого располагалась надпись: «Познай самого себя». Философ Сократ говорил, что с этого начинается человеческая мудрость. Но что же мы можем реально познать в отношении самих себя? Если бы мы снимали на пленку всю свою жизнь, не только избранные моменты во время выходных или отпуска, а вообще все подряд, а потом стали просматривать, то получилось бы удручающее зрелище. Бессмысленные, пустые дела, глупые увлечения, напрасные переживания, погоня за какими-то миражами, жестокое и равнодушное отношение к ближним. И как часто мы сами себе признаемся, что, начиная жизнь сначала, мы во многом поступали бы уже совершенно иначе.

В древнегреческой мифологии есть миф о Сизифе, который бесконечно закатывает огромный камень на гору, но едва достигает вершины, как камень устремляется вниз, и вновь начинается та же самая бессмысленная работа – закатывать камень на гору, чтобы он вновь скатился вниз. В XX веке писатель и философ Альбер Камю применил этот образ к современному человеку, показав, что как ни печально, но главной чертой нашего существования является абсурд.

Вот как проходит наша неделя в изображении Альбера Камю: «Подъем, трамвай (или метро. – о. В. Д.), четыре часа в конторе или на заводе, обед; трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме – вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос: зачем?»

Мы все время куда-то спешим и в итоге даже не замечаем, что жизнь-то проходит мимо нас, что мы все время находимся где-то, но так, как будто вовсе и не живем, что мы все время что-то приобретаем, но не имеем чего-то самого главного. Так чего же мы от жизни хотим?

Думаю, любой согласится со мной: все мы хотим счастья. Никто ведь не скажет, что хочет, чтобы ему было плохо. То есть счастье есть цель, к которой стремятся абсолютно все люди. Но вся беда в том, что само счастье понимается нами по-разному. Поэтому и цель жизни, и способы достижения счастья определяются самым различным образом.

Одни видят счастье в материальном достатке. И вроде бы все мы понимаем примитивность такого подхода к жизни, но кто из нас не искушался мыслью: «Будь у меня чуть побольше денег, я бы не знал столько бед»? Другие ищут славы и популярности, третьи – карьерного роста, власти и рычагов влияния на других, четвертые же полагают счастье в чувственных наслаждениях, которые сводятся, прежде всего, к половой любви. Но вот кто-то произнес такой афоризм: «Молодые страдают от неудовлетворенных желаний, а пожи-

лые — от того, что их желания в молодости исполнились». Пытаясь взять от жизни всё, как это нам рекламируется, мы в конечном итоге всё и теряем: здоровье, легкость жизни, наслаждения.

Один из героев фильма «Место встречи изменить нельзя» спрашивает Володю Шарапова, счастлив ли он. А затем, не дождавшись от растерявшегося Шарапова ответа, говорит, что когда он был молод, то тоже был счастлив, но чем старше он становился, тем это счастье все уменьшалось и уменьшалось, пока наконец не превратилось в совсем маленькую частицу счастья. В душе есть желание полноты, простора и насыщения, а время уходит. Чего бы мы ни достигли, все исчезает из рук, тело стареет, а в душе какая-то пустота.

В конце концов человек и сам видит неосуществимость своих романтических идей, чувствует, что окончательно запутался, и ощущает в душе опустошенность и жизненный дискомфорт. Чувство бессмысленности и безнадежности приводит к попыткам чем-нибудь заглушить тоску, например алкоголем. А находясь в опьянении, человек пребывает в грезах, которые заменяют ему реальность, в коей он не нашел себе места. Такова судьба миллионов людей, потому что они живут иллюзиями, пытаясь найти смысл в чем-то земном.

Одна исследовательница совсем недавно проанализировала, о чем больше всего сожалеют умирающие. Оказалось, что многие жалеют, что потратили большую часть своей жиз-

ни на однообразный труд для добывания средств к существованию. Раньше они считали, что материальный достаток сделает их жизнь более счастливой, и ради этого они пренебрегали теми, кого любили, забывали о раскрытии талантов, данных лично им. Они подстраивались под внешние стереотипы и забывали о созидании своего внутреннего мира. Жизнь прошла как сон, и подлинного счастья они так и не испытали.

Есть, конечно, в жизни цели более высокие, которые вдохновляют и радуют, например творчество, деятельная любовь к другим людям. Или, как еще говорят, желание «оставить о себе добрую память», найти «смысл жизни в детях» и т. п. Уж это-то должно осмыслять нашу жизнь?

Однако люди, причастные серьезному творчеству, хорошо понимают неполноту и предел своих дел. Яркий тому пример – герой Джека Лондона Мартин Иден, который отдал все силы на свое внутреннее развитие, интеллектуальный и культурный рост, на раскрытие своих творческих талантов, наконец стал известным, знаменитым писателем, но в итоге страшно разочаровался и пришел к жизненной трагедии. Почему же известность и творчество не принесли ему радости осмысленной жизни?

Даже величайший поэт Александр Сергеевич Пушкин, как мы знаем, однажды написал такие строки:

Цели нет передо мною:

*Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Значит, даже таланты и творчество не способны сами по себе осчастливить жизнь человека.

Когда Лев Толстой был уже писателем с мировым именем, он неожиданно ощутил, что утратил смысл жизни. Этот кризис чуть не привел его к самоубийству. Позднее он сам объяснял это тем, что был далек от созидательного труда, которым живет простой народ. И чтобы разрешить вопрос о смысле жизни, по мысли Толстого, нужно не быть в отрыве от самой жизни: участвовать в труде, добывать хлеб насущный. Это и позволит ощутить удовлетворенность жизнью и ее осмысленность. К сожалению, Лев Толстой не заметил того обстоятельства, что русское крестьянство его времени имело высший идеал в религиозных традициях и вере в Бога.

Так вот, для человека крайне важно, чтобы в жизни были идеалы более высокие, чем его нужды, — только это способно вдохновить людей и принести им подлинную радость жизни. В этом смысле вера в Бога и общение с Ним — это как маленький, но яркий фонарик в душе человека, который освещает сумерки трудовых будней и побуждает всегда идти вперед. И тогда твое творчество, твой труд и даже материальная жизнь будут освещены высшими ценностями.

Так, величайший ученый Блез Паскаль, называвший науку лишь ремеслом, полагал подлинную цель человеческой жизни в куда более возвышенной сфере – в общении с Богом: «Наше истинное благо – пребывать в Нем, и наше единственное несчастье – быть разлученным с Ним» («Мысли о религии»).

Иногда можно услышать, что надо жить для того, чтобы просто жить, и не забивать себе голову какими-то размышлениями. Раз живешь, так и живи. А зачем и ради чего, какая нам разница?

Известный философ XX века С. Франк верно писал, что жизнь не может быть самоцелью, жизнь – это не самозамкнутость, а постоянное стремление к чему-то и делание чего-то. Сам человек переживает миг, в который ничего не делает и ни к чему не стремится, как состояние мучительно-тоскливой пустоты и неопределенности. *Мы не можем жить только для жизни, потому что всегда живем для чего-то и для кого-то.* У нас всегда есть какая-то цель. Какая же цель может быть действительно высшей, которая бы осмыслила всю нашу жизнь?

Русский мыслитель Евгений Трубецкой в трактате «Смысл жизни» справедливо писал: «У каждого из нас есть что-то бесконечно дорогое, ради чего он живет. Всякий сознательно или бессознательно предполагает такую цель или ценность, ради которой, безусловно, стоит жить». И давайте подумаем: ведь действительно, есть у каждого из нас сокро-

венные ценности жизни, ради которых мы готовы на все. Но наш мир ненадежен, и часто изломы судьбы отнимают у нас самое дорогое, что у нас есть. Значит, должно быть еще что-то такое, что находится над всем этим, что-то более прочное, основательное, что может быть надежной опорой при любом исходе судьбы.

Представим, что есть горячо любимый человек, но настанет момент, когда его вдруг рядом по каким-то причинам не оказывается. Это может быть что угодно: несчастный случай или вынужденное расставание. Что тогда? С потерей человека, в котором заключалась вся радость жизни, потерять окончательный смысл ее? Значит, должна быть какая-то высшая опора в жизни, что-то превосходящее нас самих, что смогло бы освещать нашу жизнь настоящим, подлинным смыслом.

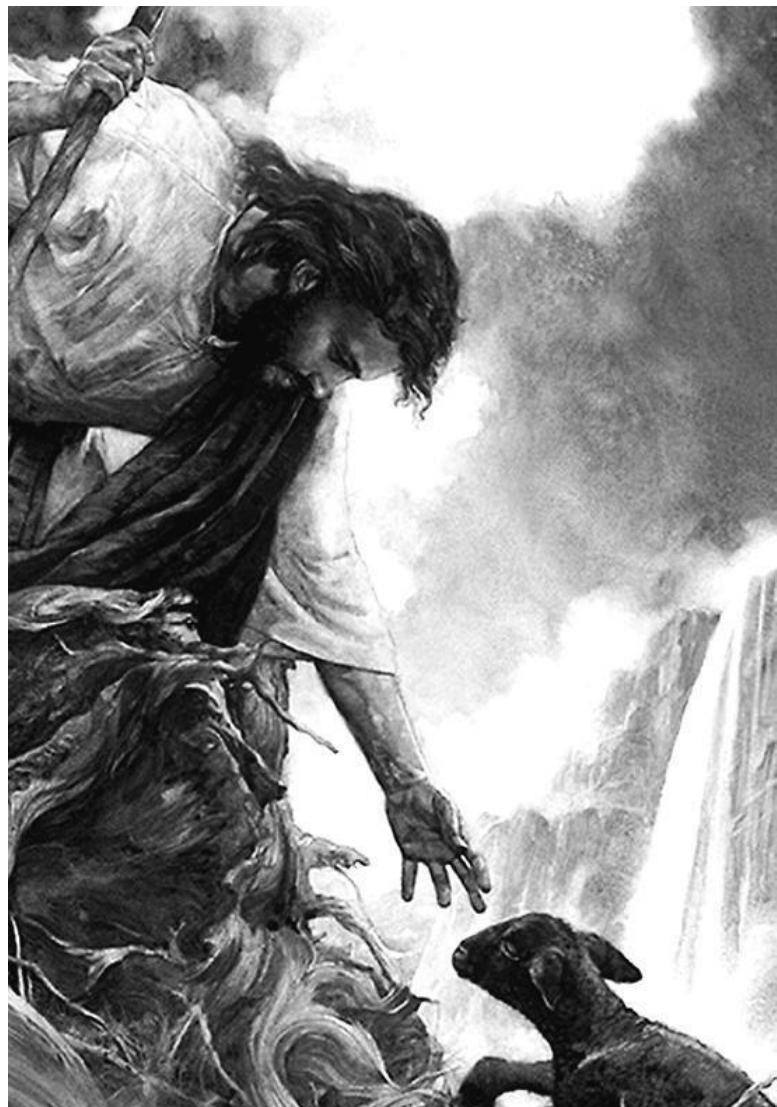
Само понятие смысла включает в себя разумность, целесообразность, оно означает, что мое существование как личности уже имеет определенную ценность. То, что я родился, живу, что-то делаю, а затем умираю, – все это не просто так, не должно исчезнуть и оставить после себя одну пустоту.

Существуют интересные наблюдения. Если спросить маленького ребенка, будет ли он жить всегда, то ребенок сразу же ответит: «Да». Жизнь изначально переживается как нескончаемая полнота, как источник удивительных познаний и чувств, которым никогда не будет конца. Ощущение себя бессмертным заложено в душу человека с рождения, и только опыт жизни в нашем грешном мире убеждает, что

земное бытие скоро заканчивается. Но и при этом в глубинах души остается какая-то жажда бессмертия, человеку никак не хочется умирать, перестать жить, навеки исчезнуть.

И смысл всего вокруг кажется ясным только тогда, когда есть и я, а если меня уже нет, то и все остальное бессмысленно. Если я навсегда исчезну, то какой мне смысл в этом свете солнца и в этой радости дня, в этом пении птиц и в этой красоте цветов и деревьев? Если я навсегда исчезну, то нет мне смысла в самом мироздании, ибо осмыслить его возможно лишь тогда, когда осмысляющий жив, а если я исчезаю, то мне уже ничего не нужно.

В Евангелии Христос рассказывает притчу о том, как пастух оставляет стадо, чтобы найти и вернуть одну потерявшуюся овцу. Это значит, что для Бога жизнь каждого отдельно-го человека имеет ценность. Мы все нужны Богу, и нужны для бессмертной жизни. И поскольку Бог имеет отношение к каждому из нас, то в жизни уже есть смысл. Мы не одиноки, Бог взирает на нас. Есть Тот, перед Которым вся наша жизнь записывается, перед Которым она может быть оправдана.

Когда автор этих строк преподавал в очередную сессию на Высших богословских курсах при Московской духовной академии, одна слушательница рассказала такую историю (детали могу не вспомнить, но суть в точности передам). В городе, откуда она приехала, у десятилетней девочки умерла мама. Сирота осталась на попечении бабушки, убежденной атеистки. Ранее о Боге девочке никто особо не говорил, ничему духовному не учили. Однако получилось так, что она сама пошла в храм, и здесь на нее обратили внимание, а о случившемся горе сказали: «Твоя мама не умерла, она живая, только перешла в другой мир, и теперь она смотрит оттуда на тебя, так что ты не оставлена». Девочка воспрянула духом, в ее душе засиял свет надежды и веры. Но, увы, когда она рассказала услышанное в храме своей бабушке, случилось ужасное. Старая атеистка поведала внучке: «Ты помнишь, как хоронили твою маму, как ее закопали в землю? Ее больше нет, ты же сама видела, что она умерла. И когда я умру, меня тоже не станет». После этого девочка стала постоянным пациентом психиатра.

Этот пример наглядно показывает, что атеизм, по самой своей сути, исповедует вечную смерть, и это травмирует душу, не оставляя человеку никакой надежды, ни единой возможности подлинной радости. *Вера же в Бога укрепляет и вдохновляет, содержит в себе бесконечный путь к бесконечному счастью.* Как хочется, чтобы в жизни упомянутой де-

вочки Промыслом Божиим все-таки водворился истинный смысл, чтобы она обрела покой своей души именно в Боге.

Очевидно, что настоящий, истинный смысл жизни состоит только в том, что не исчезнет со смертью человека и что имеет отношение не к другим, а именно и прежде всего к этой конкретной личности, пусть даже расстающейся с земным бытием. Значит, если есть в нашей жизни смысл, то этот смысл действительным может быть только тогда, когда жизнь человека вечная.

И не просто вечная, но когда она причастна тому Доброму, Высшему, Лучшему, слабые отблески которого радуют каждого в его земном пути. Само слово «счастье» – а ведь именно счастье так ищут люди – означает со-участие, одна часть с чем-либо или, вернее, с кем-либо. Так с Кем же человек может быть счастлив, и при этом счастлив вечно?

Материалисты признают только этот видимый мир и отвергают духовный, невидимый. Им кажется, что реально лишь то, что можно пощупать, и значит, настоящее счастье – в земном преизбытке. В итоге они теряют оба мира: земной – потому что в конечном итоге с ним расстаются, так и не сумев ничего взять от него, и небесный – потому что они всегда его отвергали.

Как говорил Гете, «всякий, кто не верит в будущую жизнь, мертв и для этой». И действительно так. Если рассматривать человека только как биологическое существо, то ничего привлекательного в нем нет. Ибо этот организм все время бо-

леет, ищет теплого места, съедает за свою жизнь несколько тонн провизии, а потом разлагается на составляющие его элементы. Какой же во всем этом смысл? Подобны ли люди червям, которые, появившись, всю жизнь только что-то едят, а потом навсегда исчезают?

Известный герой популярного в советское время романа «Как закалялась сталь» Павел Корчагин однажды произнес весьма мудрую мысль: «Надо жить так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Не правда ли, очень верная, глубокая мысль? Есть только одно уточнение: а перед кем будет стыдно и когда будет стыдно за бесцельно прожитые годы? Если ты навсегда исчезнешь, равно как исчезнут и другие люди, то чего же стыдиться?

Мучительная боль души возможна только тогда, когда есть, во-первых, душа, способная испытывать боль, во-вторых, бессмертная жизнь, в которой возможно нести воздаяние, и, в-третьих, Бог, перед правдой Которого мы можем испытывать стыд за нераскаянные грехи на земле.

Вот почему святитель Филарет Московский, отвечая на строки унывавшего Пушкина, напоминал о Небесном Отце:

Вспомнись мне, забвенный мною!

Просияй сквозь сумрак дум

И созиждется Тобою

Сердце чисто, светел ум.

Кто-то из мудрых людей сказал: «Самое прекрасное, что

есть на земле, — это человеческая душа, верующая в Бога». Без Бога жизнь становится медленным умиранием. И в общем-то для того, чтобы правильно устроить свою жизнь, нужно усвоить одну главную мысль: «Моя душа бессмертна, мне предстоит жизнь в вечности». А раз так, то каково мне там будет? Хорошо, если вечная радость. А если вечное страдание? И как я теперь должен жить?

В мире, не преображенном верой в бессмертие, можно говорить лишь о том, что душа человека остается в том добром, что он успел сделать. И подобно тому, как свет от угасшей звезды мы можем еще долго воспринимать, словно продолжает светить звезда, так и умерший человек остается с нами в свете его добрых дел, произведений его творчества, пока они не забыты и не утрачены. Однако самого человека в атеистической парадигме после смерти нет, а значит, вопрос о смысле уже сам собой снимается.

Но если я ничего не получу для вечности, то смысл моей жизни равен нулю. И если я думаю, что передам что-то детям для их земной жизни, но они при этом также умрут навсегда, то я передам тот же самый жизненный нуль. Известный философ и ученый XX века Бертран Рассел, этот талантливый атеист, весьма логично, в рамках своего атеизма, утверждал, что нет иного выхода, кроме как смириться с фундаментальной бессмысленностью нашего бытия. И это действительно так, но только в отношении атеизма.

Как говорил старец Паисий Святогорец, «зло начинается

с недостатка веры в иную жизнь» – хватай, набивай карманы, наслаждайся, ибо завтра ты навсегда умрешь.

Само понятие смысла подразумевает что-то такое, что не напрасно, не зря было сделано. В каком же случае человек не напрасно трудился и жил?

Надо сказать, что мы часто чувствуем истинность чего-либо сердцем, минуя логику и рассудочные обоснования. И если посмотреть непредвзято и честно, наше сердце отказывается признать то, что нас когда-то совсем не будет.

Соприкосновение с истиной рождает радость в душе. И когда человек вдруг начинает чувствовать и понимать, что его душа бессмертна, то это несет душе несказанную радость и мир. Жизнь такого человека приобретает смысл.

У Достоевского в его «Дневнике писателя» есть такие рассуждения: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой».

Мы уже говорили о том, что все люди хотят обрести в жизни счастье, только не все знают как. Упомянутый нами ученый Паскаль говорил: «Есть три разряда людей. Одни обрели Бога и служат Ему, люди эти разумны и счастливы. Другие не нашли и не ищут Его; эти безумны и несчастны. Третьи не обрели, но ищут Его, это люди разумные, но еще несчастны». Наверное, к какому-то из этих разрядов принадлежит и каждый из нас.

И еще. Каждый человек в своей жизни подобен художни-

ку, который может написать в своей душе прекрасную картину, создать чудную икону (ибо человек есть образ Божий), а может нарисовать в самом себе черный квадрат с его угловатой пустотой. Поэтому зависит от нас, чему мы посвятим свою жизнь и как она будет осмыслена. Подсказку предлагает нам святитель Феофан Затворник: «Испытай сердце свое и найдешь, что ничто не может вполне удовлетворить и наполнить его, кроме Бога. Его и взыщи – всеми силами души своей. Если взыщешь так, обретешь».

Первый вопрос после выхода из наркоза, или как я пришел к Богу

Вот как в старом веселом фильме: «Поскользнулся, упал,

очнулся – гипс». Почти так и со мной. Только где «поскользнулся» с этой онкологией, где подхватил ее, непонятно. Но после операции очнулся. Очнулся точно – в реанимации.

С трубкой в трахее, под пиканье какого-то аппарата, отсчитывавшего удары сердца. Потом пиканье прекратилось, а сердце продолжало биться. Как метко выразился один близкий человек, перенесший нечто подобное, выход из послеоперационного наркоза подобен репетиции смерти. Таких мучений за всю жизнь свою я не испытывал. Тело не подчинялось, мышцы схватывала судорога, подобная агонии умирающего, внутри было плохо, болезненность ощущалась во всем.

Когда я приходил в себя, то сначала слышал чью-то реплику: «Я видела его по „Спасу“». Эту фразу произнесли раза три. Потом мне удалось чуть повернуть голову, и я заметил молодую черноволосую медсестру, которая кого-то удивленно спрашивала: «Поп? Поп?» Никто ей почему-то не ответил, а мне не позволяла трубка в трахее, подававшая искусственное дыхание. Потом близко-близко показалось очень доброе седоволосое лицо врача-бабушки, она обхватила мои щеки теплыми ладонями и ласково произнесла: «Приходим в себя, мой хороший, приходим в себя». Из глаз ее чистым светом лучились доброта и любовь. Эта любовь и вселяла силы, согревала душу, так что каждое слово этой доброй бабушки приводило в чувство. Всегда мы хватаемся хотя бы за малые частицы доброты и любви, которые встречаем по

жизни, — без этого мы погибаем.

Скоро вынули трубку, и первый вздох как вздох новорожденного младенца, увидевшего белый свет, — вздох жизни. Тут-то молодая черноволосая медсестра и задала мне вопрос.

Как-то по-детски наивно спросила: «Скажите, пожалуйста, а как вы к Богу пришли?»

Собрав силы и чувствуя, что сказать много не удастся, я произнес свои первые после маленького личного воскрешения слова: *«К Богу я пришел в тринадцать лет, когда принял Крещение, и во время этого Таинства почувствовал Божие присутствие, внутри было радостно, свободно, легко»*. Медсестра удивилась и возразила: «Но ведь это могло быть просто действие эндорфинов». А я собрал свои последние силы, которые вложил в единственную фразу: «Душа соединена с телом, поэтому и эндорфины должны были тоже проявиться». То есть радость души, обретшей Бога, отражается на всем человеке: сердце, уме, воле и, конечно, на теле — с проявлением соответствующих гормонов. Диалог завершился, каждый занялся своим делом, а я вспомнил те свои подростковые годы, которые решительно повлияли на всю мою жизнь.

Простая советская атеистическая семья. Папа, мама, сестра и я — абсолютно неверующие. Только в деревне у бабушки висели иконы. Каждое лето проводили у нее — простое детское счастье. Вечерами гуляли по сельской дороге и под-

ходили к старому заброшенному храму. Лучи заходящего солнца нежно ложились на старые красные кирпичи и отражались ласковым розово-пурпурным оттенком. Этот отблеск вечернего солнца на храме мне запомнился на всю жизнь как отблеск Рая, как тепло Света, согревающего душу.

Дверь в храм открывалась со скрипом. Но почему-то внутри, даже среди пустоты разоренной святыни так явственно ощущалась Тайна. Только что ты был в обыденном, земном мире, а зашел внутрь храма, и уже всё другое – безмолвно и таинственно, словно ты на пороге чего-то неизреченного.

Никто о Боге нам, детям, не говорил. Лишь однажды мы увидели, как бабушка на коленях молилась перед иконами. Это когда во время грозы молния чуть не убила ее, пройдя в землю в каких-то полутора метрах.

Неисповедимыми судьбами в деревне время от времени появлялся священник – существо непонятное и настораживающее, хотя мы его даже не видели. Останавливаясь у кого-то на дому, он совершал для желающих требы. Бабушка нам предложила креститься. Мы отказались.

Как же я помню свой подростковый атеизм! Кто-то рядом говорил: «Я верю в Бога, а ты?» «Нет, – отвечал я смело, – я в Бога не верю». В таком ответе мне чувствовалась сила и независимость моей личности. Я опытно знал: «Бога нет», ведь мой личный опыт и правда не открывал мне Его. Его не видел я, не слышал, не созерцал ни умным, ни чувственным оком. Его не видел я ни в утренней радости неба, ни в вечер-

ней тиши заходящего солнца. Да и может ли слепой видеть? Чтобы увидеть, надо прозреть. О Нем не пели мне соловьи в воскресшей весенней природе и не шептали тихим шелестом листья тополей и берез. Да и может ли слышать глухой? Лишь редкие детские чувства, поиск нескончаемой радости жизни да отблески Рая на стенах сельского храма пробуждали в душе какой-то зов, неизреченную жажду Неизреченного.

Через год после Тысячелетия Крещения Руси словно проснулись гены предков, словно прошедшие эту тысячу лет наши благочестивые праотцы и праматери явились, сгрудившись, и грозно произнесли: «Мы созидали Православие на Руси тысячу лет, а ты?»

В храм пойти креститься мы, дети, решили сами. Я, моя родная сестра, двоюродная сестра и ее муж с большим интересом вступили под своды соборного храма. Зачем мы шли креститься, и сами не знали. То ли видели в этом защитительный ритуал, то ли шли ради причастности тысячелетней традиции, уже и не помню. Но точно не потому, что верили. Слава Богу, никто нас перед Крещением о вере не спросил, и думаю, что сейчас, в наши дни, меня бы точно прогнали.

В Евангелии Господь рассказал короткую притчу: «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает всё, что имеет, и покупает поле то» (Мф. 13: 44). Особенность этой притчи в том, что человек обнаруживает скры-

тое на поле сокровище внезапно и неожиданно для самого себя, без предварительных изнурительных поисков. Он и сам не знал, что на поле сокрыто сокровище, но когда обрел его, то ради него отказался уже от всего, что имел. Эта притча в том числе про меня.

Вот мы стоим в крестильном помещении. Пришел серьезный батюшка, окинул собравшихся строгим взглядом и начал чинопоследование. Какие были мои чувства на тот момент? Церковнославянские слова я разбирал с трудом, если не сказать, совсем не разбирал, да и батюшка произносил их достаточно невнятно. Символов и обрядов Крещения

нам никто не объяснял, мы поспевали за другими поворачиваться туда-сюда, отрекаться, дуть, плевать, сочетаваться да впервые наносили на себя неумелое крестное знамение. Но при всем рассудочном неусвоении чина Таинства я испытал впервые в жизни удивительную перемену сердца. Как же это трудно передать словами! Без каких-либо на то внутренних настроек и самовнушений, даже не думая чего-либо испытать, душа почувствовала совершенно новое. Внутри засияли радость, легкость, чистота, свобода, как будто *Кто-то вынул изнутри тебя всю грязь, выбросил вон, а вместо нее вселил внутрь небесный свет – благодать Духа Святого*. Ну вот же, Бог есть, как же это понятно и ясно! Так просто в душе открылось новое ведение. Невидимый и непостижимый Бог вдруг сразу стал так очевиден, как очевидна для младенца его родная мама, едва младенец родился на свет.

Блаженный Августин в своей «Исповеди» рассказывает, как его друг, оказавшийся в бессознательном состоянии по причине болезни, был крещен. Когда он пришел в себя, то совершенно расстался с прежними заблуждениями, провел свои дни до смерти в искренней верности Христу. Это значит лишь то, что Божия благодать иногда, по какому-то Промыслу Божию, действует на нас и помимо участия нашего разума.

Это как ясное откровение сердцу. Так дано было испытать, что Бог действительно есть и что Он очень близок душе, как будто ты попал в гости на Небо. Спутать это невоз-

можно ни с чем. Это как объяввший тебя, проницающий свет, свет любви. И ты чувствуешь, что тебя с теплом и любовью принимает в Свои объятия Бог. После этого ты сам понимаешь, что для приближения к Нему – а именно в этом все твои радость и счастье – нужно идти в храм, преодолевать свои немощи и невежество, вникать в молитвы, традиции и обряды Церкви, полностью преображать свою жизнь.

Весь тот день был пронизан для меня каким-то светом и какой-то непередаваемой радостью. Тянуло в храм, и очень чувствовалось, что Господь удивительно близко, Он рядом. Теперь и в утренней заре, и в пении соловья, и в дыхании свежего ветра, и в сочной листве тополей и берез – во всем открывалось присутствие Бога Творца, Любящего и Заботящегося. Как же хорошо быть прозревшим!

Свет ясного летнего солнца не спутаешь с робким мерцанием фонаря, живую душу – с холодом робота, любовь – с расчетливостью. Так и присутствие Божие не спутаешь ни с одной земной радостью.

Нет, встречу с Богом не спутаешь с действием эндорфинов самих по себе. Тебе может быть радостно от вкусного напитка, от приятного общения с близким человеком, от успехов и достижений. Все эти радости приходят и уходят, всплеском гормонов вскружат голову и исчезнут, как пена на морском берегу. *Встреча с Господом наполняет душу глубиной всеохватывающего тепла и радости, чистоты и свободы, любви ко всем, кого видишь, и чистой мыслей и*

чувств.

Соприкосновение с Богом не просто наслаждает, а преобразует.

Радость следует за изменением души, соприкоснувшейся с благодатью Божией.

Дай Бог каждому этой радости и этого счастья!

Вера и неверие: тайна обращения человека к Богу

В 2009 году в Лондоне на 800 городских автобусах были

размещены плакаты с надписью: «По всей вероятности, Бога нет. Так что не волнуйтесь и радуйтесь жизни». В ответ на это православные христиане Лондона разместили на других автобусах надпись: «Бог есть, поверьте! Не беспокойтесь и радуйтесь жизни!» На чьей же стороне правда? И почему одни люди обращаются к Богу, а другие бегут от Него? Почему для одних Господь Бог очевиден так же, как сама наша жизнь, а для других нет?

Казалось бы, в страданиях люди должны обращаться к Богу, но многие, страдая, обращаются к алкоголю, а про Бога совершенно не вспоминают. Уже в Священном Писании мы видим две противоположных реакции на призвание Господа. Так, апостолы Иоанн и Иаков, простые рыбаки, услышав слово Христа, тотчас оставили лодку, оставили отца и последовали за Господом (см.: Мф. 4: 21–22), а богатый юноша, которому Спаситель сказал: «Следуй за Мной», как сказано в Евангелии, смутившись, отошел от Него с печалью (см.: Мф. 19: 16–22; Мк. 10: 17–22).

Действительно, обращение человека к Богу всегда загадка. Люди вроде бы живут в одних и тех же социальных и культурных условиях, но подчас совершенно по-разному относятся к вере.

Чтобы понять суть этой проблемы, попытаемся сначала выяснить, что такое неверие, атеизм.

Вообще, на мой лично взгляд, существует два вида атеизма. Первый – это вынужденное неверие, так сказать атеизм

по недоразумению, когда ребенок просто был так воспитан и потому он не имеет представления о мире духовном. Такие люди способны поступать по-христиански, хотя вроде бы их этому никто не учил. В определенный момент такой человек может легко (в каком-то смысле легко) обрести веру: она в нем обнаружится как сокровище, которое находилось в забвении, но не было утрачено полностью. В этом случае вера в человеке не умерла, но спит, и она может пробудиться – при размышлениях о смысле жизни, при созерцании природы, при обращении внимания на пример жизни искренне верующих людей и во многих других случаях.

Второй вид неверия есть атеизм идейный: это какая-то внутренняя агрессия, неприязнь к духовному, так что человек отворачивается от Бога, как тот, у кого больные глаза, отворачивается от солнца. Причем сам атеист порой не понимает существа своего атеизма.

Митрополит Антоний Сурожский в диалоге об атеизме и последнем суде рассказывает о бывшем атеисте, ставшем впоследствии священнослужителем. Мне эта история представляется особенно показательной. Главный герой повествования, Александр, был умным, интеллигентным и образованным человеком, жившим сначала в России, а потом в Париже. Как и многие другие в его время, он был безбожником и считал себя слишком культурным и развитым, чтобы даже подумать о вере. Как-то он разговорился с сельским священником, не имевшим никакого высшего образования.

Этот священник его долго слушал, а потом сказал ему две истины: «Во-первых, Саша, не так уж важно, что ты в Бога не веришь. Замечательно то, что Бог в тебя верит (то есть ты еще не окончательно погиб для вечной жизни). И второе: а ты, Саша, пойд-ка домой и подумай, в какой момент и почему ты потерял веру, в какой момент тебе оказалось нужным, чтобы Бога не было».

Александр вернулся домой озадаченным. Он удивился самой постановке вопроса, самому подходу священника к этой теме. Потому что при этой случайной встрече с батюшкой он ожидал услышать миссионерскую речь или указания читать какие-то трактаты, а вместо этого он услышал: пойд-ка и постарайся сам разобраться. Ему почему-то вдруг захотелось это сделать, подумалось: «А может быть, попробовать? Ну-ка посмотрю, что там у меня было в жизни раньше...»

Сначала он подумал, что причины неверия – в его университетском образовании, потом стал искать их в более ранних периодах жизни. Так он добрался до своего детства, до времени, когда ему было 6 лет. А что же произошло тогда? Он жил в одном из городов России, был милым мальчиком, каждое воскресенье ходил в церковь, причем становился посреди храма впереди других и молился Богу. Каждое воскресенье родители давали ему 1 копейку, которую он должен был положить в шапку нищего слепого, и он ее клал и шел в церковь с чувством, что совершил доброе дело, выказал любовь, внимание и теперь может пойти к Богу с чистой совестью.

Как-то перед Рождеством он гулял с матерью по городу, и они зашли в магазин, где продавалась чудная деревянная лошадка, стоившая 6 копеек. Саша попросил маму купить ее, но она отказалась, и он вернулся домой очень огорченным. А в следующее воскресенье, когда он, идя в церковь, поравнялся с нищим, то подумал, что если шесть раз он не даст ему копеечки, то сможет купить себе лошадку сам. И копейки он в тот раз не дал.

Так он поступил четыре раза, а на пятый подумал: «А что если мне взять у нищего одну копейку, тогда я смогу еще раньше купить эту лошадку». И на этот раз он тихонько украл у нищего слепого копейку. После этого он вошел в храм и вдруг почувствовал, что уже не может стоять впереди: вдруг Бог его заметит, – и он ушел в какой-то угол. Теперь Саша чувствовал, что ему как-то плохо, что ему надо бы от Бога как-то скрываться. А тут как раз вернулся из университета его старший брат, который там нахватался безбожного учения, и принялся доказывать, что Бога нет. И маленький Саша ухватился за эту мысль как за соломинку, на которой думал спастись: «Если Бога нет, то совершенно неважно, что я украл эту копейку и не положил пяти». С этого-то времени и началось в нем безбожие. Учение о том, что Бога нет, он воспринял как единственное спасение от укоров совести.

Приведенный рассказ весьма показателен. Он наглядно представляет, что неверие, *атеизм – это, прежде всего, попытка скрыться от Бога, спрятаться, как бы закрыть ру-*

ками глаза и сказать: «Бога нет», подобно тому как мы порой пытаемся спрятаться от своей собственной совести, а совесть – голос Божий в человеке. Из Священного Писания известно, что впервые подобное произошло еще в раю, когда люди, согрешив, нарушив заповедь Божию, пытались спрятаться от лица Божия – как бы они не видят Бога, как бы никакого Бога вовсе и нет. Господь, обращаясь к Адаму, говорит: «Адам, где ты?» А он отвечает: «Голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся» (Быт. 3: 9-10). Вот эта греховная нагота, обнажение от благодати Божией заставляет человека скрываться от Бога.

Но причина не только в этом. На протяжении всей истории атеизм – это еще и попытка убедить себя в том, что Бога нет, ради оправдания своих греховных пристрастий. Это отрицание не обязательно начинается в разуме или рассудке, но чаще всего происходит где-то в глубинах падшей души, в нашем сердце. Атеист как бы рассуждает: «Если Бога нет, то мне за мои грехи ничего не будет, потому что живу я один раз, и лучше пожить в свое удовольствие, а что будет с душой после телесной смерти, мне не интересно. Если Бога нет, то что мне пользы от добродетели? Материальные блага можно пощупать, а добродетель – что это за сокровище?» И опять-таки все это возникает стихийно в глубинах падшего духа, а уже затем может оформляться в виде логически стройного материалистического мировоззрения.

Так вот, если неверие – это попытка скрыться от Бога для

оправдания своих грехов, то *вера — это обратный путь, возвращение к Богу с желанием очиститься от грехов*. Но чтобы вернуться, надо знать путь, а для этого нужен поиск. И очень часто человек приходит к вере потому, что его душа вдруг чувствует некий зов, необходимость поиска. Человек еще не понимает, что ему не хватает Бога, но он уже ощущает, что обыденность его не удовлетворяет. Начинается своего рода поиск смысла жизни, поскольку вдруг обнаруживается бессмысленность нашей земной суеты. Хочется к этому добавить, что обычно люди ищут смысл жизни не с помощью рационального, логического рассуждения, а интуитивно, как некую внутреннюю потребность.

В конце XX века в печати была опубликована статья о печальной участи сына одного американского миллионера. В этой статье говорилось о том, что один преуспевающий в жизни молодой человек, сын миллионера, в расцвете сил и благополучия кончил жизнь самоубийством. При нем была обнаружена записка следующего содержания: «Взял от жизни всё, не нашел в ней ничего интересного, ухожу из жизни добровольно». Конечно, у этого молодого человека были самые лучшие автомобили, дорогие виллы; его окружали самые красивые женщины. Словом, он имел всё, о чем только может мечтать современный человек. И вдруг такой печальный итог. Значит, при всем изобилии его душе чего-то не хватало, чего-то самого главного. Он просто получил несколько раньше то, к чему стремится большинство лю-

дей, и увидел, что в этих достижениях нет совершенно ничего особенного. Как признается герой А. С. Пушкина Евгений Онегин,

*Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать? Тоска, тоска...*

В нашей жизни часто бывает так: нам кажется, что, сделав удачную покупку, добившись выгодного места работы, высокой зарплаты, хорошего положения в обществе и т. д., мы наконец-то успокоимся, обретем что-то важное. Но едва добиваемся всего этого, как оказывается, что ничего в этом особенного нет, и нам опять чего-то не хватает, ощущается какая-то пустота. Мы стремимся к неуловимому благу, к полноте жизни, как к манящему горизонту, до которого никак не добраться. Потому что душа человека такова, что насытить ее сможет только Бог. Только бесконечный Бог сможет насытить бесконечные глубины нашего сердца.

Святые отцы говорят, что душа человека подобна подсолнуху, который всегда своим цветком обращается к солнцу, — и сердце так же стремится к Богу, тоскует и увядает без света духовного. На самом деле нет таких людей, которые никогда не испытывали внутренней тяги к духовному, у которых никогда не болела душа, так что они не нуждались бы в Боге. Просто мы видим многих людей лишь на определенном этапе их жизненного пути и по своей ограниченности полагаем,

что они никогда не почувствуют жажды духовного и не изменятся к лучшему.

Часто обратиться к вере помогает кризисная ситуация в жизни, сильная скорбь, соприкосновение со смертью, когда вдруг открывается, что не все так, как нам представлялось раньше, и человеку хочется, чтобы было что-то, что превышает рамки нашего материального мира.

Духовный писатель XX века Н. Е. Пестов, у которого сын погиб в конце Второй мировой войны, приводит свидетельство одного из связистов, принимавших по радио боевые донесения русских военных летчиков. Этот связист говорил, что многие летчики, никак не проявлявшие своей веры, когда они бывали подбиты врагом и их самолет, объятый пламенем, падал, вдруг начинали молиться: «Господи, приими мою душу». Это было слышно по радиосвязи.

Дело в том, что критическая ситуация – это такое событие в жизни, когда отпадает вся шелуха и человек остается наедине с собой. Исчезает все наносное, снимается маска, которую мы надеваем на себя, играя в жизни определенную роль. Душа, став наконец сама собой, прозревает. Что же она прозревает? То, что существует духовный мир и что человек – это не центр мироздания, что у нас есть Небесный Отец, без Которого наша жизнь счастливой не будет.

Конечно, сколько людей, столько бывает и путей к Богу. Кто-то обращается к вере через изучение природы. Некоторых Создатель привлекает к Себе посредством явных чудес:

человеку грозила смерть, неминуемая беда, неизлечимая болезнь, и вдруг все благополучно разрешилось без видимых земных причин. В этом случае точно дается знать, что помощь подал именно Всевышний.

Но, как бы то ни было, если в человеке не произойдет внутренний переворот, переоценка ценностей, а точнее, если не произойдет пробуждение его души, ее перерождение, верующим он не станет ни при каких аргументах.

Почему же далеко не у всех людей совершается подобное душевное прозрение?

Часто вера у человека спрятана где-то в глубинах души, а поскольку он привык жить только внешним, все время торопится, суетится, спешит и ему некогда побыть наедине с самим собой, то он и не замечает веры. Современный человек привык где-то «функционировать», он хочет быть втянутым в «грандиозные» земные планы по устройению своей судьбы – задуматься и остановиться нет возможности ни на одно мгновение. И только когда перед ним падают обломки земного счастья, которое он пытался создать, когда он наконец остается наедине с самим собой, в нем может пробудиться вера в Бога.

Мне очень нравится такое сравнение. Представьте, что с одной стороны от вас играет музыкант на скрипке, а с другой трудится рабочий с отбойным молотком. Разберете ли вы мелодию скрипки? Или увидите только движение смычка по струнам? Так и в жизни человека вся внешняя суета, спешка, впечатления, мирские удовольствия не дают услышать звуков духовной жизни и голоса собственной веры, сокрытой в душе. Такие люди видят храмы, видят проявление

веры в жизни других людей, но не слышат голоса веры в своем собственном сердце.

Кто долго находится в замкнутом, сумрачном помещении, тот отвыкает от света, его зрение притупляется, становится неспособным смотреть вдаль. Так и замкнутость на одних земных интересах убивает в душе стремление к Богу; вера для такого бывает чем-то чрезмерно далеким.

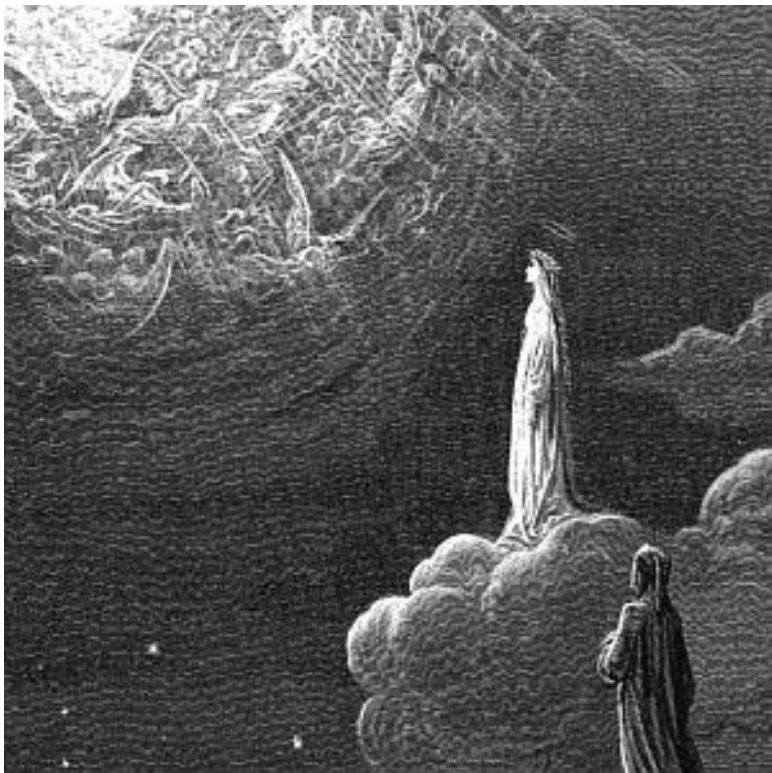
Впрочем, и среди самого внешнего шума человек может чувствовать призвание Божие. Он даже и сам не понимает, чего ему не хватает, но ощущает какую-то неудовлетворенность, внутреннее беспокойство, необходимость высшего смысла и правды. И только спустя много лет такой человек начинает вдруг понимать, что все это время ему не хватало Бога.

В любом случае *вера в Бога есть особое пробуждение души, когда она становится чуткой к более возвышенному миру*. Это подобно тому, как в ребенке просыпается музыкальное дарование и он вдруг открывает, что существуют удивительные последовательности звуков, или дар художественный, когда ребенок начинает понимать гармонию цветов. Но если дар музыканта или художника дается не всякому, то вера в Бога – потребность души каждого человека.

Блаженный Августин как-то сказал: «Ты, Боже, создал нас для Себя, и беспокойно наше сердце, пока не успокоится в Тебе» (Исповедь. 1: 1). И в общем-то поиск человеком счастья, радости и полноты жизни на самом деле является жаж-

дой Бога. Чего бы человек ни достиг, если он без Бога, всего ему будет мало и он не будет спокоен. А если он с Богом, то и малым довольствуется. Именно вера в Бога дает душе тот долгожданный покой, которого ищет человеческое сердце.

Кто такие святые

Кто такие святые? Наверное, вы удивитесь, услышав, что святые были такие же люди, как и каждый из нас. Они испы-

тывали те же чувства, что и мы, их души посещали как радость, так и разочарование, не только надежда, но и отчаяние, как вдохновение, так и угасание. Более того, святые испытывали точно такие же искушения, что и каждый из нас, а лстивые соблазны, словно сладкозвучные сирены, манили каждого из них своей пленительной, гипнотической силой. Что же подвигло их к тому удивительному, что исполняет душу неизреченным светом и что мы называем святостью?

В начале IV века в Сирии жил некий юноша Ефрем. Его родители были бедные, однако искренно верили в Бога. А Ефрем страдал раздражительностью, мог из-за пустяков вступать в ссоры, предавался худым замыслам и, главное, сомневался в том, что о людях заботится Бог. Однажды Ефрем запаздывал домой и остался ночевать возле стада овец с пастухом. Ночью волки напали на стадо. А утром Ефрема обвинили, что он подвел к стаду воров. Его посадили в темницу, куда заключили еще двоих: одного обвиняли в прелюбодеянии, а другого – в убийстве, причем также безвинно. Ефрем много размышлял над этим. На восьмой день он услышал во сне голос: «Будь благочестив и уразумеешь Промысл Божий. Перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе познаешь, что эти люди страдают не несправедливо». Ефрем вспомнил, как некогда со злым умыслом он выгнал из загон чужую корову и она погибла. Заключенные с ним поделились, что один участвовал в обвинении женщины, оклеветанной в прелюбодеянии, а другой видел тонувшего в ре-

ке человека и не помог. В душе Ефрема наступило прозрение: оказывается, в нашей жизни ничто не совершается просто так, за каждый поступок человек несет ответственность перед Богом, и с этой поры Ефрем решил изменить свою жизнь. Все трое вскоре были отпущены на свободу. А Ефрем во сне вновь услышал голос: «Возвратись в место свое и покаяйся в неправде, убедившись, что есть Око, над всем надзирающее». Отныне Ефрем был крайне внимателен к собственной жизни, он много молился Богу и достиг святости (в нашем календаре упоминается как преподобный Ефрем Сирин, память – 28 января по юлианскому календарю).

Итак, святые потому и стали святы, что, во-первых, увидели свою несправедность, удаленность от Бога (не надо думать, что каждый угодник Божий был изначально святым). А во-вторых, они глубоко ощутили, что никакое добро невозможно совершить без Бога. К Нему они обратились всей душой. Им пришлось много бороться со злом, и прежде всего в самих себе. В этом – их отличие от обыкновенных героических личностей.

Земные герои пытаются изменить мир путем внешней борьбы за справедливость. А святые влияют на мир путем внутреннего его преобразования и начинают это преобразование с самих себя. Если Петр I, хотя и был волевым человеком, сокрушался: «Усмирил стрельцов, осилил Софью, победил Карла, а себя превозмочь не могу», то святые сумели победить себя. Потому что они полагались на Бога. А кто может быть сильнее Бога? Его благодать искореняла в их душах все темное, а затем просветила их ум и сердце к видению удивительных тайн.

Святых мы называем подвижниками, потому что *святость есть путь непрестанного духовного восхождения*, а это сопряжено с тяжелым внутренним подвигом, с преодолением в себе всего порочного и низменного. Есть древнее сказание о том, как однажды философ Сократ, идя с учениками по улицам Афин, встретил гетеру, которая надменно сказала: «Сократ, ты слынешь мудрецом и пользуешься

у учеников уважением, а хочешь, я скажу одно слово, и все они тут же побегут за мною?» Сократ ответил: «В этом нет ничего удивительного. Ты зовешь их вниз, а для этого не нужно никаких усилий. Я же призываю их к возвышенному, а это требует большого труда». Святость и есть непрестанное восхождение, при котором, естественно, требуются усилия. Святость – кропотливый труд, созидание в себе образа Божия, подобно тому как ваятель высекает из бездушного камня удивительный шедевр, способный пробуждать души окружающих.

На иконах святых мы видим нимб. Это символическое изображение благодати Божией, просветившей лик святого человека. Благодать есть спасительная сила Божия, которая созидает в людях духовную жизнь, внутренне укрепляет и очищает от всего греховного и скверного. Само слово «благодать» означает «благой, добрый дар», потому что Бог подает только доброе. И если грехи опустошают душу, несут с собой холод смерти, то Божия благодать согревает душу человека духовным теплом, поэтому стяжание ее насыщает и радует сердце. Именно стяжание благодати Божией возводит христианина к вечности, благодать приносит с собой истинное сердцем каждого человека счастье и подлинную радость и свет души. Таким неизреченным светом сияло лицо пророка Моисея, когда он спустился с Синайской горы, приняв от Бога Десять заповедей. Так Сам Спаситель, преобразившись на Фаворе перед тремя апостолами, явил Свою Божествен-

ную славу: «И просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17: 2). К этому небесному, Божественному свету приобщился и каждый святой, так что общение со святыми доставляло приходившим к ним людям духовное тепло, разрешало их скорби, сомнения и жизненные трудности.

Святые – это те, кто увидели замысел Божий о себе и воплотили этот замысел в собственной жизни. И можно сказать, что святые – это люди, которые откликнулись любовью на любовь. Они откликнулись на безграничную любовь Божию, обращенную ко всякому человеку, и явили любовь к Нему в своей верности. Они явили верность Богу во всем, и прежде всего в тайниках собственного сердца. Их души стали близки к Богу, ибо святые искореняли в себе всё греховное даже на уровне мыслей и чувств. Поэтому святость – не награда за хорошие поступки, а приобщение личности к благодати Божией. Чтобы принять от Бога дар благодати, необходимо исполнять Его заповеди, а для этого преодолевать то, что внутри каждого из нас противится Богу, то есть грех.

Преподобный Антоний Великий однажды сказал: «Бог благ и только благое творит, пребывая всегда одинаковым, а мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом – по сходству с Ним, а когда становимся злыми, отделяемся от Него по несходству с Ним. Живя добродетельно – мы бываем Божиими, а делаясь злыми – становимся отверженными от Него». Святые достигли близости к Богу и благодаря этому

стали подобны Богу. Так что вопросы жизни, часто приводящие нас в тупик, для святых становятся ясными благодаря благодатному Свету, Которому они приобщились. Именно поэтому у известного писателя Николая Васильевича Гоголя настольной книгой была «Лествица» преподобного Иоанна Синайского. К этой книге Гоголь часто обращался за разъяснением вопросов собственной души. Многие знаменитые лица XIX века, пытаясь найти ответ на духовные вопросы, обращались к преподобным старцам Оптиной пустыни. Образованнейшие люди шли за советом к святителю Игнатию Брянчанинову, святителю Феофану Затворнику и праведному Иоанну Кронштадтскому. А американский психолог Вильям Джемс, прочитав «Слова подвижнические» преподобного Исаака Сирина, воскликнул: «Да это же величайший психолог мира!» Так представители светской культуры удивлялись глубине рассуждений святых людей. Конечно, среди лиц, не достигших святости, тоже встречаются мудрость и опытность, но все это остается всецело земным умением, тогда как мудрость и опыт святых не только разрешают глубинные проблемы жизни земной, но и открывают нам путь от земного к небесному.

Подобно тому как орел высоко парит над землей, но при этом видит самые мельчайшие предметы на земле, так и святые, возвысившись над всем земным, достигнув Небесного Царства, видят всё происходящее на земле и слышат молитву искренно молящегося им человека. В истории извест-

но множество случаев, когда святые приходили на помощь еще живущим на земле людям, оказавшимся в беде. Когда наш современник, известный путешественник Федор Конюхов отправлялся в свое первое, тяжелое плавание, то на его проводы пришел владыка Павел, епископ Австралийский и Новозеландский. Епископ завещал, если будет тяжело, просить о помощи Господа Иисуса Христа, святых Николая Чудотворца и Пантелеимона Целителя: «Они тебе помогут». Во время путешествия Федор чувствовал, что ему действительно кто-то помогает. Однажды – на яхте не было автопилота – Федор вышел настраивать паруса и обратился к святителю Николаю с такой простой фразой: «Николай, держи яхту». Пока настраивал паруса, яхта пошла на переворот, и Федор закричал: «Николай, держи!» – а сам подумал: всё, перевернется. И вдруг яхта стала как нужно, пошла так ровно, как никогда, даже когда сам Федор стоял за штурвалом. Это было возле Антарктиды, где металлический штурвал обычно становился таким холодным, что приходилось надевать перчатки. А в тот момент, после молитвенного обращения к святителю Николаю и неожиданного выравнивания яхты, когда Федор Конюхов подошел к штурвалу, он оказался необыкновенно теплым.

Итак, святость – не декларация своей высокой нравственности, а сияние чистого сердца, стяжавшего Божию благодать. И святые – это люди, приобщившиеся небесной благодати, которая просвещает душу. От Бога они приняли дар

помогать еще живущим на земле. А молитва к святым способна помочь даже в самой, по земным меркам, безысходной ситуации.

Обман себя страшнее проказы: история наших дней

Наша жизнь полна загадок. То, что мы считаем вредным,

зачастую ведет к благу. А то, что считаем полезным, зачастую блага лишает. И даже когда Господь подает очевидное чудо и вразумление, за человеком остается право выбора, подчас такого неожиданного и непредсказуемого.

В 2006 году в храм одной южной епархии пришла 85-летняя старушка. Лицо ее, тщательно скрываемое платками, было покрыто страшными язвами. По изначальной своей вере Надежда Ивановна была лютеранка, но долгое время ходила к пятидесятникам, думая там обрести покой своей души.

В последние десять лет ее жизни с ней приключилась страшная беда: она заболела проказой (так, по крайней мере, она сама называла собственную болезнь, а справок с нее в храме, естественно, никто не требовал). Сведения эти звучат невероятно, но, вопреки распространенному мнению, на постоянной госпитализации находится лишь 35 % больных проказой, остальные лечатся амбулаторно и проходят диспансерное наблюдение – по преимуществу те, у кого уже нет активной формы лепры.

Как бы там ни было, но лицо больной женщины было изъедено заразой, специальные инъекции с трудом сдерживали распространение болезни, некрасивые язвы вводили ее в смущение. Женщина, заметившая страшный недуг слишком поздно, выбилась из сил и пришла в полное отчаяние. Не помогало ничего: ни лекарства, ни личная усиленная молитва, не помогло и возложение рук у пятидесятников, обещав-

ших сообщить ей Божию благодать и даровать быстрое исцеление.

Трудно сказать, как в ней родилось желание пойти именно в православный храм. Видимо, отчаявшись в помощи собственной конфессии, она готова уже была пойти куда угодно, лишь бы ей помогли. Но, может быть, на грани безысходности и внутреннего крушения надежд в ней пробудился зов и поиск чего-то более подлинного, не обманчивого, а голос совести, побуждаемый свыше, подсказывал единственно верное решение.

Еще она испытывала страх, тот самый страх, который испытывают многие на пороге храма, когда душа искренне жаждет сокровенной встречи с Богом, жаждет благодати, даруемой в Таинствах Церкви, но внутри души словно воздвигнут барьер, мешающий сделать этот решительный шаг, открыться на исповеди священнику, включиться в православное богослужение. Надежда Ивановна боялась, что она будет отвергнута, ее прогонят и не удостоят никакого внимания. Поэтому она предприняла следующий неординарный шаг. Утром, перед тем как окончательно решиться, она помолилась и, надеясь получить вразумление, по традиции местных пятидесятников наугад трижды раскрыла Священное Писание. И трижды ей выпало место, где женщина хананеянка, то есть язычница, а не израильтянка, смиренно просила Спасителя помочь ей исцелить ее одержимую дочь. Однако Господь испытывал веру хананеянки, поначалу даже не ответил

ей, а на ее очередную просьбу сказал: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Ведь женщина не была причастна Богоизбранному народу. Но и на такой достаточно строгий ответ та смиренно ответила: «Так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их». Тогда-то Спаситель и сказал ей в ответ: «О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему». Просьба хананеянки исполнилась (см.: Мф. 15: 21–28).

Конечно, очень не хотелось бы, чтобы кто-либо повторял такой способ, близкий к гаданию, но в данном случае Надежда Ивановна, находясь вне Православия, поступила именно так. Она восприняла евангельские слова как обращенные лично к ней, в том смысле, что, даже если она недостойна, ее все равно не лишат в православном храме хотя бы маленьких крох милостивой помощи. И уже внутренне ободренной она поспешила к находившейся неподалеку православной церкви.

Совершалась Божественная Литургия. Надежда Ивановна тихо встала позади всех, вслушиваясь в богослужение. И вот начали читать Евангелие. Каково же было удивление Надежды Ивановны, когда она услышала тот же самый текст о просьбе хананеянки, об испытании ее Спасителем и Его чудесной помощи в ответ на смиренную веру женщины!

В жаждающей душе Надежды Ивановны произошла перемена, она чувствовала, что во всем происходящем есть какое-то особое Божие действо. Теперь, вся в слезах, она подо-

шла к батюшке, вышедшему из алтаря для исповеди, и рассказала о себе всё как есть: болеет, хочет исцелиться, но долгое время ходила к пятидесятникам. В конце *она обратилась с просьбой: «Я верю, что Господь меня не отвергнет, хоть я и не принадлежу Православной Церкви. Пожалуйста, дайте мне Причастие»*. В своей просьбе она была горяча и слишком эмоциональна. Отец Димитрий выслушал всю ее историю со вниманием, а затем по-доброму, но достаточно твердо ответил: «Нет, вы не можете у нас причаститься, не приняв православной веры». Ведь первая эмоциональность с жадой причаститься во исцеление еще не говорит о твердом желании стать православной христианкой и жить согласно правилам Церкви. Однако батюшка проявил необходимое милосердие: «У нас есть образ святителя Николая Чудотворца, этот угодник Божий помогал многим страждущим. Я могу помазать вас святым елеем от лампы перед его святым образом».

Она согласилась. Заметим, что для человека протестантской традиции такое предложение священника было духовным испытанием, ведь протестанты не чтут ни святых, ни икон и тем более не молятся святым перед их иконами, сторонятся вещественных святынь, таких как святой елей от лампы. Женщина, почувствовав истину в словах батюшки, согласилась. И хотя над образом святителя Николая, только что привезенным, еще даже не был совершен чин освящения, отец Димитрий помазал больную елеем от находившей-

ся рядом лампы.

Она ушла умиротворенная и полная душевной радости: благодать Божия коснулась ее. Казалось, вдохновению ее предела нет и дальнейшее ее решение о выборе веры вроде бы предрешиено.

Появилась она через две недели. И что же? От прежней болезни не осталось и следа. Проказа или какой бы там ни был недуг – всё ушло.

Батюшка несказанно обрадовался, для него самого такое чудо тоже оказалось неожиданным. С самым искренним сердцем, ласково улыбаясь, он сказал женщине: «Вот видишь, Господь помог тебе именно в Православной Церкви, так что решай». Казалось, всё очевидно, Господь явил Свою милость, наглядно проявил действие Своей благодати в православном храме. Но здесь задумаемся. Ведь помимо Божиего действия есть еще и ответ, внутренний отклик самого человека на Божие призвание. А в данном случае ответ исцеленного человека оказался иным... Переминаясь с ноги на ногу, несколько виновато, со смешанными чувствами благодарности и нерешительности, Надежда Ивановна произнесла: «Да, вы правы, мне здесь помог Сам Господь. Но, батюшка, мне уже 85 лет, это не тот возраст, чтобы менять религию. Мне тяжело уже вносить какие-то кардинальные изменения в свою жизнь. Можно, я останусь так?» И чувствовался в этом какой-то самообман, обман самой себя, словно человек пытается спрятаться от Божиего зова, испытав обычный

земной страх перед жизненной переменой. Священник был удивлен, но не посмел переступить через желание сердца человеческого. На том они и расстались. Больше этой женщины батюшка в храме не видел.

Может быть, и пришла-то она только за тем, чтобы получить исцеление. А получив, ушла. Впрочем, кто знает, за последовавшее после этого время в душе ее могли произойти и другие, более отрадные перемены. Судьба этой женщины сокрыта для нас, но вряд ли Господь лишил ее последующих вразумлений.

Удивителен Божественный Промысл. Человеку иной конфессии, истерзанному болезнями, Господь подает исцеление в православном храме, тогда как многие православные страдают самыми тяжкими недугами и не исцеляются. Тем не менее они остаются и далее в Церкви. А лютеранка, долгое время ходившая к пятидесятникам, получила в православном храме исполнение своей самой большой просьбы, но не нашла в себе внутренних сил остаться здесь.

В этом заключается Божия мудрость: людей, крепких верой, воспитывать ко спасению их жизненными страданиями, а людям, не стойким в вере, свидетельствовать об Истине чудесной помощью и ослаблением их скорбей. Тем не менее, *призывая человека к Себе, в том числе посредством чудесного исцеления, Господь Бог не подвергает нашу свободную волю насилию.* Окончательный жизненный выбор человек всегда делает сам.

Жаль, что многим от Бога нужны телесное здоровье, комфорт, видимое благополучие, а не чистая вера и не спасение души в вечности.

**Бог рядом: живые истории
божественного промысла**
Часть 1. Неслучайные случайности

Тайна: Господь невидим, но присутствует рядом. Мы не видим Его, зато Он видит нас. Нам кажется, что вокруг всё происходит стихийно, а Он содержит весь мир Своим Всемогуществом и Премудростью.

Даже в дохристианские времена человек интуитивно чувствовал: над нами есть Некто, Кто над всем надзирает. Так, одно из дельфийских пророчеств, произнесенных спартанцам во время Пелопонесской войны, гласило: «Проси или не проси – Бог присутствует всегда». Итак, хотим мы того или нет, в мире есть Промысл Божий. Он участвует в нашей жизни всегда, независимо от нашего личного отношения к Богу.

Все знают о герое романа Даниеля Дефо Робинзоне Крузо, который прожил на необитаемом острове много лет. Но мало кто знает, что у этого персонажа был вполне реальный прототип – шотландец Александр Селькирк. В 1704 году он отправился в путешествие в Вест-Индию. Это была полупиратская экспедиция, так как в задачи экипажа входило грабить корабли враждебной Испании (слава Богу, что сделать этого не удалось).

Исполняя обязанности штурмана, Селькирк много спорил с капитаном относительно маршрута, хотел поднять бунт и в результате был высажен на необитаемом острове – с небольшим запасом еды, оружием, одеждой и даже Библией. Он надеялся, что вскоре кто-нибудь заберет его, так как на остров время от времени заходили корабли за пресной водой. Однако этого почему-то не случилось в течение четырех

с лишним лет. Селькирк полагал, что его одинокая высадка оказалась совершенно бессмысленной. На самом же деле она стала величайшим благом, поскольку корабль, на котором он плыл, вскоре потерпел крушение и почти никто не остался в живых. Так для Селькирка его одиночество было спасением, а заодно он, бывший пират, открыл для себя Библию: он читал ее каждый день, пока находился на острове.

Святитель Иоанн Златоуст говорил: «Заботясь о нашем спасении, Господь являет нам много таких благодеяний, о которых мы и не знаем, часто избавляет от опасностей и другие оказывает милости». То есть мы даже не знаем, сколько раз Бог ограждал нас от бед и несчастий. Мы не замечаем благодеяний Господа, тогда как Он неустанно печется о нас.

Промысл Божий – это живое действие Божие в мире, это неусыпное попечение Создателя о Своем творении. Сотворив мир, Господь не забыл о нем, подобно как некоторые птицы забывают своих едва вылупившихся птенцов. Но Творец участвует в нашей жизни, попуская нам то, что важно для нас именно в данный момент, хотя бы мы этого и не понимали.

С иеромонахом Аверкием мы встретились в Лавре в 2008 году. Как сейчас помню, он ходил с белым корсетом на шею и радостно улыбался. Про корсет скромно говорил: «Перелом шеи», но я не стал его особо расспрашивать: мало ли переломов бывает на свете. В Лавре отец Аверкий прожил семь месяцев, потом вернулся в Казахстан. И только недав-

но, когда я с ним вновь повстречался, вот что он поведал о той аварии.

Шел август 2008 года. Ехали из Алма-Аты на легковой машине. В автомобиле за рулем сидел мирянин. И еще, помимо отца Аверкия, в салоне находилась семья из трех человек: муж, жена и их двенадцатилетняя дочка, страдавшая эпилепсией. Все молились об исцелении этой девочки, ради этого, собственно, ехали – хотели посетить в России святые места, искупаться в святых источниках.

При переезде границы Казахстана с Россией отец Аверкий пересел вперед, где до этого сидела девочка. Таким образом, он, сам о том не догадываясь, спас девочку и принял главный удар на себя. Еще он читал Евангелие от Матфея вслух, Нагорную проповедь Спасителя, прочел 5-ю и 6-ю главы, подумал, что надо бы еще 7-ю главу прочитать, но от дороги утомился и незаметно для самого себя погрузился в сон. И вот после этого-то случилась авария – отец Аверкий словно провалился куда-то, в какую-то тьму.

Оказалось, что навстречу ехал КАМАЗ, у которого отсоединился прицеп и так вот со встречной полосы понесся прямо в лоб легковому автомобилю. Удар пришелся такой силы, что половину автомобиля просто снесло. Отец Аверкий получил перелом шеи и множественные раны, какой-то штырь вошел ему в шею рядом с сонной артерией. Когда его вытащили из автомобиля, то он, будучи в полушоковом состоянии, подумал, что в таких авариях, если повреждены жиз-

ненно важные органы, люди могут жить по инерции считанные минуты. Еще он вспомнил слова: «В чем застану, в том и сужу», в голове промелькнула мысль: если он сейчас умрет, то в чем же Господь застанет его? Он решил, что пусть это будет чтение Евангелия, нащупал книгу в кармане, достал, корочка Евангелия уже была оторвана. Открыл на первом попавшемся месте. «И будет тебе радость и веселие» (Лк. 1: 14), – прочел он первые же слова и воспринял их как обращенные лично к нему. Внутри наступил покой. А кровь стекала по лицу и капала, капельки падали на поля Евангелия, но, как потом он увидел, ни одна не попала на священный текст.

Потом их всех отвезли в больницу. И вот здесь-то произошло самое главное. Водителю КАМАЗа грозило уголовное дело. Чувствуя вину, он пришел в больницу и спросил: «Что я могу сделать для вас?» Отец Аверкий ответил, что ничего не нужно и что заявлять на него в милицию не собираются. У них завязалась беседа, и батюшка спросил, исповедовался ли тот когда-нибудь за свою жизнь. Оказалось, что водитель уже в прошлом допустил одну серьезную аварию, в которой погибли два человека, за это он отсидел какой-то срок, однако еще ни разу в жизни не исповедовался.

И вот наступил момент истины. Допустивший аварию водитель исповедовался прямо в больнице у пострадавшего от него священника. Ранее водитель и мысли не допускал об исповеди. А теперь застарелые согрешения покидали душу

через покаянное сердечное исповедание. Душа его была уже так расположена, что слова покаяния рождались из самого сердца. Водитель ушел с облегченной душой.

Оказывается, у Бога всё учтено. Нам со стороны может казаться полный хаос: всё рушится, летит, разваливается. Но и это вписано в Божий Промысл: каждый синяк и каждая наша шишка – всё имеет свой смысл и свое назначение. Потому что мы рождаемся в мире греха и нам с детства надо учиться терпеть боль, набивать себе шишки, чтобы возрастать зрелыми и опытными.

Божия премудрость и самые неприятные случаи обращает ко благу нашей души. Кто знает, может, упомянутая авария была попущена, чтобы спасти от духовной гибели виновного в аварии водителя. Но каждый получает от Бога свое. К слову, все пострадавшие достаточно быстро поправились. И что самое удивительное, у девочки после аварии исчезли приступы эпилепсии.

Промысл Божий – это промышление, забота наперед. Как труженик любого земного промысла, например рыболовецкого, должен наперед знать, что и в какой момент понадобится, когда готовить снасти, в какое время выходить в море, когда отдыхать, а когда трудиться не покладая рук, кого брать с собой в плавание, а кого не допускать для его же собственной пользы, кого-то, может быть, высадить с судна перед самым плаванием ради его же блага, вот так и Господь Бог заранее промышляет о нашей жизни. Он знает, кого на

какое место поставить, кому подать какие блага и в какой мере, кого-то к благам не допустить вообще, а кого-то вовремя убрать из этой жизни ради его спасения и ради пользы других людей. И это значит, что при всем нашем человеческом хаосе нет бесконтрольных ситуаций.

В Божиих руках здоровье и болезнь, жизнь и смерть, страдания и их преодоление. А. И. Солженицын в заключении заболел онкологией, но, вопреки ожиданиям медиков, злокачественная опухоль исчезла. Господь даровал ему исцеление, чтобы он после болезни еще полвека служил России. А иногда наоборот, мы молимся и просим исцеления, но Господь все равно забирает человека, потому что пришел час переходить в лучший мир.

И значит, что если ты чего-то не достиг, не поступил туда, куда хотел поступить, не встретился с человеком, который тебе так нравился, не смог реализовать какие-то свои планы, то это Бог ведет тебя по другому, более нужному и полезному для тебя пути, хотя принять это порой очень больно и горько.

Промысл Божий может вести человека самыми таинственными, непонятными для него путями. Отчасти это прозревали святые. Вот незамужняя девушка жалуется блаженной Ксении Петербургской, что никак не может встретить вторую половинку. Святая однажды дала ей очень странный совет: «Иди скорее на кладбище, там муж твой свою жену хоронит». На самом деле слова оказались не юродством, а бук-

вальным отражением жизненных реалий. Девушка поспешила на кладбище, где увидела молодого вдовца, только что похоронившего жену. Девушка поддержала его в его скорби, они настолько прониклись друг другом, что затем сами создали семью и жили в глубоком одинодушии.

А вот такая ситуация произошла у нас в Николо-Угрешской семинарии. Из Коломенского выехала в нашу обитель экскурсионная группа. Но руководитель группы заболела и попросила молодую девушку Наталью подменить ее на время этой поездки. В монастыре группу должен был встречать экскурсовод, но тоже заболел и попросил студента семинарии Стефана провести группу по монастырю. Как только Стефан увидел глаза Натальи, так сразу понял: вот, это моё. Они создали прекрасную семью, Стефан стал батюшкой. А ведь вроде бы случайность – оба по просьбе подменили заболевших товарищей. И вот так соединились две судьбы, хотя встретиться они никак не должны были. Ясно, что это совершилось по особому Божиему водительству.

Значит, всё в Божиих руках. Если что-то не получается – у Господа есть о нас какой-то Свой план. Наша задача – вверить себя, своих близких, свой жизненный путь в руки Божии. Душа часто страдает больше от переживаний, нежели от реальных бед. Но если помнить, что самые беды – лекарство от лечащего нас Врача – Бога, то и это возможно принять как то, что нам важно пройти.

Блаженная Матрона Московская, подбадривая в тяжелых

ситуациях, говорила: «Возят дитя в саночках, и нет никакой заботы. Господь Сам всё управит!» Господь нас везет по жизни как на саночках, Он Сам знает, куда и как повернуть нашу жизнь.

Конечно, это не значит, что нужно бездействовать. Господь дал нам руки и ноги, значит, мы должны ими пользоваться. Бог дал нам голову, значит, прежде чем что-то сделать, надо подумать. Нам даны какие-то способности и дарования, значит, их надо реализовывать. *Господь ждет от нас деятельного соучастия, чтобы мы ткали нить своей жизни из того материала, который нам подает Бог.* И кто-то из этой богоданной нити сплетает чудный узор жизни, который радует всех вокруг, а кто-то из нее же сплетает петли другим. Один употребляет данные ему Богом творческие способности для развития себя и созидания всего вокруг, а кто-то те же способности умудряется аккумулировать, чтобы самым изощренным образом добыть себе бутылку водки.

Конечно, каждый человек свободен в своем жизненном выборе. Но, даже выбирая что-либо, будь то доброе или злое, и тем самым влияя на жизнь свою и окружающих нас людей, мы все равно включены в Божию заботу о мире. Господь управляет жизнью людей, премудро учитывая наше волеизъявление. Когда поезд едет вперед, то все находящиеся в нем занимаются каждый чем хочет, но поезд движется по определенному маршруту, и управляет им машинист.

Промысл Божий охватывает всю нашу жизнь, несмотря на то что многие внешние обстоятельства, чужое вмешательство в нашу судьбу, да и наши личные ошибки, как кажется, слишком существенны, чтобы допустить участие Божие в нашей жизни. Непостижимым образом Божественный Промысл учитывает наше «хочу – не хочу».

В XIX веке был знаменитый миссионер, который обратил

ко Христу многих язычников на Аляске и Алеутских островах, – святитель Иннокентий (Вениаминов). Однажды, прибыв на остров Ситху, он наметил в своих планах выехать с проповедью к местным жителям – колошам, но не смог; потом вновь было собрался, но обстоятельства помешали; еще раз начал готовиться, укорял себя за нежелание ехать и все же вновь промедлил. В итоге же оказалось, что он не выехал на пользу собственной миссии, потому что у колошей как раз в тот период началась оспа и, если бы святитель приехал, язычники посчитали, что болезнь связана с его появлением. Колоши пытались заразить русских, но оспа не трогала их, поскольку русские были привиты, и тогда колоши сами попросили помощи. Многим из них была спасена жизнь, после чего когда-то враждебные к русским колоши стали прислушиваться к проповеди святителя. Впоследствии святой Иннокентий сам говорил, что чувствует всю свою жизнь, как его ведет Промысл Божий.

Почему так важно подмечать в жизни действия Промысла Божия? Потому что это наглядно показывает, что Господь рядом с нами, Он участвует в нашей жизни и наша вера – не теоретическое умствование о бесконечно далеком Боге, а живая связь с заботящимся о нас Небесным Отцом.

**Бог рядом: живые истории
божественного промысла**
*Часть 2. В нужное
время в нужном месте*

Мы не видим и не осознаём Божией заботы о нас, как и вынашиваемый мамой малыш не представляет, что вся его жизнь – от матери, ибо сам он – в ее лоне. Еще не родившемуся малышу и в голову не придет, что со временем он появится на белый свет и увидит родную маму. Так и нас вынашивает Бог, Он нянчится с нами всю жизнь, как мать нянчится с капризным ребенком, и Он очень ждет, что мы, духовно созрев за время земной жизни, перейдем к истинной жизни и увидим Его.

Иногда Господь проявляет Себя очевидно и явно, а иногда – таинственно и для мелкого ума человека непостижимо. В том и другом случае человек еще здесь, на земле, прозревает Божие присутствие.

Явное вмешательство – всем известное обращение ко Христу гонителя Савла. Яростный враг Христа, одобрявший убиение Стефана Первомученика, ставил целью искоренить едва зародившуюся веру Христову. Не удовлетворившись жесткой зачисткой в пределах Иудеи, он направился в Дамаск с заверительными письмами, позволявшими хватать христиан. Неожиданно с неба его осиял свет – ибо «Бог есть Свет» (1 Ин. 1: 5) – и раздался голос: «Савл, Савл... Я Иисус, Которого ты гонишь; трудно тебе идти против рожна» (Деян. 9: 4–5). Непосредственное вмешательство Божие соделало Савла искренним учеником Спасителя, первоверховным апостолом Павлом.

Но явное чудо дается не всем. Господь участвует в нашей жизни, сплетая нить вроде бы естественных событий самым непредсказуемым для нас образом. Очень близкий мне диакон Вадим, занимаясь социальным служением, как-то пересекся с пожилой женщиной Валентиной Кронидовной. На тот момент ей было 76 лет. Она являлась ветераном войны, имела орден за то, что после бомбежки спасла из-под завалов какого-то высокопоставленного человека, о чем сохранилась заметка в газете от тех давних лет, где говорилось, что ее наградила сам Сталин.

Валентина чем-то болела, отец Вадим предложил ей исповедоваться и причаститься, сказал, что рядом храм, и пытался напомнить: «Вы же ветеран войны, в окопах-то неверующих нет», но Валентина Кронидовна засмеялась и решительно ответила: «Молодой человек, не морочьте мне голову, никакого Бога нет. Я ветеран войны, прошла войну без каких-либо ранений, пережила голод в Ленинграде... И что вы мне об этом можете рассказать? Мне ничего не надо». Еще Валентина добавила, что ее удивляет, как люди вообще идут причащаться, почему у них нет брезгливости вкушать «с одной ложки»?

Прошло десять лет. Отец Вадим поехал со своим другом-священником в военный госпиталь в Измайлово причащать больную. В палате отец Вадим заметил совсем иссохшую старушку и поразился ее худобе. После Таинства, когда они уже спускались к выходу, совершенно случайно в ко-

ридорах госпиталя им встретилась родственница Валентины Кронидовны. Она узнала отца Вадима и подошла. Оказалось, что Валентина, которой было уже 86 лет, находилась в госпитале в крайне плохом состоянии, – собственно, она и была та самая иссохшая старушка. Чтобы разминуться с родственницей, достаточно было каких-то секунд, но Бог устроил встречу в нужном месте в нужный час. Вернул их в палату, чтобы вернуть душу Валентины Небесному Отцу. В дароносице каким-то чудом оставалась еще одна частица Святых Таин.

К этому моменту врачи не знали уже, что предпринять: некогда мужественная женщина, герой страны, Валентина испытывала жуткий страх, боялась находиться одна и спать с выключенным светом. Но в душе ее происходила и более радостная перемена, священнослужителям она сказала: «Мне страшно умирать. Вся моя жизнь прошла впустую». Находившиеся рядом родные стали ей возражать: сколько, мол, ты достигла за свою жизнь и сколько всего у тебя есть, включая правнуков. Валентина ответила: «Всё это меня не радует, и я сожалею, что в свое время одному молодому человеку (отца Вадима она не узнала) сказала, что Бога нет, что я могу обойтись без этого. Я очень хотела бы успеть покаяться». Так переосмыслила она ту вроде бы совершенно несостоятельную встречу. Господь устроил так, что Валентине был дан последний шанс, и отец Вадим, сам того не ожидая и поначалу не узнав ее, оказался в ее палате.

Священник, находившийся с диаконом Вадимом, принял исповедь сразу же. Она исповедовалась, как он вспоминал, от самых глубин своего прозревшего сердца, слезы текли из глаз бывшей коммунистки, а сердце очищалось от застарелых грехов. Валентину причастили Святых Таин. И вот здесь произошло то, на что можно было бы и не обратить внимания, вроде бы и ничего особого. Погода была пасмурная, собиралась гроза, всё померкло. В палате хотели зашторить окно, но Валентина неожиданно сказала: «Откройте окно. Я вижу свет». Глаза ее были умиротворенно-радостные, она как будто что-то прозрела, а все мучившие ее до этого страхи исчезли, словно их никогда и не было. Человек, которому открылся Свет, и сам становится светлым.

Валентина Кронидовна еще рассказала о своей жизни, о том, что пережила и что совершила, но при этом вновь подтвердила: «Я сожалею о том, как жила, мне нечего вспомнить. Сейчас самая моя большая радость, что ко мне пришли священники. И мое сердце никогда не испытывало такой радости, как сейчас. Если будет у вас возможность, пожалуйста, придите еще завтра». Врачи ворчали на священнослужителей: мол, что вы мешаете больным, слишком долго всё это длится, слишком много всего в вашем чине. Но они всё равно пришли, совершили таинство Соборования. А после этого – не прошло и пяти минут – Валентина мирно посмотрела на них и закрыла глаза – ее душа перешла в иной мир.

Вот так неисповедимым Своим Промыслом Господь при-

звал к Себе душу в самый последний момент ее земной жизни – посредством совершенно случайной встречи ее родственницы со священнослужителями. Эта встреча восполнила ранее бывшую встречу, безбожие ушло, а в сердце воцарилась вера. Простая советская женщина Валентина Кронидовна сподобилась, насколько Господь позволил, узреть тот же Божественный свет, который некогда осиял гонителя христиан Савла.

В Евангелии, в притче о Царстве Небесном, уподобленном семени, брошенном в землю, сказано: «Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» (Мк. 4: 29). Господь забирает душу тогда, когда она созрела для вечности, когда ей даны были возможности обратиться к Нему, и в рассмотренном нами случае душа реализовала самый последний шанс.

Что же еще сказать? Хотя Бог провидит и участвует в жизни людей, но часто не вмешивается в нашу жизнь видимым образом, чтобы свободная воля людей могла осуществлять добровольный выбор. *Промысл Божий означает, что на каждом этапе нашей жизни Господь ставит нас в такие условия, при которых мы могли бы сделать свободный выбор в пользу добра, правды, справедливости и через это восходить к Небесному Отцу.*

На самом деле Промысл Божий ставит каждого конкретного человека в такие условия, в которых лучше всего проявится его личное самоопределение в отношении спасе-

ния. Вот чего мы на самом деле хотим: добра или зла, вечной жизни или временных благ? В жизни нам неоднократно дается возможность познать свои немощи, несовершенство, греховность, а отсюда и признать необходимость Спасителя. Однако принятие Его может быть исключительно добровольным, и потому далеко не все обращаются к Нему.

Но мы привыкли оценивать смысл чьей-либо жизни с позиции насыщенности событиями, личных достижений, вклада в общественное благополучие. И если мы этого не видим, то кажется, что жизнь человека не имела какого-то особого значения, словно лишена благословения Божия. На самом деле *жизнь любого человека – дар Божий, и осмысливается жизнь не тем эффектом, какой она производит на окружающих, а своей связью с Богом.*

А еще нам часто кажется, что многое из случившегося было пустым и ненужным. Вот дай возможность, взял бы и переписал заново свою жизнь. Реальную жизнь мы воспринимаем как плохо написанный черновик: я и здесь бы, и здесь выправил, создал бы такой правильный, идеальный вариант своего жизненного пути. В жизни всё кажется как-то не так. Но Бог нас ведет именно по этому конкретному пути. И Он рядом с нами такими, какие мы есть на самом деле. Самые ошибки, скорби, болезни Он попускает нам с какой-то не всегда понятной нам целью.

В дневнике святой императрицы Александры Федоровны есть удивительные слова: «Мы знаем, что когда Он отказы-

вает нам в нашей просьбе, то выполнение ее было бы нам во зло; когда Он ведет нас не по той дороге, которую мы наметили, Он прав; когда Он наказывает или исправляет нас, то делает это с любовью. Мы знаем, что Он всё делает ради нашего высшего блага».

В мозаике каждый камушек или кусочек смальты сам по себе вроде бы мало что значит. И можно подумать: что в нем такого особенного и какой смысл от этого мелкого, ничего не значащего камушка? Но именно из таких мелких камушков мозаичист выкладывает величественный образ. Так и мелкие события нашей жизни – это камушки, из которых Бог выкладывает мозаику нашей жизни. Но, чтобы понять мозаику, надо смотреть на нее, не прижавшись лицом к полотну, а лишь глядя на нее с расстояния.

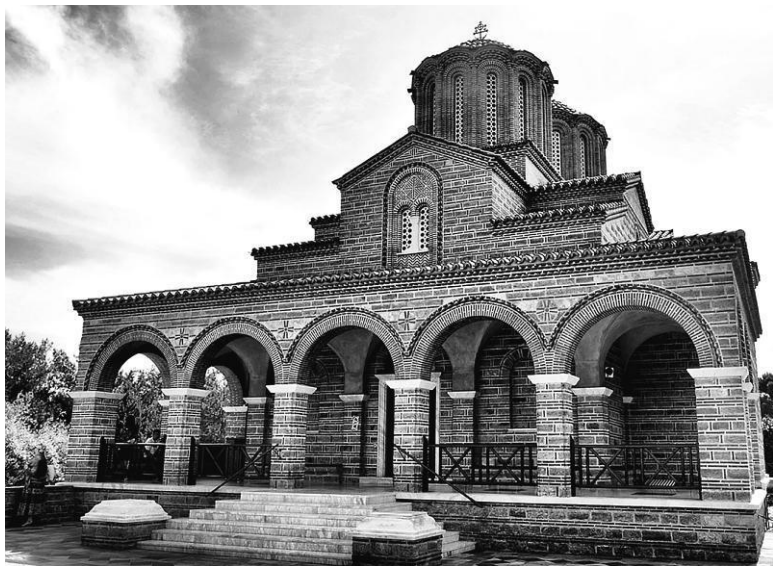
Проходит время, и спустя много-много лет мы вдруг понимаем, что раньше были как будто Кем-то хранимы, Кто-то уберегал нас от ложных шагов, спасал из безвыходных ситуаций, ограждал от опасностей. И если нам попускалось пасть, то лишь для того, чтобы мы извлекли из этого какой-то важный урок. Промысл Божий понимается на расстоянии.

Лишь очень дальновидные люди, способные глубоко относиться к жизни, а не сосредотачивать внимание на сиюминутном, могут сразу прозревать Промысл Божий и предугадывать Божии пути. Вряд ли мы к таким людям относимся. Поэтому лучше смиренно принимать то, что нам подается в жизни, помня, что всё это дается от Бога.

Время от времени мне как священнику встречаются люди, пережившие клиническую смерть. Один из них рассказывал, что, оказавшись уже в том мире, он увидел со стороны свое тело, увидел врачей, пытавшихся что-то сделать, потом оказался где-то еще и перед его взором была прокручена вся его жизнь. Ему было показано, что во всем, что с ним случалось, не было абсолютно ничего бессмысленного, даже какие-то бытовые ситуации, даже то, что вроде бы не приносило никакой жизненной пользы, какие-то встречи, – ничто не было случайно, потому что во всем этом тоже проявлялся Промысл Божий.

Знакомый священник, протоиерей Виктор, служил в простом сельском храме Ярославской епархии. Он не имел личного транспорта, передвигался на попутках. Обычно, когда он голосовал на обочине, его всегда подвозили. Однажды мимо пролетела пустая иномарка, так что отец Виктор даже пожалел, что не сел в нее. Потом его взяли в машину, набитую людьми, и через какое-то время он увидел иномарку в кювете. Так Господь наглядно показал, что уберег его от комфортного автомобиля и что нужно благодарить Бога за то, что подается тебе.

А однажды отец Виктор сел в машину, в которой ехали супруги, он разговорился с ними, и оказалось, что они собирались делать аборт. Сам не зная почему, отец Виктор сказал: «Не делайте этого. Родится у вас мальчик – будет вам таким утешением!» Потом отец Виктор высадился у родного села.

Занялся привычным служением и выездами на требы. Прошли месяцы. А потом ему вдруг стали приходить посылки с продуктами и фотографиями. Оказалось, что подвозившие его супруги послушались, у них действительно родился мальчик и стал для всех необыкновенной радостью и утешением. Так Господь спас жизнь малышу, а его родителей спас от страшного греха убийства, устроив вроде бы случайную встречу с батюшкой, который, сам не понимая как, предсказал им рождение сына.

В завершение хочется вспомнить известного старца –

преподобного Паисия Святогорца. Одно его духовное чадо, Афанасий Раковалис, писатель из Салоник, рассказал, какое чудо произошло с ним незадолго до кончины старца. Афанасий иногда забирал преподобного Паисия со Святой Горы, и они ездили в греческое селение Суроти. Это занимало два-три часа езды на машине. По дороге они всегда общались, обсуждали разные вопросы. Однажды Афанасий спросил старца: «Отче, а Бог, Он Какой? Расскажи мне что-нибудь о Боге, Какой Он из Себя?» Афанасий ожидал какого-то ответа, что старец скажет: Бог такой и вот такой. Но вместо этого старец Паисий склонил свою голову, стал молиться. Как вспоминает Афанасий, молился он недолго, меньше одной минуты, но очень глубоко, а затем... Вот как говорит сам Афанасий: «Вдруг неожиданно, словно разверзлось небо, раскрылась моя душа. Я вел машину, место было высокое – серпантин. Неожиданно я начал чувствовать Бога: в машине, в самих холмах, в звездах, в галактике – повсюду я ощущал Бога. Я раньше испытывал беспокойство по поводу всего происходящего вокруг нас, в мире, как и что с нами будет. В тот момент я понял, что всё это в руках Бога. Ничего, даже маленький листок, не шелохнется без воли Самого Бога».

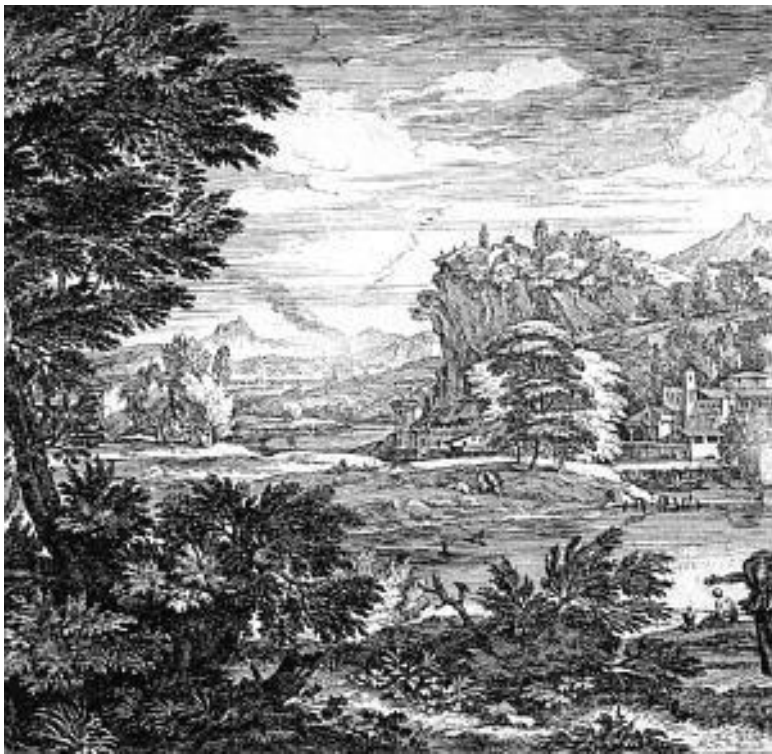
И это значит, что, *где бы ты ни оказался, всюду ты свой, ибо Господь Бог везде и Он заботится о тебе, как отец о ребенке.* Это значит, что надо рассуждать не о врагах или происках демонов, не о том, что кто-то пытается навести на те-

бя порчу и сглазить, а о том, что везде есть Господь, Он всё держит в Своих руках, а бесы без Его позволения не могут войти даже в свиней.

Человек проходит жизненный путь, обретая опыт и различные навыки. Конечно, это его личный путь, он сам его совершает. Однако ведет человека по этому пути Бог, как ведет родитель по дорожке маленького ребенка, учащегося ходить.

Бог премудро и милостиво заботится, промышляет о целой Вселенной и особенно о Своих пусть даже и непослушных созданиях – людях, стараясь направить их жизнь ко благу и вечному спасению души.

Рай: жажда изгнанника

Мы тоскуем о нем, хотя даже не догадываемся, что наша тоска – именно о нем. Без него мы как без дома родного, вечные скитальцы, безпризорники, погорельцы, но почему-то

так и блуждаем вовне. Он влечет нас к себе, но никто из нас его не ведает. Даже апостол Павел признался: не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его (1 Кор. 2: 9).

И всё же нам дается чувствовать его и, чувствуя, тосковать.

Он отражается в чистой, беззаветной улыбке ребенка, счастливо улыбающегося своим беззубым ртом родимой маме. Он прозревается нами в утренней заре, в чудном пении птиц, в переливах бесчисленных оттенков девственной природы. Его мы самым сердцем ощущаем в неподдельной, самозабвенной любви к любимым и любящим. Везде, где есть отблеск чистой, невинной любви, ощущается Рай.

Рай есть, потому что есть Бог.

Без Бога рай – это ад, обустроенный со всех сторон земным комфортом, украшенный гроб с жуткой смертью внутри. Без Бога человек – сирота, с вечной тоской в душе, пустотой в мыслях, отчаянием в глазах. Много раз строили этот «рай» на земле, но оставались ни с чем, ибо создавали без краеугольного Камня.

Библия – Откровение Божие – начинается с Рая и завершается Раем, потому что Господь всё начатое доводит до конца. И по завершении судеб мира Божий Рай – это Воскресение, Небеса, преображение мира земного, вечная жизнь с Небесным Отцом. «Жаждущему дам даром от источника воды живой. Побеждающий наследует всё, и буду ему Богом, и

он будет Мне сыном» (Откр. 21: 6–7).

Рай, конечно, не в том, что всего было много в Божием саду, о котором речь в книге Бытия, а в том, что у Бога всегда преизбыток всякого блага. Твой ум, сердце, самые сокровенные глубины души в Раю насытятся Божиими благами, которым предела нет, как нет предела Самому Богу.

Итак, Рай есть, потому что есть Бог. Собственно, Бог – Он и есть высшее Благо, Радость, Любовь, Мир, Жизнь нескончаемая. Где Свет, там нет тьмы. Где Любовь, там нет злобы и ненависти. Где Бог, там блаженство и счастье, там полнота всего доброго и прекрасного.

Но Рай есть не только потому, что есть Бог, а потому, что Бог есть Любовь (1 Ин. 4: 8).

Вот представим: если мы сами кого-то любим всем сердцем, в ком не чаем души, разве мы не желаем тому всецелого счастья, блаженства, добра, то есть фактически Рая и райских благ?

Рай – это объятия Божией любви, тепло Божией заботы. В первозданном Раю сотворенных людей со всех сторон обымала Божия любовь. Это как теснейшая близость чад с любящим Родителем, родных с Родным, своих со Своим. Первозданный, сотворенный Господом мир – это и были объятия Божии, в которые Господь милостиво поместил создание Свое – человека.

В объятиях любви растапливается холод сердца. А в Раю всё дышало Божией любовью, согревалось и жило ею. Нена-

висть и холод, зло и несправедливости появились лишь тогда, когда люди сами отсекали себя от Любви. Рай не может быть в сердце, которое предает. Точнее – сердце предателя само покидает Рай, как покинул Иуда Христа, как он поспешил к гибели прямо с Таинства причастия Раю.

Поэтому *Рай, если сказать просто, есть жизнь с Богом*, гармония творения с Творцом, единство души и благодати Духа Святого. Кто с Богом, тот и в Раю, – вот весь секрет счастливой жизни. Где царствует Бог, там и наступает Рай. Вот в душах наших когда воцарятся не раздражение и обиды, не злоба и эгоизм, а смирение, чистая любовь, бескорыстие, верность Божией воле, то так и приблизится Рай к душе, то самое Царствие Божие, которое внутри вас есть (Лк. 17: 21).

Да, апостол Павел признался: не приходило то на сердце человека, что уготовал Бог любящим Его (1 Кор. 2: 9). Но он тут же добавил: нам Бог открыл это Духом Своим; ибо... мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога (1 Кор. 2: 10, 12). В словах апостола нет тоски, в них – не задумчивое сожаление о недоступном, в них – желание поделиться радостью личного созерцания. А еще в этих словах нам дается разгадка, в них – тайна отверзения дверей Рая.

Во-первых, Бог уже приготовил Рай. В доме Отца Моего обителей много, говорил Он Сам (Ин. 14: 2). Изобилие благ, причем даром: принимай, сколько хочешь, сколько ты способен вместить.

Во-вторых, Бог приготовил Рай любящим Его. Он уготовал нам Рай по преизбытку любви, но как мы сами попадем в Рай, если будем чужды любви? Как быть рядом с Любовью, если ты сам весь – ненависть, злоба, негодование? Рай там, где Бог. А Бог пребывает там, где живут и действуют добро, чистота и любовь.

Зная это, попробуем создать свой уголок Рая еще здесь, на земле. Не «рая» технократии, а Рая, в котором царит любовь к Богу, к людям, ко всему сотворенному миру. Если ты будешь делать добро, то такая жизнь уже здесь становится Раем. Добру противостоит злоба, и такая душа уже здесь испытывает мучение.

Чем отличаются Рай и ад? Собственно, ад – это душа, замкнувшаяся на себе, на своих личных потребностях, проблемах и переживаниях. Она никого не впускает в себя, и Бог остается вне мрачных глубин этого печального омута. Рай же населяют те, кто по образу Христа имеет жертвенную любовь, кто не замыкается на себе, но одаряет других. Открыть себя Богу и ближним – вот подлинный Рай. Таковы все святые, таков любой небожитель, и если ты не таков, то Небо существует не для тебя.

Раю противоположна вражда. В Раю не может жить тот, кто враждует. Если ты исполнен к кому-то злобой, ненавистью, не хочешь видеть его в Раю, то как же сам попадешь в Рай с такой страшной душой?

Вот в детстве мне дедушка драл уши, и я на него очень злился за это. Потом дедушка умер, и наша спокойная жизнь в деревне быстро закончилась. А теперь я очень хочу, чтобы дедушка был в Раю. И какая мне радость, если дедушка не будет в Раю? Какое мне утешение, если кто-то страдает и мучается? И если бы меня кто спросил, чего я хочу больше всего на свете, то отвечу: «Больше всего на свете я хочу встретить свою семью и всех своих близких в Раю».

Выскажу, наверное, крамольную мысль. Даже если сам я попаду в ад, но увижу, что любимые мною люди оказались в Раю, то этому я несказанно обрадуюсь. Хотя бы спаслись они – это уже радость и счастье. Но в таком случае ад для меня уже будет не ад, ведь в душе останутся утешение и отрада – в том, что ты любишь другого и радуешься за него. Ад исчезает, когда мы храним чистую, искреннюю любовь к другому. Да и собственно ад – это лед нелюбви, холод ненависти. Он растапливается тогда, когда сердце согрето теплом любви.

Первозданный Рай был подобен чистому и невинному детству. В детском возрасте все хороши и прекрасны. Посмотрите на маленького тигренка или львенка! Как они милы и невинны, никого не трогают, не обижают – напротив, сами нуждаются в защите и материнской ласке. Так и в Раю:

никто, даже самый взрослый хищник, не причинял никому страданий, но все находились под благодатным покровом милующего всех Творца. В первозданном Раю все были чисты и невинны, но еще не знали, что такое соблазн, к какой катастрофе приведет доверие соблазну.

Что такое ад? Ад – это когда до нестерпимости плохо от твоих же собственных грехов. Когда ты сам сделал так, что хуже некуда. Даже если никто вокруг не видит, внутри изъедает тебя, и если ты расстанешься с телом, то душа будет гореть этим огнем твоих же собственных грехов. Но и в этот ад снисшел Христос, потому что Он искупил грех человеческий.

Бог есть Любовь. А в чем эта любовь? Любовь в том, что Христос пошел за человеком в самые глубины преисподней. И потому теперь Рай – это Рай спасенных из ада, Рай расставшихся с грехом через покаяние.

Первые люди не знали в Раю, что с ними будет, если предадут они Бога. Теперь в Раю люди знают опыт мучения – плод разлуки с Богом, и потому райское блаженство ценится в бесконечно большей степени, как ценится сладкое после горького, чудесно дарованное здоровье после смертельной болезни, радость воскресения после смерти и тления.

Чистый дар принимается только чистой душой. Чтобы попасть в Рай, надо обрести райские качества. А райские качества – они все те, что у Владыки Рая – Христа. В этом смысле *двери Рая – это Евангелие, где запечатлен образ Христа, где*

Он Сам говорит, какими мы должны стать, чтобы быть вместе с Ним.

Бог любит всё красивое. Он создал мир красивым. Он дарует всему красоту. Даже осенние листья, упавшие с дерева, огненно-красные или солнечно-желтые, и те красивы. Поэтому человек, созданный по образу Божию, тоже любит только красивое.

Мы все любим, когда даже простое земное дело вполне красиво и гармонично. Чтобы дома стояли в соразмерном сочетании друг с другом и вечером мерцали тихими огоньками окон. Чтобы улицы были украшены, а на тротуарах не валялась никакая грязь.

Простая сельская бабушка, которая на своем дворе сажает цветы, и та старается создать уют, тепло, красоту. Так всякое земное дело, выполняемое честно и ответственно, отражает в себе жажду гармонии утраченного Рая.

Но Рай – это не только красота и гармония всего, что вокруг, а прежде всего это Царство Любви. Любовь и дарует внутреннюю красоту и гармонию.

Если в семье ты созидашь любовь, если победишь эгоизм, а в центре семьи – общение с Богом, то, значит, и здесь, в своем маленьком уютном земном уголке, ты созидашь свой маленький рай как отблеск Рая Небесного.

Помолимся друг о друге, чтобы всем нам попасть в Рай. Помолимся обо всех: кто нас любит и кто ненавидит, кто познал Бога и кто еще не познал, кто старается жить духовной

жизнью и кто не сподобился этого. Бог знает Сам, как вести человека в Рай.

И что нам радости, если кто-то погибнет? Спасаться надо всем, кого Бог сотворил.

Даже лютым врагам пожелаем сподобиться райских благ через причастие Богу. Может быть, тогда и наше сердце почувствует, что же такое Рай.

Мог ли Христос не родиться?

Мог ли Христос не родиться? Казалось бы, странный вопрос. Предвечный Совет и откровения древних пророков, чаяния народов и обетование о семени Жены, стирающем

главу змия, — мы привыкли к этим истинам, как к путеводным звездам на небе. Но разве Бог подвержен фатуму? Разве над Воплощением Сына Божия тяготела судьба или ничем не изменяемый рок?

Бог абсолютно свободен — никто не довлеет над Ним, ничто не может быть навязано Ему извне. Кто уразумел дух Господа, и был советником у Него и учил Его? С кем советуется Он, и кто вразумляет Его и наставляет Его на путь правды? (Ис. 40, 13–14). Он тверд; и кто отклонит Его? Он делает, чего хочет душа Его (Иов. 23, 13). Бог мог не творить наш мир, не родиться на земле как человек, не страдать за все наши грехи и падения.

Однако в Священном Писании нам открыто: Бог есть любовь (1 Ин. 4, 8). Он есть Любовь неизреченная, всеобъемлющая, жертвенная. Вспомните близкого человека, который вас по-человечески беспредельно любил, не чаял души, согревал теплым взглядом, готов был сделать для вас всё, но и такая любовь — лишь блеклая тень любви Божией. Самая чистая человеческая любовь, бескорыстная и самоотверженная, — лишь слабое отражение любви Божией, неизреченной любви Неизреченного.

А разве может подлинная любовь остаться невоплощенной?

Истинная любовь не пребывает пассивной, не сосредоточена на себе, всегда обращена к другому, непременно в чем-то выражается. Если ты сидишь дома, закрывшись от всех, и

при этом думаешь, что всех любишь, то ты глубоко ошибаешься. Это не любовь, а эгоистичное самоуспокоение, себялюбие. Любовь не даст тебе успокоиться, пока ты не поможешь тому, кого любишь. *Любовь непременно воплощается в каком-либо действии ради любимого:* пожертвовать своим временем, силами, даже просто подарить цветы. Подлинная любовь не может быть умозрительной, она непременно воплощается.

Один подвижник благочестия рассказывал о своем детстве: он сильно заболел, вплоть до угрозы смерти, и его мама, переживая, от самого сердца сказала отцу: «Я готова отдать себя на растерзание, только бы он выздоровел». Такова любовь подлинная, жертвенная, когда ты готов воспринять участь того, кого любишь, отдать свое здоровье, благополучие, самую жизнь, не ожидая взамен ничего, – лишь бы спасти того, кто погибает. Святитель Василий Великий как-то произнес удивительные слова: «У любви два примечательных свойства: скорбеть и мучиться о том, что любимый терпит вред, а также радоваться и трудиться о пользе его». Подобная любовь у людей существует лишь по образу любви Божией. Святые отцы сравнивают Божественную любовь с переполняемой чашей. Такая любовь не знает границ и пределов, и потому она изливается через край.

Высшая любовь – жертвенная, когда ты готов взять на себя участь того, кто страдает, кто оказался в беде, когда ты готов понести его ношу. Бог есть Любовь, и эта Любовь воплотилась. *Бог-Любовь воплотился в прямом смысле слова, приняв плоть человека. Он ради человека Сам стал человеком.*

В этом – главная тайна христианства.

Всеведущий и Всемогущий становится младенцем, сначала лишь плачущим и лепечущим, проходящим все ступени человеческого возрастания. Тот, кто содержит весь мир

Своей Божественной десницей, полагается в яслях и пеленается в простые бедные пелены, принимается на руки Матери и нуждается в Ее теплой заботе. Тот, Кто по Божеству неописуем, принимает, как человек, участие в переписи населения.

В этом парадокс и антиномия: необъятный, безграничный, вечный и всемогущий Бог становится маленьким Малышом, Которого на руках убаюкивает Мать. Превышающий всё в этом мире и потому ни в чем не нуждающийся становится таким же, как все, человеком, с теми же потребностями, нуждами, голодом и жаждой, необходимостью пополнять свои силы.

Он делает это для того, чтобы понести на Себе всё, что несем мы. Стать с нами в один ряд, понести ту же ношу, а на самом деле – чтобы навсегда от этой ноши скорбей освободить. Святитель Иоанн Златоуст воспел тайну Воплощения в таких словах: «Любовь Сына Божия низвела с небес к нам на землю. По любви Бестелесный воплощается, Безначальный начинается, Сын Божий делается Сыном Человеческим; любовью устрояется всё дело спасения: упразднена смерть, низложен диавол, Адам возвращен в рай, Ева стала свободной; любовь соединила Ангелов и людей во едино стадо, любовь разрешила клятву, отверзла рай, прояснила жизнь, обещала Царство Небесное».

Люди мучаются из-за своих грехов, но воплощается Безгрешный, воплощается Само Благо – чтобы искупить нас от

грехов и даровать нам благо вечное. Люди умирают и страшно боятся этого, но к нам, в долину смертной тени (Пс. 22, 4), приходит Сама Жизнь – чтобы приобщить нас жизни вечной. Люди страдают, не имея любви, но Сам Бог-Любовь воплотился, чтобы мы наполнились светом Любви истинной.

Любить – значит сострадать. А сострадать возможно, лишь став участником страданий того, кого любишь. Бог воспринял плоть, чтобы страдать вместе с нами и за нас. Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились (1 Петр. 2, 24). Если же Бог ради нас стал таким же, как мы, человеком, вошел в нашу историю и пострадал за нас, то неужели мы думаем, что когда-либо в наших скорбях Он оставит нас? Воплотившись, Всемогущий Бог разделил вместе с нами все наши тягости, а затем с нами же делит бескрайние просторы Неба.

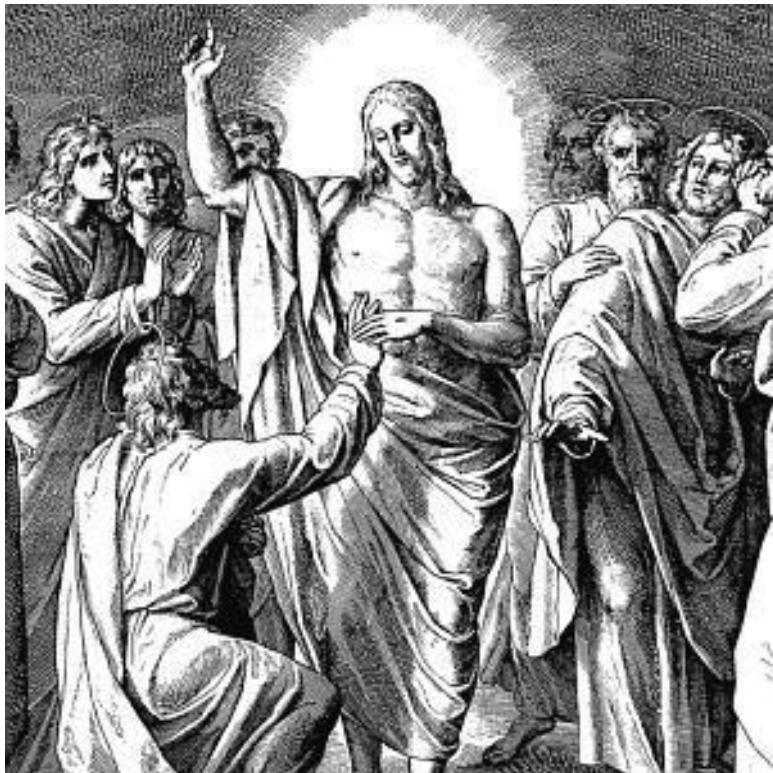
Подлинная любовь не может не воплотиться, и она воплотилась.

Если Бог есть Любовь, то Христос есть Любовь Воплощенная.

О вере «неверующего» Фомы

*Проповедь священника Валерия Духанина на
Всенощном бдении в Казанском храме Николо-
Угрешского монастыря 21 октября 2017 г. на
9-е евангельское чтение на воскресной утрен*

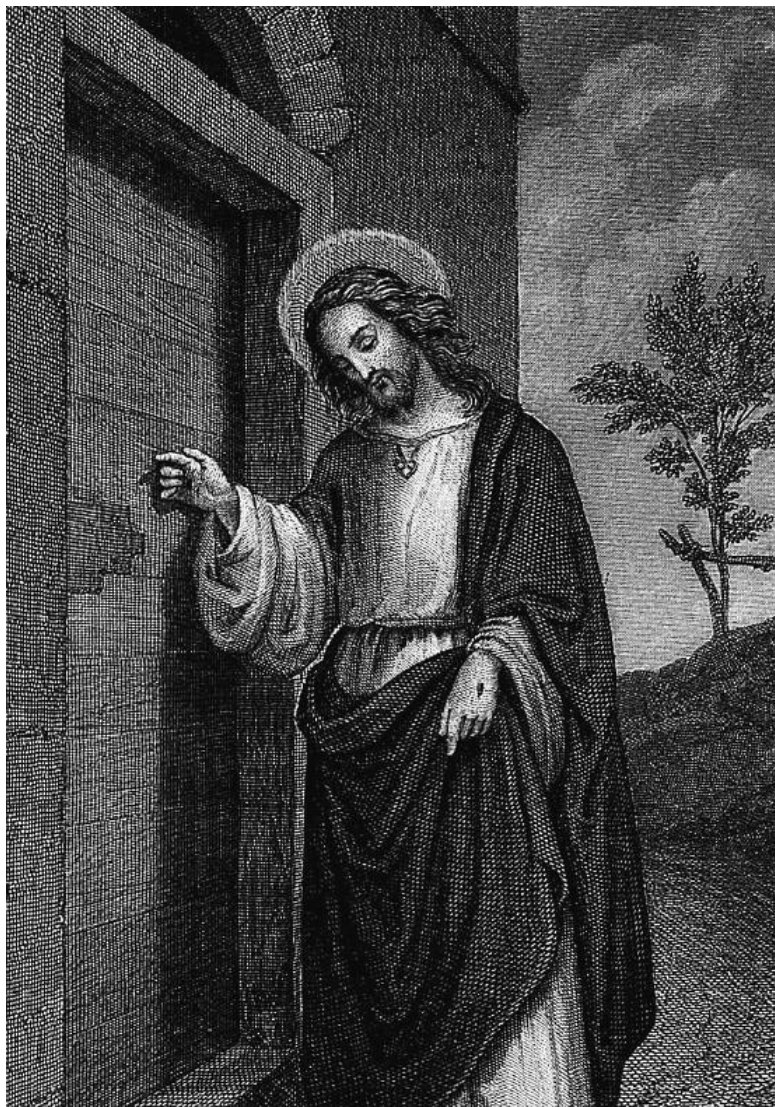
(Ин. 20:19–31)

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!
Дорогие отцы, братья и сестры!

Как часто мы слышим такие фразы: «Что я сам не увижу, то никогда не поверю»; «Чего сам не попробую, о том не могу рассуждать». Некоторое время назад произошел такой случай, о котором поведал наш современник, известный

священнослужитель протоиерей Сергей Правдолюбов. Он учился в обычной советской школе, правда, отказался даже от звездочки октябренька, он уже в детские годы нес крест исповедника веры Христовой. Такие дети в советские годы встречались. И вот однажды в московской школе, где учились его родственники, произошло следующее. Там была девочка, которая не скрывала своей веры во Христа. Учительница постоянно ругала ее. Однажды учительница подняла девочку перед всем классом и стала отчитывать: «Как можно в наш XX век, когда мы уже осваиваем космос, когда почти не остается никаких тайн мироздания, верить в какого-то там невидимого Бога? Разве видел Бога кто-то когда-то?». В это время в дверь кто-то тихо постучал. Учительница подошла, открыла, но никого не увидела. Она продолжила ругать девочку: «Вот ты веришь в Бога, а это всё невежество и отсталое суеверие. Да и где Он, Бог? Как можно верить в Него?». В дверь постучали сильнее. Учительница вновь подошла и открыла дверь – там никого не было. «Мальчики, что ли, балуются?» – предположила она. И снова стала ругать девочку: «Разве ты сама видела Бога когда-либо? Как же можно допускать веру в Него?». В этот момент раздался стук в дверь третий раз, уже очень громко и настойчиво, так что это пронизывало душу.

Учительница подошла, открыла дверь и, словно пораженная невиданным зрелищем, упала замертво. У всех, конечно, был шок. Директор школы запретил детям говорить кому-либо о происшедшем, но это было явное вразумление.

В Священном Писании сказано: «Человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх. 33: 23), то есть грешный человек не выносит явления Божия. Как может дерзать увидеть реалии духовного мира тот, кто погряз в земных страстях? Но сам отец Сергей полагает, что, может быть, Господь милостиво принял душу учительницы, потому что последнее мгновение ее жизни могло сопровождаться искренним раскаянием и сама эта женщина выражала лишь дух своей эпохи, эпохи атеизма. Она выступала против Бога по неведению.

Все мы, конечно, не раз слышали ставшее нарицательным высказывание: Фома неверующий. Когда кто-то упорно не хочет поверить, пока сам не увидит, мы говорим ему: «Вот ты Фома неверующий».

Но если мы вспомним конкретную евангельскую ситуацию относительно апостола Фомы, то признаем, что никакого существенного отличия от других апостолов у него не было. Как не верили десять апостолов женам-мироносицам, пока им самим не явился Христос, так и Фома не имел твердой веры до личной встречи с Воскресшим.

Но Евангелие не случайно повествует о Фоме особо. Его

позиция – это образ особого жизненного поиска людей. Это желание не просто иметь отвлеченное представление о Воскресшем Христе, но быть самому причастным, опытно ощутить и воспринять реалии новой, обновленной жизни во Христе.

Вспомним, что апостол Фома – это тот ученик, который перед воскрешением Лазаря говорит другим ученикам о Христе, желавшем идти в Иудею: «Пойдем и мы умрем с ним» (Ин. 11: 16). По толкованию святых отцов, Фома произнес это с долей обреченности: вот мы пойдем со Христом, и получится, что умрем вместе с Ним. Но тем самым Фома неведомо для самого себя предсказал, что приобщиться к славе Воскресения Христа можно, лишь будучи причастным и Голгофе Христа. А Сам Спаситель перед Воскрешением Лазаря, словно отвечая на слова Фомы, говорит: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин. 11: 25).

Фома – это тот ученик Христов, который на Тайной вечери в недоумении сказал: «Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?» (Ин. 14: 5). Благодаря этому несколько наивному вопросу апостола Фомы весь мир услышал о тайне спасения, и эту тайну Христос выразил словами: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14: 6).

Вопрос Фомы был следствием его телесности, привязанности к земному. Фома полагал путь Христов чувственно,

но отсюда и страх земной перед «убивающими тело», страх за свое земное благополучие. А Христос показал, что за пеленой человеческих страхов и человеческой ограниченности есть высшая реальность Божественной жизни, которой может быть причастен человек.

Христос есть Истина, потому что приходящий к Нему освобождается от лжи нынешнего мира. Христос есть Жизнь, потому что всякий обратившийся к Спасителю ощущает полноту внутренней жизни. Но Он еще есть и Путь, потому что ведет человека к теснейшему единению с Богом. А всякий путь предполагает шествие, но шествие невозможно совершать отвлеченно, абстрактно. Шествовать можно только лично, это личный опыт конкретного жизненного пути конкретного человека. И потому желание Фомы по Воскресении Христа лично прикоснуться к Нему, опытно удостовериться, говорит лишь о том, что он желал быть опытно причастным Воскресению.

«Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20: 26–27).

«Господь мой и Бог мой» (Ин. 20: 28), – восклицает Фома. Прикоснувшись ко Христу, он прикоснулся к Самой Истине. И наглядно удостоверился, что Христос есть Путь, и Истина, и Жизнь.

И дальше, когда Фома, очевидно, убедился, что рядом с ним Сам Христос, не только Своей Пречистой душой, но и телом, недавно убитым, поруганным, а теперь воскресшим, бессмертным, то после этого можно было уже ничего не бояться, идти хоть куда, даже в Индию, даже до края земли, потому что всякий земной путь, соединенный с верностью Богу, есть путь к вечной блаженной жизни в Боге.

Дай Боже и нам идти по этому пути по молитвам святого апостола Фомы. Аминь.